

**П Р О Б Л Е М Ы
В О С Т О Ч Н О Й
Е В Р О П Ы**

7-8

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 7-8

ПРОБЛЕМЫ

ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

7-8

NEW YORK

1983

Журнал редактируют:

Франтишек Силницкий
Лариса Силницкая

Сотрудники:

Людмила Алексеева
Борис Шрагин

Художник:

Лев Межберг

“Проблемы Восточной Европы” — независимый ежеквартальный журнал. Задача журнала — способствовать ознакомлению читателей с политико-экономическим мышлением и политическим опытом наций Восточной Европы и СССР. Народы и государства этого региона отличаются друг от друга, что обусловлено их историческим развитием. В то же время во всех этих странах существуют аналогичные политические и экономические структуры, вследствие чего аналогичны и возникающие в этих странах проблемы. Существуют в этой области противоречия и конфликты. Многие из них культивируются на почве недостаточной информированности наций друг о друге и недостаточной связи между представителями этих наций и государств. Наша цель — по мере возможностей этот недостаток восполнить.

Мы выражаем благодарность редакторам выходящих на Западе журналов на языках наций Восточной Европы, а также авторам и издательствам за разрешение использовать их материалы.

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

Number Seven — Eight

Edited by Frantishek Silnitsky and Larisa Silnitsky

Copyright 1983 by Frantishek Silnitsky
Problems of Eastern Europe

Manufactured in U.S.A.

=====

РЕДАКЦИЯ
ВЫРАЖАЕТ БОЛЬШУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
ВАЛЕРИЮ ЧАЛИДЗЕ

за моральную поддержку нашего начинания
и издание первых шести номеров журнала
“Проблемы Восточной Европы”.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи

<i>В. Краснов.</i> Индустриальная деспотия	5
<i>Зденек Млинарж.</i> О факторах, обуславливающих кризисы систем советского типа в 80-е годы	43
<i>Жюль Мартине.</i> На Востоке — тупик	62
<i>Роман Шпорлук.</i> К определению "Центральной Европы". Власть, политика и культура	74
<i>Мечислав Манели.</i> Коммунизм и юридический неопозитивизм	87
<i>Карел Каплан.</i> Сталин, образование СЭВ'а и Чехословакия	113
<i>Зденек Гейзлар.</i> Польские события и Пражская весна	138
<i>Мирослав Новак.</i> Параллельные структуры и реформистский коммунизм	144
<i>Михайло Михайлов.</i> Третья Югославия	148

Национальная проблема

<i>Франтишек Силницкий.</i> К 60-летию образования СССР	155
<i>Максудов.</i> Национальный состав Красной армии по переписи 1920 года	169

Наш архив

<i>Карл Каутский.</i> Коммунисты за работой	181
<i>Л. Штернберг.</i> Иностранцы	225

Документы

<i>В.И. Ленин.</i> Отрывки из статьи "Пролетарская революция и ренегат Каутский"	270
Новый польский документ	272
Об авторах	274

C O N T E N T S

Articles

<i>V. Krasnov.</i> The Industrial Despotism.....	5
<i>Zdenek Mlynar.</i> Crisis of Political System in Eastern Europe and the USSR in the 80-ies	43
<i>Gil Martine.</i> Future Began 20 Years Ago	62
<i>Roman Szporluk.</i> Defining "Central Europe": Power, Politics and Culture	74
<i>Mecislav Maneli.</i> Juridical Positivism and Philosophy of Law in Poland	87
<i>Karel Kaplan.</i> Stalin and Comecon	113
<i>Lubomir Sochor.</i> Kautsky and Bolshevism	131
<i>Zdenek Hejzlar.</i> The Polish Events and the Prague Spring	138
<i>Miroslav Novak.</i> The Parallel Structures and Reform Communism	144
<i>Mihajlo Mihajlov.</i> The Third Yugoslavia	148

Nationality Question

<i>Frantisek Silnitsky.</i> Nationality Program of CPSU	155
<i>Maksudov.</i> Analysis of Nationality Structure of the Red Army According to the Census of 1920	169

Our Archive

<i>Karl Kautsky.</i> Communists at Work	181
<i>L. Sternberg.</i> "Inorodtsy" (Ethnic minorities)	225

Documents

<i>V.I. Lenin.</i> Kautsky – the Renegade	270
New Polish Document	272

About the Authors	274
-------------------------	-----

С Т А Т Ь И

В. Краснов

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ДЕСПОТИЯ *

Из предисловия:

... В новых советских условиях опять начал употребляться термин "легальный марксизм". Для того, чтобы протолкнуть свое произведение в печать и избежать ловушек цензуры, автор вынужден идти на массу уловок и компромиссов. Политическая мысль выступает часто в мистифицированной форме. Марксистские категории заменяются иными, более расплывчатыми и менее опасными. Многие, очень многие о современности приходится вычитывать в книгах о прошлом. Искусствоведческие труды порой должны заменять работы по социологии.

"Легальный марксизм" начала XX века, возникший отчасти под опекой царской цензуры, видевшей в нем новейшее средство для борьбы с революционным народничеством, был осужден Лениным. Новый "легальный марксизм" заслуживает всякой поддержки. Недогматически мыслящие историки, искусствоведы, социологи и экономисты дают хоть какие-то опоры в нашем идеологическом болоте. Честная книга, даже изуродованная цензором, все же

---

* Глава из книги "Диалектика надежды", Москва, Самиздат, 1980 г. Печатается без ведома автора. — Ред.

подобна глотку свежего воздуха для человека, задыхающегося в застойной атмосфере бюрократического государства. ...

Наша страна — это не только молчание и ложь. Это и бесконечные споры, поиски, дискуссии. И найденное не должно пропасть. Среди всеобщего молчания одинокие протестующие голоса звучат особенно громко. Может быть, они кого-то разбудят. Непременно должны разбудить. ...

Но, во всяком случае, мысль должна быть высказана, а слово записано. То, что занесено на бумагу, не исчезнет, несмотря на любые запреты и преследования. Как в замечательном афоризме М. Булгакова, сделавшемся девизом самиздата: "Рукописи не горят!"

* * *

То, что неизбежно должно случиться, рано или поздно случается. Эта тавтология лучше всего суммирует трагизм русского общества 20-х годов. После подавления кронштадтского мятежа установление прямой "термидорианской" диктатуры бюрократов было лишь делом времени. ...

Троцкий и его сподвижники выступили против этого первыми, но безо всякой надежды на успех. Блистательно критикуя огосударствление партии и связанную с этим бюрократическую деградацию советской республики, они не сумели противопоставить ей реальной положительной программы. Апеллируя к рабочему классу, они не могли предложить ему что-либо конкретное, способное вызвать его на решительную борьбу. В условиях, когда масса рабочих уже порядком устала от революции, не принесшей ожидаемых благ, ультрареволюционные призывы троцкистов были наилучшим способом подрыва собственного авторитета. В то же время сам Троцкий косвенно признавал, что про-

летариат вообще не был тогда способен самостоятельно избавиться от бюрократов.

”Я утверждаю, — говорил он, — что бюрократизация аппарата вытекает из глубоких социальных причин, что основным источником бюрократизации является государственный аппарат, в котором сочетаются и трения и соглашения классов, и некультурность широких масс трудящихся и даже самого рабочего класса”.¹

Пока рабочий класс не достиг определенного уровня культуры, обходиться без бюрократии он не сможет. Троцкий сумел противопоставить бюрократии несколько общих фраз и ряд практических предложений... , которые позднее были отлично осуществлены самой бюрократией.

В этом нет ничего случайного. Трудно сказать, как реализовались бы проекты Троцкого, если бы у власти был он сам. Здесь гадать невозможно. Важно другое. Страна находилась в состоянии глубочайшего хозяйственного кризиса. Новая экономическая модель работала плохо. Особенно печально обстояли дела в государственном секторе. Неправильная организация сбыта приводила к затовариванию, в то время как многих нужных предметов не хватало. Это, впрочем, станет своего рода хроническим родовым недугом советской экономики. Расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары было столь велико, что резко усилилось колебание курса рубля, падала его ценность. Громоздкий аппарат управления был малоэффективен. Производительность труда и заработная плата рабочих были ниже довоенного уровня. Хотя крестьяне и нуждались в целом ряде промышленных товаров, которых, кстати, производилось сравнительно много, купить их было невозможно — цены были невероятно высоки. Продолжала существовать и безработица. Материальное положение трудящихся ухудшалось. Кое-где бастовали.

В таком виде была экономика к моменту смерти Ленина, когда резко обострилась борьба группировок внутри партии. Что представлял собой ”рабочий класс” после революции и как велось управление производством, хорошо видно из рассказа Брандлера. Однажды Пятаков предложил ему поехать вместе

инспектировать шахты. Брандлер согласился. Глубина шахт была 600 м, а рабочие набирались из крестьян. Директор предприятия заявил, что крестьян нельзя посылать под землю, они переломают все оборудование. Он сослался на то, что подобный опыт уже имел место во время промышленной революции в Англии. Органы безопасности тотчас же арестовали директора за то, что он сравнил эпоху капиталистического накопления со строительством социализма. Как и следовало ожидать, мужики переломали в шахте все, что можно, в том числе и дорогие современные машины.

”Пятаков был в ярости, — пишет Брандлер, — ’Идиоты! Варвары! Невежды! Мы даже сами не знаем, с какой дикой нацией мы сделали революцию.’ Когда мы прибыли на шахту, мы, конечно, тотчас освободили директора. Но Пятаков обратился к нему примерно так: ’Вы были правы, однако, мы даем вам шесть месяцев, чтобы навести здесь порядок. Если вам это не удастся, вы отправитесь назад в тюрьму’.”²

Брандлер считает, что Пятаков был прав, ибо иначе тогда руководить русскими было невозможно.

На повестке дня стояло не только восстановление, но и реорганизация экономики. Создание коллективного сельского хозяйства и современной индустрии. Именем цивилизации пришли большевики к власти и ныне они должны были осуществить главную задачу, которая им была поставлена историей. Или Россия преобразуется в промышленную державу, или она обречена. Капиталистический путь индустриализации был невозможен. Он оказался бесперспективным еще до революции 1917 года. ...

Оставался некапиталистический путь. В этом сходились Троцкий, возглавляющий левых, и Бухарин, которого называли ”правым”, но который, в сущности, был центристом; и правое, бюрократическое крыло во главе со Сталиным. Вопрос был в том, какими путями и методами может быть проведена индустриализация. И здесь Троцкий не предложил никакого принципиально антибюрократического решения. Его программа радикальных реформ могла быть осуществлена только деспотическими методами военно-бюрократической диктатуры или вооб-

ще остаться лишь на бумаге. Поэтому Сталин и К^о впоследствии взяли на вооружение идеи Троцкого.

Иным было положение Бухарина и его группы. Они, пожалуй, могли бы обеспечить для России небюрократический путь развития. Программа Бухарина предусматривала постепенное, но глубокое изменение всей социально-экономической структуры. При помощи налогов и политики цен ("дани") в городе должен был создаться более высокий уровень жизни, чем в деревне, что привело бы к переходу наиболее подвижных и энергичных элементов крестьянства в рабочий класс. Одновременно предполагалось, развивая легкую промышленность, получить дополнительные капиталы, которые можно было использовать для создания тяжелой индустрии. В сельском хозяйстве понемногу должна была проводиться кооперация в соответствии с предложениями Ленина. В целом, если Троцкий, а затем Сталин, ориентировались на, своего рода, "большой скачок", то Бухарин понимал, что гораздо надежнее, если экономика будет набирать темпы по мере накопления сил и ресурсов.

В то же время Бухарин надеялся, что вместе с возрождением и ростом рабочего класса удастся развернуть программу промышленной демократии на заводах, которая была уже в основных чертах разработана. Так у бюрократии была бы выбита почва из-под ног.

Национальной буржуазии отводилась в этом плане роль "второго эшелона", дополнительного источника экономического роста. Если Троцкий возлагал надежды на мировой пролетариат, то Бухарин предпочитал рассчитывать на собственные силы. Его идея "социализма в одной стране" выглядела теоретически не вполне убедительно, однако вряд ли можно забыть, в каких условиях она возникла. Бухарин имел смелость констатировать простейший и очевидный факт: мировая революция, на которую надеялись большевики, не произошла, капитализм пережил кризис и вступил в полосу относительной стабилизации. Почему так случилось, вряд ли мог ответить кто-либо из большевиков. "Коммунистический Интернационал", призванный заменить обанкротившийся международный союз социал-демократии, рос не слишком быстро и явно не мог побороть влияние "оппортунистов" в рабочем движении. Это с точки зрения чистой теории понять трудно. Здесь играли свою роль многие фак-

торы, в том числе, не в последнюю очередь — недоверие демократического рабочего класса Запада к опыту русского коммунизма. Рабочие мира приглядывались к развитию событий в СССР, но не спешили повторять русский эксперимент у себя. В нем было много сомнительного.

Коминтерн, напротив, с самого начала ориентировался на русскую модель как на свой идеал. Поэтому, когда Троцкий делал ставку на мировую перманентную революцию, которая может ликвидировать бюрократические и "азиатские" черты советского государства, он явно заблуждался. Заграничные компартии собирались вовсе не "исправлять" и "улучшать" Советскую Россию, а лишь воспроизвести ее где-нибудь на Западе. Согласно взглядам "левой оппозиции" судьба русской революции в конечном счете зависела от мирового пролетариата. Так было в 1905 и 1917 годах. И изоляция России во время гражданской войны была зловещим симптомом. Но советская власть выстояла. Ее разутые и полуголодные солдаты победили армии белых генералов. И тем не менее исход революции был еще не вполне ясен. Теперь от событий в России зависело будущее коммунистического движения. Весь мир следил за Россией со страхом или надеждой. Таким образом, зависимость была не та, о которой думал Троцкий, а как раз обратная. Поэтому лозунг бухаринцев — "социализм в одной стране", — при всей его теоретической слабости и опасной националистической тенденции, все же был очень своевременным.

Сейчас мы знаем, как мало было шансов у Бухарина, не говоря уже о Троцком: все ключевые позиции уже занимала бюрократия. Но все же в истории нет однокорейной дороги, в ней всегда есть моменты альтернативы. Такой момент был и в 20-е годы. Конечно, борьба была неравная, и победа Бухарина оказалась бы чудом. Впрочем, вряд ли можно было бы заранее исключить всякую возможность успеха. Чудеса в истории случаются крайне редко, но все же случаются. Мы не привыкли их замечать, нам куда легче обнаружить упущенные возможности, чем понять, как трудно было реализовать использованные. Несмотря на почти безнадежное положение, Бухарин все же мог бороться за спасение революции.

В руках у бухаринской фракции были важные посты в государстве, в профсоюзах, в партии. Но старые большевики не уме-

ли вести борьбу в новых условиях. Они привыкли решать дела в открытой полемике большинством голосов. Бюрократия же действовала путем интриг и закулисных перестановок, в которых люди революционного типа ничего не смыслили. Новые правила игры были для них непонятны. Понемногу и Бухарин и даже Троцкий превращались в марионетки в руках Сталина, который удалял одних противников при помощи других. Допустив разгром левых, Бухарин подготовил собственное поражение. Настал час Сталина.

Хорошо известно, что у Сталина не было своей программы. Он комбинировал чужие идеи, переосмысливал их и использовал в соответствии с нуждами бюрократии. Если Троцкий и Бухарин были людьми блестящими, талантливыми, популярными, то Сталин во всех воспоминаниях выглядит личностью крайне бесцветной, неоригинальной. Однако, не в этом нужно искать причины того удивительного политико-теоретического эклектицизма, которым отличались позиции его фракции. Конечно, прав Г. Водолазов, когда замечает, что

”... в условиях, когда правительство неподконтрольно народу, немалое влияние на форму власти могут оказывать черты характера стоящих на верху общественной лестницы”.³

Но это скорее относится к Троцкому, Зиновьеву, Бухарину времен их возвышения. Сталин выглядит в исторической литературе человеком без индивидуальности, машиной для захвата власти, без принципов, без идей, без идеалов.

Если Ленин и другие большевистские лидеры были людьми европейски образованными, знавшими языки, подолгу жившими за границей, то Сталин был совершенно чужд этому ”космополитизму”, он был невероятно провинциален.

”Различия можно обнаружить также и в стиле, — писал западногерманский исследователь В. Леонард, — в работах Маркса, Энгельса и Ленина мы встречаем живую и часто чрезмерно резкую полемику. Сталин излагал свою доктрину в простых предложениях, при помощи коротких вопросов, на которые он затем, постоянно повторяясь, отвечал”.⁴

Партия сравнивается с армией, государство с машиной, вожди с титанами и т.д. и т.п. Стиль безлик, мысль зачастую бессодержательна.

Такой человек был образцовым лидером для бюрократии. Сам Сталин был замечательным чиновником, его обезличенность вполне типична для этого класса. Собственно, и сталинская фракция не похожа на все остальные. Это даже не фракция, а просто организованный под его руководством партийный аппарат, который может по указанию начальства поддерживать Зиновьева против Троцкого, Бухарина против Зиновьева, а затем сожрать и самого Бухарина. Аппарат анонимен, не имеет индивидуальности и безответственен, потому что он может совершить любую переориентацию без всякого труда. Он может быть левым, правым, центристским. Но он работает в конечном счете на себя, а не на тех, за кем он следует. Ленин напоминал, что нужна бюрократия для политики, а не наоборот. Но наступает момент, когда бюрократия решается окончательно и бесповоротно подчинить себе политику.

Сталину не нужно было создавать своей теории. Как бюрократия наследовала учреждения и организации, возникшие в революции, так и Сталин использовал уже готовый теоретический материал, созданный революционными лидерами. Бюрократия начисто лишена духовной инициативы. Она не может ничего создавать, она может только использовать.

Бюрократии свойственен был некий изначальный эклектицизм. Специфика ее как социальной группы состоит в том, что она формировалась непосредственно в борьбе за власть. Ее самостоятельность по отношению к обществу всегда связана с определенной властью над ним. Партийный аппарат быстро превращался в хозяина партии, срастался с государственным аппаратом. Это становление нового класса тождественно укреплению ее власти. До тех пор, пока политическое и экономическое господство не сконцентрировалось полностью в руках бюрократии, она не может стать классом. Поэтому новые хозяева страны были не в состоянии выработать свою идеологию и программу заранее. Для этого требуется известное предварительное развитие и организованность, чего в данном случае не было. Бюрократия оставалась эклектичной и неопределенной инертной массой, способной, однако, благодаря своей устойчивости одерживать

верх в любых столкновениях. Она не могла иметь отчетливого классового сознания, однако очень удачно перерабатывала плоды чужого.

Кто такие были советские "коммунистические" бюрократы первого призыва? Среди них было некоторое количество прежних пролетариев, ставших чиновниками и усвоивших их нравы, незначительные остатки царской администрации, не игравшие большой социальной роли, но оказавшиеся носителями психологической традиции, которая передалась их преемникам. Основную же массу составляла деклассированная мелкая буржуазия города и деревни. Все эти разнородные элементы отчасти сохраняли свои прежние идеи и мировоззрения, отчасти приспособливали их к новым условиям.

Традиционная идеология бюрократии, описанная Марксом в "Критике гегелевской философии права", в "Оправдании мозельского корреспондента" и отчасти в "Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта", была в высшей степени близка и новым хозяевам жизни. Старое мироотношение социальной группы сохранялось в изменившейся ситуации прежде всего благодаря тому, что тип деятельности советского чиновничества был тот же, что и царского. Методы управления не изменились, да и не могли измениться, ибо социалистическую реорганизацию в этой области осуществить не удалось из-за неразвитости масс. В результате снова, как и при царском режиме, дела решались в бюрократических канцеляриях, вдали от непосредственных исполнителей, среди гор бумаг, разнообразных справок и отношений. Этот мир канцелярий имел свои законы и он быстро подчинял им всех новичков. Коммунисты становились бюрократами, живущими не событиями дня, а реальностью официальных бумаг и отчетов, сильно от них отличающейся.

"Бюрократия, — писал еще Маркс, — считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои 'формальные' цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с 'реальными' целями. /.../ Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие

круги во всем, что касается знания частных; низшие круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение”.⁵

Так начинает складываться форма бюрократической идеологии. Да, именно ”форма”, ибо, как говорилось, бюрократия не способна сама выработать содержание, она заимствует его, затем формализует и тем самым трансформирует. Бюрократическая система – закрытая система, поэтому и общество и идеология должны быть закрытыми, это первое правило, непосредственно вытекающее из бюрократической круговой поруки. Открытая дискуссия и соответствующее государственное мышление представляется бюрократу предательством, нарушением тайны. Любая теория, в том числе и марксизм, приобретает религиозный оттенок.

”Так как этот ’государственный формализм’ конституирует себя как действительная сила и самого себя делает своим собственным материальным содержанием, то ясно само собой, – продолжает Маркс, – что ’бюрократия’ представляет собой сплетение практических иллюзий, или что она есть ’иллюзия государства’; дух бюрократии есть всецело дух иезуитства, дух теологии. Бюрократы – иезуиты государства и его теологи”.⁶

В то же время мелкие буржуа сохранили, придя в государственные и партийные учреждения, свои старые симпатии и предрассудки. Они вышли из слоев, которые зачастую ненавидели ”евреев и комиссаров”, всех тех, кто установил в стране советскую власть. Ныне, адаптировавшись в новой ситуации, вступая в партию, они сами стали частью этой власти, понемногу даже ее главной опорой. Но свои предрассудки и свою ненависть к социальным группам, ”делавшим революцию”, они, в измененной форме, все же сохранили. Теперь все они должны были быть ”марксистами”, но это лишь формальность. Освоив азы теории, наподобие символа веры, они искали в ней прежде всего орудие для формального обоснования своей деятельности и решений. Совсем не обязательно им было специально ”фальси-

фицировать” марксизм. Просто понятий в соответствии с их ограниченным мышлением, он переставал существовать как некая целостная теория и сводился к ритуалу. Ритуал, впрочем, должен был, как и всякое священнодействие выполняться как можно строже.

Такое отношение к марксизму, утратившему свое историческое содержание, позволяло наполнять его иным, бюрократическим. Старая идеология возрождалась в новой форме. Отсталость России давала о себе знать, она брала реванш не только в экономике, но и в идеологии тех мелкобуржуазных масс, которые теперь были человеческим резервом бюрократии.

”Социальные силы, оправившиеся, наконец, после недавнего поражения, – писал итальянский философ Л. Коллетти, – шедшие на компромисс с новым революционным порядком и существенно влиявшие на его курс, были прежде всего силами, отстаивавшими традиционные национально-узкие ценности перед лицом иностранного влияния”.⁷

Эстонский публицист Й. Луига еще в 1919 году писал, что среди большевиков существует националистическое течение, заимствовавшее у пародничества идею

”...’мессианизма’ славянской породы, которую выдвинули и развили славянофилы, которую с некоторыми оговорками принял Герцен и которую теперь наряду с неославянофилами Бердяевым, Оэрном, Гершензоном, Мережковским проповедают выдающиеся идеологи большевизма: Бухарин, Сталин, Горький. А именно они утверждают, что Россия призвана обновить мир и прежде всего принести возрождение буржуазной Западной Европе и ее прогнившей культуре. Петербург является новой Меккой и Иерусалимом, откуда целительные волны станут орошать всемирную социальную пустыню”.⁸

Хотя Горький не примкнул тогда еще к Сталину и вообще находился в оппозиции, а теория ”социализма в одной стране” еще не была сформулирована, проницательный эстонец очень верно понял тенденцию развития.

Возрождение под видом "марксизма" великорусского шовинизма отмечал еще Ленин. В связи с образованием СССР эти тенденции впервые в послереволюционное время показали свою силу. Тогда Ленин выступил с резкой критикой партийно-государственного аппарата и всей государственной системы, сказав, что первое в мире государство рабочих и крестьян

"...хуже первого паровоза".⁹

Прогнозы Ленина были малообнадеживающими. Образование СССР должно было стать началом возрождения империи.

"При таких условиях, — писал Ленин, — очень естественно, что 'свобода выхода из союза', которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали как муха в молоке."¹⁰

Теория "социализма в одной стране", возникшая у Бухарина, по удачному выражению Сартра, как "теоретизация практической необходимости"¹¹ была усвоена бюрократией в совершенно ином, националистическом варианте. Старое русское мессианство, идея великой матушки Руси, идущей своей особой неповторимой дорогой, неожиданно возродилось в новом "революционном" обличье. То, что для Бухарина было трагической неизбежностью, для бюрократов стало великим благом.

Такое же сугубо националистическое значение придали бюрократы и культу Ленина, развившемуся сразу после смерти вождя революции. Обожествление начиналось еще при его жизни, но сам Ленин очень энергично этому сопротивлялся. Когда же главное препятствие для создания нового культа (в лице его объекта) исчезло, можно было говорить о великом человеке любую благонамеренную чушь, не боясь его протестов.

Новое содержание, однако, настолько не укладывалось в рамки марксизма, что понадобился и новый термин — "лени-

низм”. Собственно сам этот термин возник очень давно, в период революции 1905 года, его употребляли меньшевики, прежде всего Л. Мартов — как бранное слово. Сам же Ленин никогда не считал себя основателем новой школы или нового течения в марксизме. Он весьма успешно разрабатывал целый ряд проблем теории, и в то же время был первым марксистом, попытавшимся ”реализовать философию”, воплотив ее в практику. Надо помнить, что условия для этого были крайне неблагоприятными.

Но бюрократия смотрела на ”ленинизм” совершенно иначе. Именно там, где его практика была неразвитой, незавершенной, неудавшейся, но зато выражавшей национально-особенные черты России, она прежде всего абсолютизировалась. Поэтому по-своему прав Э. Фишер, называвший ”ленинизм” марксизмом, приспособленным к нуждам слаборазвитой страны, или маоисты, называющие его ”русским марксизмом”. Это очень мало соответствует действительному направлению ленинской мысли, но именно в таком духе переосмыслили его труды создатели нового ”изма”.

Впрочем и здесь бюрократия в лице Сталина и других своих лидеров не создала ничего самостоятельного. Еще в 1924 г. Бухарин говорил о том, что ученики Ленина должны свести в систему его учение, хотя сам ”Ильич” никогда не пытался сделать что-либо подобное. Бухарин видел сильную сторону Ленина как марксиста в подчинении теории практике, что также было не вполне верно и, во всяком случае, не может рассматриваться как достоинство.

Пожалуй именно Бухарин больше всех сделал для подготовки новой идеологии. Если практические решения Сталин заимствовал у Троцкого, то теоретические принципы для него ”поставлял” Бухарин. Вряд ли будущая жертва московских процессов имела четкое представление о том, насколько опасны могут оказаться самые отвлеченные философские построения, если в них закралась ошибка. Знаменитая книга Бухарина об историческом материализме стала основой всех позднейших советских учебников вплоть до наших дней. Теперь никто не ссылается на первоисточник, но заимствования сразу бросаются в глаза. Теоретические взгляды Бухарина были оценены Лени-

ным не очень высоко. Соответствующее место в "Письме к съезду" звучит несколько странно:

"Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)." ¹²

На первый взгляд трудно представить себе более противоречивую характеристику. Первая ее половина полностью опровергается второй. Уж не собирался ли Ленин в такой форме отмежеваться от "собственной" партии, где в "крупных теоретиках" ходят схоласты и недоучки? Во всяком случае, ясно, что философские идеи Бухарина (и наших современных учебников) вряд ли стоит принимать всерьез. Ему свойственно упрощение марксизма, сведение исторического детерминизма к механистическому и фаталистическому материализму эпохи Просвещения. Его мысль одномерна, это теория для духовно бедных и не исключено, что в этом-то и была ее сила. Ведь она не только примитивна, но и доступна. В условиях быстрого роста партии именно бухаринская версия исторического материализма быстрее всего усваивалась новообращенными марксистами и, конечно, бюрократами. Для тех, кто желал идти дальше в освоении марксистской философии, были работы Плеханова ("О роли личности в истории" и др.), тоже не лишённые известных фаталистических мотивов, но в целом дающие куда более серьезное и глубокое толкование основных вопросов, наконец для наиболее дотошных всегда была открыта возможность прочитать самого Маркса (хотя ни "Немецкой идеологии", ни "Рукописей 1844 года" тогда не знали). Поэтому старые марксисты не склонны были бояться, что теоретическая деятельность Бухарина причинит вред партии. Однако это было не так. С того момента, как его упрощенные взгляды сделались официальной доктриной, марксистская философия в России оказалась парализованной, в сущности запрещенной.

Создание "ленинизма", начатое Бухариным, шло полным ходом в течение всех 20-х годов. "Систематизация", обобщение трудов Ленина были связаны с очисткой их от всего случайно-

го. Эта задача нелегкая, особенно, если учесть, что каждый подходит к ней со своей меркой. Кому предстояло решить, что в статьях Ленина главное, а что второстепенное? Наследники великого революционера имели свои собственные интересы и идеи, поэтому многое важное они предпочитали не замечать, а незначительным мелочам придавать вселенское значение. То, что было сочтено "случайным", исчезало из "учения Ленина", остальное делалось догмой.

"Таким образом, — пишет итальянский марксист В. Джерратана в статье о происхождении сталинизма, — весь проект его преемников был с самого начала основан на мистификации".¹³

Так получилось, что изумленному советскому обывателю предложили на выбор сразу несколько "ленинизмов". У каждого наследника была своя версия того, что главное, а что второстепенное в "учении". "Ленинизм" — это теория построения социализма в одной стране, говорили Бухарин, Сталин и последователи того и другого, изыскивая цитаты в подтверждение своей мысли. Нет, возражал им Каменев, это теория мировой революции.

"Мы должны начать, — так излагает он теорию 'ленинизма', — но окончательно победить социализм может только на пространстве ряда капиталистических и промышленных стран. Поэтому учение Ленина не есть теория о победе социализма в отдельной стране, а есть теория о том, что где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда придет к окончательной победе, когда сумеет в свой оборот завлечь целый ряд стран".¹⁴

Троцкий не создал своего "ленинизма", но доказывал, что так называемый "троцкизм" или "теория перманентной революции" совершенно тождественна идеям самого Ленина.

"Ленинизм" превратился в фантом, орудие фракционной борьбы внутри партии. Под видом "идей вождя" каждый пытался протащить свои собственные верные или неверные выводы, подобно средневековому философу, для которого нет ничего

страшнее оригинальности. Попытка скрыться за авторитетом понятна, каждый старался стать сильнее, чем он есть. Но результат был обратный ожидаемому. Авторитет, которым Бухарин, Каменев, Зиновьев или Троцкий пытались защититься, оказался использован против них.

Рано или поздно должен был возникнуть некий единый, общеобязательный, навязываемый при помощи постановлений Центрального комитета "ленинизм", окончательная истина в последней инстанции, не подлежащая теоретическому обжалованию. Только такая идеология приемлема для бюрократов, нуждающихся в единстве теории больше, чем в других ее достоинствах. Такая теория оформилась у Сталина в "Вопросах ленинизма". Термин "марксизм-ленинизм" был навязан партии относительно поздно (В. Леонард приводит дату — 14 декабря 1938 года) и с тех пор сделался официальным названием государственной идеологии.

Создание нового термина имело очень большое значение. Во-первых, Ленин не только канонизировался, но и приравнивался к Марксу. Во-вторых, вместо пришедшего с Запада марксизма Россия получала "свой", национально-особенный "марксизм-ленинизм", который, в свою очередь, затем можно было экспортировать на Запад. Русские социалисты, как большевики, так и меньшевики, были европейцами, они ориентировались на универсальные принципы и традицию западной культуры, частью коей и был марксизм. Новый термин заменял эту ориентацию иной — националистической. Но этот национализм был замаскирован при помощи революционной терминологии. С одной стороны, сохранялась внешняя преемственность, с другой — совершался крутой поворот.¹⁵

Канонизация Ленина, начатая сразу после его смерти, совсем не соответствовала партийной атмосфере, насаждавшейся при его жизни.

"Это противоречило, — писали Э. Фишер и Ф. Марек, — не только критическому духу марксизма, но и духу самого Ленина, о котором Рассел после посещения Москвы писал, что он еще никогда не видел выдающегося человека, столь лишенного ощущения собственной значительности".¹⁶

Для большевиков живой Ленин никогда не был безусловным и высшим авторитетом. В значительной степени благодаря его собственным усилиям, несмотря на авторитарную структуру партии, в ней царил дух свободной дискуссии. С Лениным спорили, иногда очень резко. Он был лишь первый среди равных. Он приводил в исполнение свои решения, лишь убедив большинство партии в своей правоте. Обожествляя Ленина, Зиновьев, Каменев и Бухарин ковали оружие против самих себя. Их старая полемика против "Ильича", которая в свое время была частью нормальной партийной жизни, превращалась ныне в ересь, в грех, который им никак нельзя было простить.

Сталин также неоднократно выступал против Ленина. Так было во время создания СССР в 1922 году, когда "Ильич" резко осудил сталинский проект "автономизации" национальных республик и потребовал их объединения с Россией на основе полного равенства в свободную федерацию. Раздражение Ленина против "Кобы", как звали тогда в партии Сталина, постепенно накапливавшееся в последние годы жизни, отразилось в "Письме к съезду". Ленин потребовал снять Сталина с поста генерального секретаря. Но это завещание лидера революции даже не было после его смерти обнародовано, в основном, благодаря усилиям Зиновьева, который в тот момент желал спасти Сталина как своего союзника в борьбе с Троцким (о том, что Сталин в очень скором времени расправится и с Троцким и с Зиновьевым, кроме Ленина никто не догадывался). "Письмо" было опубликовано в СССР лишь при Хрущеве (хотя неофициально его текст уже раньше был передан на Запад троцкистами), и оно сделалось мощным орудием в руках деятелей XX съезда. Таким образом, ни один из творцов "ленинизма" не избежал идеологического отлучения. Однако при жизни Сталина запрещено было упоминать о его конфликтах с "Ильичем". Да и сами эти столкновения были очень серьезными, но не самыми заметными. Поэтому "Коба" все больше предстал в глазах партии единственным верным апостолом учителя, в то время как остальные шесть членов Политбюро оказались все до единого иудами.

Поклявшись выполнять "заветы Ильича", Сталин и К^о спокойно игнорировали его практические рекомендации. Советский Союз формально оставался федеративным государством, но в действительности все малые республики понемногу лишались

своей самостоятельности и подчинялись политике русского национализма, проводимой Москвой. Советский Союз был задуман Лениным как альтернатива Российской империи, у Сталина же он превратился в ее обновленный вариант. Вся политическая практика нового руководства, несмотря на марксистскую терминологию постепенно перестраивается в духе традиций царского государства – в этом смысле сталинизм явление безусловно домарксистское.

Под видом "развития" марксизма Сталиным и его наследниками были навязаны обществу те самые идеи, которые Маркс и Энгельс, а также Ленин постоянно разоблачали как утопические, вредные. Государство отныне во всех наших официальных учебниках трактуется в духе вульгаризированного Гегеля, а вовсе не по Марксу. Об отмирании государства при социализме предпочитают не вспоминать. Отныне государство и прежде всего репрессивный и бюрократический аппарат объявлены важнейшими компонентами социалистического общества. А ведь именно они по Марксу и Ленину должны были отмереть в первую очередь. Вся марксистская теория государства пересмотрена. Другие важные концепции либо забыты, либо формализованы, превращены в ничего не значащий набор слов, повторяемых по поводу и без повода.

Любые попытки отстоять собственные ленинские идеи отныне караются как "ревизионизм", причем репрессиям подвергаются не только советские, но иностранные коммунисты. ...

Если в начале 20-х годов советское общество в культурно-политическом отношении оставалось открытым, то после победы сталинской фракции ситуация меняется. Связи с Западом как в сфере искусства и общественных наук, так и в экономике резко сокращаются и ставятся под контроль. Внутри страны свободная и публичная дискуссия окончательно уступает место директивным решениям, принимаемым за закрытыми дверями. Советское народное хозяйство ориентируется на замкнутое развитие.

Для экономической автаркии у России имеются немалые возможности, страна располагает материальными и людскими ресурсами для существования в изоляции. Хотя ориентация на самообеспечение всем необходимым и имеет массу неудобств, она соответствует главной цели бюрократии – укрепляет ее власть,

делает ее господство более полным, неограниченным. С другой стороны это соответствует лозунгу "социализм в одной стране". Ленин говорил, что республика Советов не может существовать среди капиталистических стран, не сотрудничая с ними, если только она не улетит на Луну. Сталин же попытался на практике осуществить вычленение СССР из мировой экономической системы. В хозяйственном отношении Россия должна была исчезнуть с лица земного шара, точно так же как остальной мир переставал существовать для России. Этот идеал "государства на Луне" практически был недостижим, но именно он вдохновлял лидеров бюрократии в 30-е годы. Известное обаяние он имеет для них и по сию пору.

Новая система управления резко отличалась от принятой в начале 20-х годов, зато приобрела цельность. Если во время революции элементы демократии и бюрократической диктатуры сосуществовали и взаимно проникали друг в друга, то в 30-е годы система делается органической, тотальной. Единство бюрократической организации заменило демократический плюрализм там, где он еще существовал.

"Монолитный аппарат власти, — писал Э. Фишер, — не терпит никакой демократии."¹⁷

Система сделалась более "целесообразной", согласно своим собственным законам, непротиворечивой. Зато она окончательно приобрела антинародный характер. Ота Шик перечислил некоторые черты этой псевдокоммунистической власти в своих работах 70-х годов. Прежде всего, господство бюрократии должно быть абсолютным, ничем не ограниченным. Эта невероятная сила правящей элиты создает у нее иллюзию, что ей подвластен не только сегодняшний день, но и вчерашний, который изменяется в соответствии с интересами правительства в официальной истории (по формуле Дж.Орвелла — прошлое принадлежит тому, кому принадлежит настоящее). Бюрократия стремится предписывать законы не только людям, но и природе. Во всяком случае, в конце 40-х годов она пыталась это делать, отменив, например, генетику. В последнем случае она неизбежно терпит поражение, что доказывает вредоносность абсолютной власти даже для самого ее носителя. Другая важная черта бюрокра-

тии это произвольная интерпретация законов и постановлений. Одна и та же политика может осуществляться на востоке страны совсем не так, как на западе. А уж прошлые решения могут трактоваться как угодно. Любое правонарушение может быть совершено в рамках легальности, ибо нет контроля за реализацией и выполнением законов в точности. Собственно на этом принципе построена вся работа репрессивного аппарата.

Бюрократ работает не в интересах и под наблюдением общества, а ради личной власти и выгоды, что влияет на характер проводимой им политики и отражается на его методах "прочтения" постановлений. Наконец, власть анонимна, а потому и безответственна. Это очень страшно. Аппарат, как правило, действует в тайне.

"Единственное правило, — пишет Х. Арендт, — которому все подчинены в странах тотального господства, состоит в том, что чем больше публичности в действиях того или иного аппарата, тем меньше у него власти".¹⁸

Поскольку бюрократ не заинтересован лично в успешном функционировании хозяйственного механизма (хотя он не стремится и к обратному, как порой кажется рабочим, выполняющим его приказы), многие решения принимаются в ущерб эффективности. Важен не результат, а отчетность.

Когда в конце 20-х, начале 30-х, укрепив свою политическую власть, Сталин начал проводить в жизнь программу "построения социализма в СССР", он взял на вооружение прежде всего социально-экономические идеи троцкистов и "левой оппозиции". Радикальные предложения Троцкого были вполне подходящими для бюрократии, стремившейся окончательно перестроить все общество в единую иерархию. Ликвидировав независимое крестьянство, она искоренила последнюю социальную группу, сохранявшую еще некоторую автономию по отношению к власти. Из разоренных и запуганных крестьян она получила покорных рабочих. Создавая мощную тяжелую индустрию, она окончательно обеспечивала независимость СССР в мировом хозяйстве. Таковы были цели индустриализации и "коллективизации". Экспроприация миллионов крестьянских хозяйств давала также и средства для строительства промышленных объектов.

Деревня должна была содержать город, крестьянин – рабочего, сельское хозяйство – промышленность. Так разобшались трудящиеся классы, совместная борьба которых в тех условиях была бы единственным способом защитить себя от новых хозяев.

За счет жесточайшей эксплуатации большей части населения, бюрократия могла осуществить стремительный рост экономики и ее частичную модернизацию. Правящий класс видел в развитии системы гарантию своего могущества и не считался ни с какими моральными и социальными издержками для обеспечения роста:

”Производство, – по словам Адорно, – превратилось в самоцель и потеряло свою цель, состоящую в реализации свободы”.¹⁹

Сталинисты изображали коллективизацию как осуществление ленинского кооперативного плана. Но, во-первых, Ленин вовсе не собирался загонять крестьян в кооперативы насильственно. Во-вторых, его ”кооперативы” имели с колхозами мало общего. По мысли Ленина, в кооперативе крестьянин сохранял большую часть своей социальной и хозяйственной автономии, в то время как колхозник становился рабом, подчиненным сельской бюрократии, которая, в свою очередь, выполняла приказы городской и т.д. Крестьяне даже не имели паспортов, и без разрешения начальства не могли покинуть колхоз. По существу это было второе издание русского крепостничества.

Коллективизация оказалась для русской деревни страшнее стихийного бедствия. Ее ”эффект” сравним разве что с татарским нашествием в середине XIII века. Правительство развернуло самую настоящую войну против крестьянства. Армейские подразделения по всей стране подавляли бунты и запугивали мужиков. Эти события с полным правом можно назвать второй гражданской войной в СССР. Пассивное сопротивление крестьян выразилось в массовом забое скота, после которого поголовье не удавалось восстановить в течение трех десятилетий. Дезорганизация сельского хозяйства и неурожай породили настоящий голод. По большинству источников русский народ потерял в период коллективизации около 8 млн. жизней. Кроме того, еще 25 млн. мужиков вынуждены были переселиться в города и пре-

вратились в рабочих. С 30-х годов начинается обезлюдень и деградация русской деревни.

События 1929-1932 годов многократно описаны как с марксистских, так и с антикоммунистических позиций. Еще Бухарин говорил об антинародной сущности этой политики и предупреждал об ее последствиях.

”Даже если бы этой критики и не было, — писал Коллетти, — результаты коллективизации говорили бы сами за себя: непрерывный кризис советского сельского хозяйства, низкая производительность труда, по-прежнему высокий процент занятых в деревне людей и импорт зерна Россией”.²⁰

Непосредственные результаты коллективизации также не радовали. Если во второй половине 30-х годов сталинские расчеты в значительной степени стали оправдываться, то сначала новая хозяйственная система никак не желала работать. Сам Сталин вынужден был осудить методы своих чиновников, выступив со статьей ”Головокружение от успехов”.

Троцкисты, направлявшие донесения своему уже изгнанному из страны лидеру, писали о многочисленных проявлениях народного недовольства.

”Письма Троцкому, — сообщила газета ’Монд’ полвека спустя, когда его архивы были обнародованы, — рисуют чудовищную картину советской реальности в эту эпоху: невероятная миграция сельского населения, большие города вроде Харькова, лишённые электричества в течение месяцев, заводы, построенные, но не годные к эксплуатации, рабочие, отказывающиеся трудиться в ритме, непереносимом для голодных людей”.²¹

Даже среди сторонников Сталина началось брожение. Рядовые коммунисты были смущены или дезориентированы. Оппозиция активизировалась. Так в 1931-1934 годах режим сталкивается со своим первым кризисом, который мог быть использован для возврата революционных порядков в стране.

Недовольные внутри партии делали ставку на ленинградского лидера, не очень известного широким массам. Реорганизатором режима должен был стать С.М. Киров. Очевидно, смена лидера должна была повлечь за собой далеко идущие реформы, успокоить население, примирить между собой разные фракции, все еще существовавшие в ВКП(б). Для Троцкого и Бухарина это был последний шанс. Пожалуй, окажись Киров на уровне своих задач, события могли бы развернуться совсем не так, как мы знаем из истории. Но Киров не решился или не захотел вступить в открытую борьбу со Сталиным, хотя за ним стояла даже некоторая часть самой бюрократии, напуганной результатами собственной политики. Кризис не вылился в прямое столкновение власти и оппозиции, он был разрешен убийством Кирова в 1934 году.

Сталинская фракция извлекла для себя важные уроки из опыта этого кризиса. Для руководящей бюрократии стало ясно, что только решительный разгром исторической большевистской партии сделает невозможным формирование новой оппозиции в будущем. Ленинская традиция должна была быть вырвана с корнем, а ее носители уничтожены. Расправиться предстояло не только с прошлыми врагами, но и с теми, кто мог оказаться опасен в будущем. Киров был убит бывшим троцкистом, которого в свою очередь быстро убрали. Этого оказалось достаточно, чтобы начать в стране массовый антикоммунистический террор.

Тысячи честных марксистов были брошены в тюрьмы и замучены. Те, кто не был расстрелян во время московских процессов и больших чисток на местах, ссылались. Лидеры революции в соответствии с традицией царской охранки и Временного Правительства были объявлены иностранными шпионами и врагами народа. 500.000 членов ВКП(б) было убито. Среди репрессированных 70% состава ЦК, избранного в 1934 году, 60% делегатов XVII съезда, от 60 до 70% руководящих партийных кадров. Но вместе с ними расправлялись и с их семьями, друзьями, сотрудниками и просто знакомыми.

Вплоть до начала 30-х годов в партию вступала большая часть политически активных советских граждан. Поэтому, будучи важнейшим элементом системы, партия являлась в то же время наиболее опасным ее звеном. Для того, чтобы окончательно искоренить всякую возможность самостоятельности рядовых ком-

мунистов, террор должен был стать систематическим. Сталин и его приспешники уничтожили около 20 млн. человек, но среди них было лишь незначительное число настоящих противников режима. Террор задевал и своих. От него не был застрахован никто, включая сам аппарат НКВД (ныне это замечательное ведомство более известно под названием КГБ). В атмосфере всеобщего страха каждый стремился нанести удар первым. Террор оказался весьма удобным способом разрешения внутренних конфликтов внутри самой бюрократии, ее различных групп (государственной, профсоюзной, комсомольской, партийной, репрессивной, военной). Тяжелый удар был нанесен Красной Армии, потерявшей своих лучших командиров, но зато вполне подчиненной партийному аппарату. Террор служил и непрерывному разрушению социальной структуры народа. Постоянные встряски смешивали все социальные слои в одной дезорганизованной запуганной массе подданных великого тирана. Только он один был неприкосновенен, только "друг и учитель" стоял выше подозрений.

Лагеря сделались важным элементом хозяйственной системы: 4% активной рабочей силы в СССР к 1941 году находилось в системе Гулага. Иначе быть не могло. Превращение народа, совершившего революцию, в нацию рабов, возможно лишь в условиях зверского насилия властей, когда вся страна делается застенком. Бюрократическая эксплуатация трудящихся эффективна лишь тогда, когда элементы революционной социальной организации полностью разрушены или перестроены. В этом и была истинная сущность сталинского террора.

Массовые репрессии не щадили никого. Со времен татарского нашествия наша страна не знала такой жестокой власти. Никто еще нигде не обращался так с собственным населением, подобную жестокость позволяли себе лишь иностранные захватчики. 7 апреля 1935 года декрет о смертной казни распространяет эту меру наказания на детей старше 12 лет. 26 июня 1940 г. был введен порядок, согласно которому у рабочих вычитали 25% из заработной платы за 20-минутное опоздание. Все слои общества, все народы Советского Союза испытали на собственной шкуре, что такое был сталинский "порядок".

"Итак, ГУЛаг, — говорил Эллиенштейн, — это система давления, направленная против народа и против коммуни-

стов, поскольку коммунисты находятся в авангарде народа”.²²

И надо признать, что террор в целом достиг своей цели. Идеологически и политически страна превратилась в кладбище. Население Советского Союза распалось на массу атомизированных и дезорганизованных тружеников и бюрократию, которая от имени государства их эксплуатирует.

Исторического рабочего класса давно уже не было и его последние традиции погибли вместе с ленинской старой гвардией. Бывшие крестьяне, пришедшие в город, были не пролетариатом, а деклассированными мужиками. У них не было своего особого революционного сознания. По сравнению с жизнью своих сородичей в полуголодной деревне, они считали себя преуспевающими. В их головы официальная пропаганда вбивала догмы сталинской идеологии. Они были уже неспособны к самоорганизации и делались послушными разобщенными рабами бюрократии. Вся система оплаты труда была тоже призвана изолировать отдельного работника. В стране были многомиллионные пролетаризованные массы, но не было пролетариата.

Оседлое крестьянство, которое подверглось пролетаризации не в меньшей мере, чем новые городские рабочие, потеряло свою классовую структуру, а новая еще не сложилась. После того, как мелкие хозяйства были экспропрированы, крестьянин перестал быть собственником. Но при нем остались ”приусадебные участки”, привязывающие его к земле. Обнищание деревни, распад традиционных социальных, семейных, духовных связей, уход более активных молодых людей в города, — все это привело к ликвидации крестьянства как класса.

Когда 25 ноября 1936 года Сталин объявил социализм в СССР построенным, он сослался на то, что в нашей стране больше нет старых эксплуататорских классов. Это, однако, еще не доказывало, что утверждение Сталина насчет ”социализма” было верным. Возникшее общество было некапиталистическим, в известном смысле даже бесклассовым. Но оно оставалось антагонистическим по своей природе.

Распад социальной структуры послереволюционной России в результате коллективизации, однако, не мог не положить начала формированию новой системы общественных связей. В первую

очередь началась перестройка бюрократической верхушки. Она шла по трем направлениям. Прежде всего, следует отметить ее консолидацию, слияние различных частей бюрократической массы воедино. Сотрудники того или иного государственного ведомства могли затем превратиться в профсоюзных руководителей, комсомольские бюрократы становились чиновниками аппарата госбезопасности и так далее. Взаимопроникновение различных бюрократических слоев сделало возможным пополнение одних групп бюрократии за счет других, что еще больше отдалило их "от низов", из которых рекрутировалась уже значительно меньшая часть бюрократов. Верхи приобрели некоторые черты закрытой касты. Внутри "бюрократической общности" горизонтальная мобильность таким образом оказалась куда выше, чем вертикальная мобильность в системе в целом. Привилегированное положение занимал высший партийный аппарат, пополнявшийся за счет остальных бюрократических организаций, ставших своего рода "сопутствующими", и за счет среднего звена партийной иерархии.

Другой важный аспект развития бюрократии это рост ее привилегий. Одной лишь монополии власти для новых хозяев было уже недостаточно. Они стремились не только распоряжаться государственной собственностью, но и получить легальные каналы присвоения части прибавочной стоимости для личного потребления. Все звери равны, но некоторые звери более равны, чем другие, — провозгласил Наполеон на "Звероферме" у Орвелла. Этот принцип должен был найти себе адекватное практическое воплощение. Оно было найдено. При Сталине бюрократы получали сверх зарплаты еще и "пакетные деньги". Затем их отменили, но все большую роль играли "закрытые распределители". Государство практически взяло правящую верхушку на содержание. Таким образом бюрократия получила возможность "выдаивать" государство, которое, в свою очередь, выжимало все соки из рабочих. ...

Бюрократы не похожи на капиталистов, но и капиталисты были не похожи на феодалов. Новый класс — новые методы, новое общество. Бюрократические хозяева понемногу стали паразитами экономики, и эта их роль выступала на первый план все больше и больше по мере того, как технические функции управления переходили к "советским менеджерам" и экспертам-про-

изводственникам. Заводы принадлежат государству, но само государство принадлежит бюрократии, причем эту свою главную добычу она ни с кем не делит.

Третье важное направление ее развития — это постепенная социальная изоляция, отрыв от народа. Хотя часть бюрократии пополнялась из числа рабочих и крестьян или интеллигентов, по мере того, как росла общая масса среднего чиновничества, увеличивалась и внутренняя замкнутость верхов. Самовоспроизводство бюрократии происходило благодаря уже отмеченной выше высокой горизонтальной мобильности, позволявшей пополнять партийную элиту за счет других частей аппарата. В результате, правда, очень медленно, начала складываться категория потомственных бюрократов. Специфика нашей системы в том, что начальник-сын никогда не будет действовать в той же области, что начальник-отец. Он развернется в смежной. Вокруг пристраиваются родственники и прихлебатели — из числа тех, кто с самого начала сделали ставку на данного конкретного деятеля. Так возникает нечто вроде сицилийско-американского мафиозного "семейства", стремящегося захватить определенное "пространство власти" вокруг себя. Если глава клана, "крестный отец", почему-либо сходит со сцены, всему "семейству" приходится потесниться, но целый ряд позиций оно может сохранить. В верхних слоях стали заключаться династические браки, призванные соединить различные бюрократические кланы и тем придать им большую стабильность. Определенные родственные связи развиваются и внутри клана. Чтобы не ходить далеко за примерами, вспомним самый новый и самый знаменитый клан послесталинского периода — "днепропетровскую мафию", возглавляемую Л. Брежневым.

Вслед за бюрократией стали оформляться средние слои, без которых она не могла более существовать. Сюда относится большая масса хорошо оплачиваемых высокопоставленных экспертов, необходимая для функционирования экономики, и идеологических специалистов по созданию "правильной" и общеобязательной "марксистско-ленинской" теории — философов, историков, писателей и т.п. — или же работников пропаганды, оболванивающих народ в угоду своим хозяевам. Эти подкупленные и развращенные интеллектуалы оказались в одной компании с работниками госбезопасности, охранниками и обыкновенной при-

слугой верхних слоев, которая тоже получает определенные привилегии. Наконец сюда относятся также среднее чиновничество и работники сферы торговли, живущие на хроническом недостатке товаров, связанном с самой экономической организацией, и потому одобряющие существующую систему. Все эти разношерстные группы самым неожиданным и парадоксальным образом переходят одна в другую. В область формирования средних слоев вовлекается дополнительная масса людей посредством родственных, деловых, национальных связей. Все они также мечтают получить свой кусок пирога и стараются не пускать чужаков в свой мещанский рай. Из них формируется резервная армия бюрократии, готовая занять любое пустое место в иерархии.

Такова система господства, возникшая из коллективизации и террора сталинской поры. Она не имеет себе прямых прототипов в истории, хотя многие ее черты можно было наблюдать уже в Византии и на Древнем Востоке, в Золотой Орде и в царской России. Поэтому для современной марксистской мысли такой трудной и в то же время важной проблемой оказалось решение вопроса о ее сущности. Как определить новое общество, как его назвать, как установить его место в истории?

* * *

Режим, созданный в эпоху Сталина, сделался одной из крупнейших теоретических и практических проблем левого движения во всем мире, столкнувшегося, по удачной формулировке американского радикального журнала, с

”труднопонимаемым феноменом тоталитарного государства, использующего язык марксистского освобождения и возникшего из того, что, по мнению многих, было пролетарской революцией. Это повергло в глубокий кризис не только социалистическую мысль, но и составило серьезные моральные и аналитические трудности для любой разновидности серьезной политической мысли”.²³

Согласно официальной советской версии, наше государство есть воплощение ”реального социализма”, образец и модель

будущего развития всех народов мира. Конечно, никто не может запретить каждому государству и каждой партии называться так, как им больше нравится. Если бы животные умели говорить, мухи наверняка называли бы себя бабочками, а лягушки — волами. Таким образом можно разрешить массу практических проблем. Зачем перекрашивать забор, если его можно просто переименовать из зеленого в красный, зачем бороться против завоевателей, если их можно просто назвать освободителями. Однако, позволительно все же задать вопрос о том, насколько соответствуют слова понятиям, насколько близко применение того или иного термина его содержанию. Еще Ленин учил, что о политических партиях надо судить не по названиям, не по красивым вывескам, а по их реальной деятельности.

Официальная концепция, рассмотренная с этой точки зрения, выглядит, мягко говоря, не вполне убедительной. Если то, что мы имеем сейчас в СССР, назвать социализмом, то для общества, о котором мечтали Маркс и Ленин, надо подыскивать другое название. Свободная ассоциация производителей, являвшаяся для марксистов основой будущей социальной организации, никак не может сочетаться с политическим бесправием трудящихся в нашей стране и здесь никакие абстрактные рассуждения сталинистских идеологов, пытающихся "согласовать" теорию с реальностью, не могут опровергнуть эмпирической очевидности, повседневного опыта миллионов людей. ...

У теоретической модели, насаждаемой в наших школах, есть еще один недостаток: как и всякая концепция, начисто оторванная от действительности, она ровным счетом ничего не объясняет. Она позволяет строить красивые идеологические конструкции, но как только дело доходит до конкретных фактов, начинаются трудности. Ведь официальная бюрократическая концепция социализма оказывается неприменима по отношению к Парижской Коммуне или к Российской Республике Советов в ее первые годы; даже Югославия, признанная после долгих колебаний дружественной и "правильной" страной, никак не укладывается в прокрустово ложе этой теории. ...

В лице современного Советского Союза мы имеем не образец для всего прогрессивного человечества, а некий исключительный случай, возведенный в абсолют его теоретиками и навязываемый другим народам при помощи пушек, танков и дру-

гих таких же вполне убедительных аргументов. Исходить из подобных понятий о "социализме" могут лишь люди заведомо подкупленные или совершенно невежественные. Ведь, как верно заметил советский историк мидиавист А.Я. Гуревич,

"...теоретическая картина, 'модель', вырабатывается в науке не таким образом, что определенный частный случай по известным причинам возводится в общую норму, с которой затем, как с эталоном, сопоставляются все другие варианты; 'модель' конструируется как связанная система признаков, заимствованных подчас из разных реальных образований, принадлежащих к одной группе и потому движущихся по общим законам..."²⁴

Попытки объединить в одной теории все типы обществ, имеющих себя социалистическими, и найти их общие законы, пока неизбежно заканчивались провалом. Ведь "социалистической" назывались и Швеция, и Великобритания, и Египет, и Кампучия, и даже Индия. Советское начальство, увы, давно уже утратило монопольное право на демагогическую болтовню о социализме.

Это наводит на мысль о существовании известного числа "лжесоциализмов", каждый из которых претендует на право быть единственно истинным. Некритическое доверие к их лозунгам несовместимо с научной мыслью.

"Если же за общую 'модель' взят образец, — писал Гуревич, — представляющий по сути дела лишь частный случай, то такая теория из средства познания превращается в препятствие для адекватного уяснения существа общественных отношений, не соответствующих принятой теории".²⁵

* * *

Поэтому не удивительно, что ныне идею о том, что марксизм социализм нашел в СССР свое идеальное воплощение, разделяют только апологеты бюрократии... да махровые реакционеры, стремящиеся скомпрометировать саму идею марксизма. Большинство серьезных специалистов по советской экономике, писал, например, А. Смолар в "Эспри", уверены,

”что представления Маркса имели лишь слабое влияние на государственную политику и на создавшуюся в 30-е годы хозяйственную систему”.²⁶

Еще более разителен контраст между марксистской концепцией социалистической демократии и современной советской реальностью.

В международном левом движении ныне приобрела широкое распространение теория, согласно которой в СССР мы имеем некий ”неполноценный” социализм. Эта концепция имеет два основных варианта – троцкистский и еврокоммунистический. Согласно первому из них, СССР является ”деградировавшим рабочим государством”. Эта формулировка звучит вполне убедительно с исторической точки зрения. Однако, говоря о происхождении новой системы, она ничего нам не сообщает о ее сути. Ведь ”рабочее государство” (которое, впрочем, никогда и не было вполне ”рабочим”) ”выродилось” более полувека назад и не стояло все эти годы на месте. Поэтому еврокоммунистическая модификация троцкистской концепции выглядит более современной. У ее представителей тоже есть свои различия. Так, согласно версии лидера испанских еврокоммунистов Сантьяго Каррильо, СССР находится где-то в промежутке между капитализмом и социализмом, от одного берега отойдя, а к другому не прибившись. С точки зрения Ж. Элленштейна, изложенной в книге ”Феномен сталинизма”, многочисленных статьях и интервью, это система, представляющая эклектическое соединение социализма в экономике и деспотизма, догматизма в политике, ее базис совершенно не соответствует надстройке. Кстати, попытка объяснить советскую систему как некий чудовищный исторический эклектицизм была предпринята также и троцкистским лидером Э. Манделем. Возникает, тем не менее, простой вопрос: как система, несущая в себе такое явное противоречие, смогла отменно просуществовать не один десяток лет, избежав хоть каких-то серьезных перемен и реорганизаций? Элленштейн чувствует, что здесь может возникнуть сомнение, и ссылается на автономию политической сферы по отношению к экономике. Но вот тут-то он и впадает в явную ошибку. Автономия политики – явление свойственное прежде всего буржуазной демократии. В обществе, где вся социальная, политическая и экономическая

власть сосредоточена в одних и тех же руках (причем, в самом прямом смысле), говорить об "автономии" политической власти просто смешно. Власть над людьми и над вещами, политическое и экономическое господство в этой системе не просто взаимосвязаны, но и тождественны, они совпадают непосредственно. Бюрократия полностью командует в народном хозяйстве. Именно монолитность, а не эклектицизм является важной чертой системы. И если уж говорить о деспотизме, то в экономике мы его чувствуем ничуть не меньше, чем в политике.

Один английский коммунист предложил свое решение, заявив, что бюрократия, конечно, "управляет" обществом, но не "правит" им. Понять эту сложную лингвистическую конструкцию можно только в том смысле, что рабочий класс выступает в роли хозяина социалистического производства, а бюрократу доверил работу менеджера. Но это довольно странный хозяин, который позволяет своему служащему помыкать собою, грабить себя, командовать собой. Ведь бюрократы управляют не чем иным как самим рабочим классом! Кроме того, подобное противопоставление имело бы хоть какой-то смысл, если бы у рабочего класса были возможности влиять на деятельность бюрократии или контролировать ее. Таких возможностей у него нет. Правда, в Польше рабочие несколько раз заставляли правительство менять курс, но для этого понадобились общенациональные забастовки. Рабочий лишен всяких политических прав и не имеет даже возможности протестовать против своего бесправия, не становясь при этом государственным преступником. Попытка разрешить проблему бюрократической власти на вербальном уровне вряд ли заслуживала бы внимания, если бы не была опасным симптомом нового догматизма. Ведь абстрактное теоретизирование и игра словами всегда чреваты догматизмом.

У Элленштейна и близких к нему людей слово "социализм" уподобляется какой-то бездонной бочке — его можно наполнять любым содержанием, переворачивать так и сяк. Социализм может быть "хорошим", демократическим, а может быть бюрократическим, "плохим". Если Маркс верил, что социализм обязательно будет связан со свободой, так это из-за наивности и утопизма. Элленштейн уже чужд таких "иллюзий". Позволительно напомнить, однако, что как раз домарксовы утописты пытались вообразить себе авторитарный и недемократический соци-

ализм, а Маркс в этом вопросе решительно порвал с утопизмом. Если бы автор "Феномена сталинизма" внимательно перечитал "Анти-Дюринг", то он заметил бы, что позиция Энгельса совершенно однозначна. Полицейский социализм невозможен, или это будет уже не социализм. Ведь речь идет именно о *свободной* ассоциации, об *отмирающем* государстве, а не о чем-то прямо противоположном. Поэтому, сказав, что для них социализм это свобода, Элленштейн и его товарищи должны были бы сделать и единственно логичный вывод, что там, где нет свободы, нет и социализма.

Кое-кто из западных левых и некоторые представители подполья в СССР, сделав это заключение, попытались определить существующую систему как разновидность государственно-монополистического капитализма или абсолютный капитализм. Эту концепцию можно встретить у Ш. Беттельхайма и других специалистов, изучающих советское общество. Таково мнение некоторых современных троцкистов (вообще наследники "IV Интернационала" поражают наличием самых разнообразных точек зрения по любому в опросу).

Концепция "госкапитализма в СССР" обладает некоторыми достоинствами. Прежде всего она действительно отражает наличие ряда общих законов и тенденций в экономической системе СССР и индустриального Запада, прежде всего в США. Для примера можно привести рассуждение О. Шика о том, что в ходе своего развития бюрократическое планирование и капиталистический рынок во многом сближаются.

"Путь от монополистического рынка к абсолютной государственной монополии, подавляющей рынок, ведет от частичной к полной диктатуре производителя над потребителем".²⁷ ...

В Советском Союзе и в связанных с ним странах возник новый способ производства, имеющий ряд общих черт с государственно-монополистическим капитализмом, но и ряд серьезных отличий. Важнейшей чертой этого способа производства является концентрация собственности в руках деспотического государства. Многие из людей, отстаивающих мысль, что в СССР существует социализм, хоть и в неразвитой форме, исходят из того

факта, что все основные средства производства у нас в стране национализированы. Однако государственная собственность никогда не была тождественна социализму. Ф. Энгельс в "Анти-Дюринге" предупреждал против опасности подобной ошибки и писал о том, что само государство может выступить по отношению к трудящимся как коллективный эксплуататор. Вопрос в том, *какое* государство национализировало фабрики и заводы, и в том, *как* оно их национализировало. Еще во времена Ленина различали "национализацию" и "социализацию". Общественная собственность может оказаться тождественна государственной лишь в условиях, когда большинство общества имеет полный контроль над государством, а не наоборот. Кроме того, не может быть социализма без широкого участия самих трудящихся в управлении производством (иначе собственно "общественный контроль" будет весьма ограниченным). Поэтому лишь в условиях демократии национализация превращается в социализацию.

Государственную собственность на орудия и средства производства знали многие общества с древнейших времен. Под этой рубрикой можно объединить заводы "Рено" во Франции, угольные шахты в Великобритании, советские предприятия и императорские домены в каролингской империи. Царская Россия тоже знала "казенные" заводы и монополии. Но особое развитие государственная собственность имела в обществах Востока. Там под властью деспотического правительства находились важнейшие общественные работы, строительство оросительных каналов и т.д. Вся земля, главное тогда средство производства, и даже сами подданные были лишь собственностью властителя.

Именно эти черты восточной экономики заставили Маркса говорить об азиатском способе производства, противопоставляя его западным "моделям". Частная собственность на землю, сыгравшая огромную роль в становлении капитализма, у народов Востока вообще не развилась. Восток знал богатейшие торговые города задолго до Европы, но там не возникла буржуазия, не развились новые общественные отношения. Деспотический характер власти в этих странах, осуществление ею важнейших хозяйственных функций и наличие государственной монополии на главные средства производства — все это не случайные черты, а характерные особенности азиатского способа производ-

ства, общие для ряда стран.²⁸ Это застойная, крайне консервативная система, позволяющая, однако, осуществлять крупные "национальные проекты" (наподобие строительства пирамид или Великой Китайской Стены) без значительных технических и материальных средств. Поэтому такая организация не является изначально иррациональной, хотя она и теряет всякую "разумность" и "необходимость" при столкновении с более динамичной организацией Запада, и уже греко-персидские войны это доказали.

Такое государство не порождало развитой системы классов, но оно основывалось на фундаментальном антагонизме между правящими верхами (которые в советской историографии совершенно неверно именуют феодальными) и массой тружеников, эксплуатируемых этими верхами посредством государства. Подданные и сами представители верхов совершенно бессильны перед лицом вышестоящей власти, будь то местный сатрап или верховный владыка. Таким образом эксплуатация осуществлялась при помощи прямого господства над людьми, несмотря на отсутствие частной собственности. Вообще-то и раннее европейское средневековье еще не знало частной собственности в нынешнем смысле, но там развитие шло в совершенно ином направлении...

Согласно этой теории, необходимость индустриализации в отсталой стране, где нет для этого ни собственных капиталов, ни других необходимых факторов, не может быть осуществлена слабой национальной буржуазией. Носителем этих объективно прогрессивных изменений в экономике оказывается государство, захватившее при помощи национализации и других средств полную власть над народным хозяйством. Модернизируя страну, государство одновременно делается как абсолютным собственником, так и совокупным эксплуататором. Все население в результате распадается на две "общности классового типа" – господствующую этакратическую и подавленную производящую. Хотя в возникшей системе и нет той жесткой и четкой социальной структуры, которая развилась на Западе, в ней существует объективный антагонизм между этими двумя "общностями", и этот антагонизм может быть разрешен путем классовой борьбы. Безусловно, так же и советская бюрократия может рассматриваться как этакратическая общность классового типа, имеющая

основные черты класса, хотя и не соответствующая его традиционному определению по всем параметрам.

Этакратический способ производства впервые развился именно в Советском Союзе, откуда был экспортирован в Восточную Европу, в Китай и в другие союзные страны. Более или менее самостоятельно он начал складываться и во многих государствах, встающих перед проблемой индустриализации и выбирающих некапиталистический путь. Как правило, этакратия выступает под флагом социализма, будь то "арабский", "африканский" или "марксистско-ленинский" социализм. Это помогает держать в подчинении массы и завоевывать симпатии мирового общественного мнения. Ничто не ценится ныне так высоко и не растрачивается так безответственно, как красивые слова. Лишь иногда этакратия использует религиозные лозунги, как это случилось в Иране. Но в любом случае ее задача состоит в проведении модернизации без демократизации производительных сил. Этакратия есть пародия на социализм и одновременно альтернатива социализму, она антинародна и враждебна всякой подлинной демократии. Отождествляя себя с социализмом, используя марксистскую или революционную терминологию, она компрометирует саму идею освобождения. ...

Поэтому смешными и бессодержательными кажутся бесконечные споры либеральных интеллигентов на тему "возможен ли демократический социализм?" Вопрос ставится изначально неверно. Иным кроме "демократического" социализм быть не может. Куда важнее было бы спросить, на каком основании многочисленные современные общества эксплуатируют слово "социализм" и есть ли среди них хоть одно, которое бы этого названия заслуживало. А если нет, то возможен ли социализм вообще?

Здесь, впрочем, мы сталкиваемся не с теоретическим, а с практическим вопросом. Возможность успешной перестройки общества можно доказать, лишь совершив ее.

Примечания

- 1 Тринадцатый съезд РКП (б). Протоколы. М., 1963, с. 155.
- 2 New Left Review, 1977, No. 105, p. 55.
- 3 Г.Г. Водолазов. От Чернышевского к Плеханову. М., МГУ, 1969, с. 145.
- 4 W. Leonhard. Was ist Kommunismus? Munchen, 1976, S. 38.
- 5 К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 271-272.
- 6 Там же, с. 271.
- 7 Revolution and class struggle. N.Y., 1978, p. 179.
- 8 J. Luiga. Politilised paevamured, I. Tartu, 1935, 19-20.
- 9 В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 417.
- 10 Там же, с. 357.
- 11 New Left Review, 1976, No. 100, p. 151.
- 12 В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 345.
- 13 New Left Review, 1977, No. 103, p. 62.
- 14 Энциклопедический словарь "Гранат", т. 40, с. 607.
- 15 Поскольку реальный интернационалист Ленин в эту схему не укладывался, было сделано все возможное, чтобы о нем забыли, он был заменен мифологическим персонажем ("дедушкой Лениным", "нашим Ильичем" и т.д. и т.п.). В этом смысле очень показателен факт, приводимый в книге В. Леонарда "Что такое коммунизм?" – 5 августа 1938 г., как раз в годовщину знаменитого покушения эсерки Каплан на жизнь Ленина было запрещено публиковать новые воспоминания об основателе большевистской партии. Фальсифицировались также фотоснимки, на которых Ленин беседовал не с тем, с кем следует.
- 16 E. Fischer, F. Marek. Was Lenin wirklich sagte. Wien-Munchen-Zurich, 1966, S. 166.
- 17 E. Fischer. Auf den Spuren der Wirklichkeit. Hamburg, 1968, S. 231.
- 18 H. Arendt. Elemente totaler Herrschaft Frankfurt a.M. 1958, S. 183.

- 19 Th. Adorno. Soziologische Schriften, Bd., I, S. 366.
- 20 Revolution and Class struggle, p. 186.
- 21 Le Monde, 4 mai 1980, p. XVI.
- 22 L'Esprit, 1976. fevr., No. 2, p.253.
- 23 Partisan Review, 1977, No. 2, p. 180.
- 24 А.Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 13.
- 25 Там же.
- 26 L'Esprit, 1978, No. 7-8, p. 27.
- 27 O. Sik. Der dritte Weg. Hamburg, 1972, S. 209.
- 28 См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 496-497 – о коренном отличии европейского исторического развития от азиатского.

О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ КРИЗИСЫ СИСТЕМ СОВЕТСКОГО ТИПА В 80-е ГОДЫ *

Я не намерен заниматься пророчествами относительно дальнейшего развития систем советского типа. Я остановлюсь только на общих чертах, характерных для тенденций, которые в своей основе *обусловлены этой системой* и которые вызывают и будут вызывать кризисы в странах, где советская система установилась. Я попытаюсь также ответить на конкретный вопрос: какими новыми, в прошлом еще не проявившимися последствиями, могут быть чреваты кризисы системы советского типа и попытки их преодоления в 80-е гг. Я постараюсь проанализировать этот вопрос на основе данных о внутривнутриполитическом развитии системы советского типа и с учетом международных связей.

Тенденции, проявляющиеся в процессе преодоления кризиса социально-политических систем советского типа

Опыт показывает, что институты, возникшие в Советском Союзе в 30-е годы, не претерпели *качественных изменений*: по-прежнему существует полное слияние политической и экономической власти; люди по-прежнему зависят и в социальном смысле от политической власти; абсолютная власть по-прежнему сконцентрирована в руках центра коммунистической партии; по-прежнему отсутствует обратная связь между обществом и властью и по-прежнему действует механизм политического надзора, ограничения информации и контроля над умами людей.

---

* Отрывок из книги Zd. Mlynář, *Krize v sovětských systémech 1953 - 1981 (Příspěvek k teoretické analýze)*, Index, Köln, 1983.

Исходя из этого опыта можно предположить, что несмотря на произошедшие за последние 25 лет перемены, присущие системе факторы, обуславливающие ее кризисы, будут действовать и в 80-е годы, т.е. и в 80-е годы будет ограничиваться способность социальных субъектов и общества как целого к самоуправлению.

Карл В. Дейч так определяет условия, в которых субъект может сам собой управлять:

”Самоуправляемый коллектив постоянно должен получать три вида информации: во-первых, информацию об окружающем мире; во-вторых, информацию о прошлом, и, в-третьих, информацию о себе и других элементах, составляющих общество, в котором данный коллектив функционирует. Если же один из этих потоков информации оказывается нарушенным или засекреченным, общество трансформируется в автомат. Оно теряет контроль над действиями не только составляющих его элементов, но и над своими собственными”.*

По этой же причине ограничиваются способности отдельных субъектов к самоуправлению, поскольку их автономия ограничивается отсутствием обратной связи между субъектом и окружающей его средой, связи, посредством которой субъект получает информацию, необходимую ему для независимого принятия решений. Именно поэтому каждая политическая власть стремится в какой-то степени нарушить эту связь. Однако при тоталитарной власти обратная связь контролируется полностью, то есть сама власть определяет качественный и количественный характер этой связи.

Основываясь на этом критерии, можно сделать вывод, что политическая власть, господствующая в настоящее время в странах советского блока, хотя и отличается от политической власти сталинских времен, продолжает оставаться тоталитарной.

В современных социально-политических системах советского типа социальные субъекты — индивидуумы, социальные группы, общественные институты — не имеют такой информационной об-

---

* K.W. Deutsch, *Nervy vlády*, Praha 1971, Str. 215-216.

ратной связи, которая позволила бы им самостоятельно определить свои цели и средства их достижения, самостоятельно выбрать оптимальные с их точки зрения меры. Автономия субъекта во всех этих областях ограничена политической властью — и не тогда, когда субъект реализует самостоятельное решение, а уже тогда, когда субъект свое решение только определяет.

Все это звучит весьма абстрактно, но именно ограниченная автономия субъекта является общим знаменателем тех конкретных проблем, которые обуславливают постоянно повторяющиеся кризисы: т.е. недостаточная самостоятельность "социалистических предприятий"; отсутствие импульсов, стимулирующих инициативные и экономически эффективные действия производителей; цензура; искаженные представления граждан и органов власти о действительности; отсутствие творческой свободы; низведение правосудия до роли орудия государственной власти и т.п.

В странах, где установилась советская система, методы политической власти изменились за истекшие 25 лет, но не исчез тотальный контроль этой власти над обществом. Когда же при проведении реформ сверху (как в Чехословакии в 1968 г.) или в результате нажима снизу (как в Польше в 1981 г.) стало невозможно осуществлять тотальный контроль, его восстановили силой.

Попытки смягчить этот контроль неизбежно будут предприниматься и в будущем, поскольку невозможно подавить стремление людей к независимости, к самостоятельному решению своих дел.

Заколдованный круг, в котором до сих пор вращаются системы советского типа, является результатом того, что хозяйственная деятельность этих стран, их внутриобщественные связи и культурное творчество направлены на достижение одной-единственной цели — на воспроизводство существующей в этих системах структуры власти. И как только задачи экономики, общественного развития и культуры ставят под угрозу структуру власти, власть, ради собственного спасения, подавляет естественные потребности общества.

Каких же социально-политических изменений системы советского типа следует ожидать в самом ближайшем будущем? Ответить на этот вопрос можно только гипотетически, однако, для

формулировки некоторых гипотез уже имеются серьезные основания, вытекающие из опыта прошлых лет.

В *экономической области* можно ожидать, что факторы, которые вызвали кризис в промышленно развитых государствах (например, в Чехословакии и ГДР), проявятся и в СССР. Широкие возможности маневрирования, возникшие благодаря концентрации экономической и политической власти в руках одного центра, в прошлом позволяли экстенсивно развивать экономику советского государства. Но как только факторы экстенсивного развития исчерпывают себя и не могут больше обеспечивать рост экономики, решающее значение приобретают факторы интенсивного развития: рост производительности труда, введение технических новшеств, проявление личной инициативы и повышение эффективности экономики.

Недостатки, характерные для экстенсивного развития экономики, при этом не исчезают: сельское хозяйство продолжает отставать от промышленности, различные отрасли промышленности продолжают развиваться неравномерно и часто в зависимости от того, какой из них отдается предпочтение по политическим соображениям. Все это обуславливает постоянную нехватку многих товаров, а в результате — наличие черного рынка. Производственные предприятия по-прежнему руководствуются директивными показателями плана, а это, в свою очередь, снижает эффективность производства (чрезмерное потребление сырья и энергии; образование крупных запасов сырья, полуфабрикатов и резерва рабочей силы; подавление новаторства, которое могло бы привести к повышению плановых показателей в будущем; низкое качество изделий; отсутствие интереса к потребностям рынка и чрезмерная заинтересованность в выполнении плановых показателей безотносительно к их экономической целесообразности и т.д.). Эти явления, имевшие место и в прошлом, приобретут особое значение, когда даже в СССР уже нельзя будет развивать экономику экстенсивно, и мне думается, что советская экономика уже вошла в этот этап.

В прошлом серьезные экономические кризисы преодолевались в странах советского типа в основном двумя способами:

1. Обычно экономика этих стран оказывалась в кризисном положении (как, например, в начале 60-х годов) после того, как в стране на протяжении нескольких лет осуществлялись нереаль-

ные капиталовложения, когда перед народным хозяйством ставились совершенно невыполнимые требования. И все же выходу из кризисного положения в какой-то степени способствовало положительное влияние капиталовложений прошлых лет; именно эти, пусть и неразумные капиталовложения, способствовали новому подъему экономики. Поэтому некоторые экономисты-теоретики говорят о "квази-циклах" кризисов, о "политических циклах" в народном хозяйстве, организованном по советскому образцу. Причину этих кризисов авторы таких теорий видят в "волюнтаризме" и "субъективизме" правителей.

2. Если же в кризисном положении оказывались конкретные отрасли (в сфере производства, потребления или науки), то для решения возникшей проблемы центр политической власти прибегал к чрезвычайным мерам — для данной отрасли директивно создавались особые привилегированные условия, обеспечивавшие заданные темпы роста (разумеется, опять-таки за счет других отраслей). Так, например, в некоторых отраслях военной промышленности и в области связанных с ней исследований такой способ предупреждения кризиса стал нормой.

Наступивший в конце 70-х годов спад экономического роста такими мерами вряд ли можно будет приостановить, поскольку причины кризиса 70-х годов уже нельзя объяснить "волюнтаризмом", а в привилегированных условиях нуждались в 70-е годы все отрасли хозяйства.

Разразившийся в странах советского типа в конце 70-х годов экономический кризис отличался от прошлых и тем, что не все обусловившие этот кризис факторы вытекали из сущности данной системы. Напротив, некоторые причины кризиса совершенно конкретны:

— энергетические ресурсы европейской части СССР уже не могут покрыть потребности всего советского блока. В то же время ни технический уровень, ни финансовые возможности СССР недостаточны для эксплуатации залежей энергии в тяжело доступных районах Сибири. Это обстоятельство ставит под угрозу экономическое развитие всех европейских государств советской сферы влияния, поскольку они целиком зависят от поставок энергетического сырья из СССР;

— с середины 70-х годов в странах — членах СЭВ постоянно снижается эффективность капиталовложений, то есть на каждый процент прироста национального продукта необходимо затрачивать больше капиталовложений, чем в прошлом;

— кроме СССР, который как экспортер нефти и природного газа получает прибыль от т.н. Terms-of-Trade, рост мировых цен на эти продукты создает серьезные трудности для других стран — членов СЭВ. Задолженность этих стран Западу и попытки улучшить баланс внешней торговли, в свою очередь, отрицательно влияют на развитие торговых отношений этих стран с Западом и их экономическое развитие вообще;

— расходы на вооружение и сохранение советского влияния в разных концах земного шара постоянно растут, и это тоже ограничивает возможности экономического развития стран советского блока.

В результате воздействия перечисленных выше факторов экономическое развитие советского блока в 80-е годы неизбежно замедлится. Это, кстати, предусматривают и официальные планы хозяйственного развития стран советской сферы влияния. В действительности же замедление оказывается еще больше запланированного.

Вряд ли поэтому следует рассчитывать, что недостатки, вызванные имманентными для советской системы факторами, будут сглажены благоприятными внешними обстоятельствами. Ни перечисленные выше факторы экономического развития стран — членов СЭВ, ни явления, обуславливающие кризис западной экономики, не дают оснований для таких надежд. К середине 80-х годов экономический кризис в странах советского типа отметит свое десятилетие, что полностью разрушает миф об иммунитете советской экономической системы к кризисам.

В Советском Союзе экономический кризис 80-х годов выдвигает принципиальный вопрос: могут ли существующие ныне в советской системе связи между экономикой и политической властью обеспечить динамическое развитие экономики и вывести ее из состояния упадка? При рассмотрении этого вопроса необходимо исходить из того, что страны советского типа все еще не достигли экономического уровня индустриальных стран Запада, что в странах с советской системой лишь недавно стали

действовать экономическо-социальные механизмы современных индустриальных обществ и что элементарные потребности большей части населения советского блока по сравнению с развитыми странами Запада удовлетворятся недостаточно.

Системы советского типа еще не достигли этапа "благополучия", на котором уже находятся развитые западные государства. Экономический кризис 80-х годов наверняка затормозит достижение такой степени "благополучия". Это замедление может быть чревато серьезными социальными последствиями, которые, в свою очередь, придадут экономическому кризису еще более острый характер, поскольку относительное удовлетворение потребительских потребностей населения стран советского типа как раз-то и стало одним из важнейших факторов сравнительной стабилизации этих стран в конце 60-х годов. Я вовсе не утверждаю, что в 80-е годы этот фактор перестанет действовать. Уровень жизни в странах советского типа низок, и потребительские требования населению приходится удовлетворять при постоянной нехватке отдельных товаров, поэтому и при неизменном уровне жизни можно повысить удовлетворение потребностей населения, и только возросшие трудности, еще большие перебои в снабжении продовольствием и товарами широкого потребления (как это произошло, например, в Польше) могут привести к взрыву недовольства и массовым волнениям.

Весьма возможно, что экономический кризис затронет и другие стороны жизни населения стран советского блока. Так, например, "скрытая безработица", то есть экономически неэффективная занятость, может привести в 80-е годы к серьезным последствиям. Усилится, например, давление "скрытой безработицы" на уровень зарплаты, в результате чего реальная зарплата не только не возрастет, а вследствие роста инфляции уменьшится, что может поколебать лояльность населения по отношению к режиму, поскольку она поддерживается удовлетворением населения предметами первой необходимости.

Можно предположить, что в 80-е годы понизится уровень всех участков социального обслуживания (удовлетворения духовных запросов, здравоохранения, культурного обслуживания и т.п.), что, в свою очередь, подорвет социальную уверенность населения. Можно ожидать, что в странах советского типа возникнет массовая безработица — это может произойти в случае лик-

видации неэффективных производственных предприятий, изменения структуры и переквалификации рабочей силы и т.п.

Наш анализ исследует, в основном, вопрос, *могут ли страны советского типа преодолеть надвигающийся на них кризис без изменения системы, без изменения общественно-политических связей, которые в этой системе установились*. Однозначно на этот вопрос ответить невозможно, поскольку кризисные явления в экономике стран советского типа вызваны множеством причин, и не все они, как мы уже говорили выше, вытекают из системы самой. Не вызывает, однако, сомнения, что именно экономические причины заставят в ближайшие годы со всей серьезностью изучить влияние системных факторов на экономику стран советского блока. Этот вопрос уже ставился в прошлом, но почти двадцать лет назад его сняли с повестки дня. Однако этот старо-новый вопрос требует, в свою очередь, решения смежного вопроса, а именно: увязки экономических реформ с политическими, что поставит руководство стран советского блока перед теми же проблемами, которые остались нерешенными в 50-е и 60-е годы.

И в будущем, при решении возникших проблем, руководство будет стремиться сохранить тоталитарный характер своей власти. Однако наряду с этим стремлением более заметно проявятся также стремления к изменению структуры тоталитарной системы, особенно в тех областях, где существующая структура тормозит экономический рост. Как первая, так и вторая тенденции имеют своих проводников в странах советского типа. Поэтому можно предположить, что в 80-е годы среди власть имущих возникнут такие же разногласия, как в 1953-1956 гг. Тогда, после смерти Сталина, в центре внимания оказалась роль аппарата, осуществлявшего массовый террор; сейчас же, в 80-е годы, на повестку дня выходит роль аппарата, осуществляющего руководство народным хозяйством. Составные части советской правящей элиты — политическая (партийная и государственная) бюрократия, экономическая бюрократия, полицейский аппарат и армия — вынуждены будут выработать свою позицию относительно главной причины кризиса, но на этот раз причину составляет целый комплекс проблем, связанных с управлением экономикой.

Уже сейчас можно определить некоторые исходные пункты

дебатов: часть политической бюрократии, полицейский аппарат, а при обсуждении отдельных вопросов и военные, будут стремиться к тому, чтобы задачи воспроизводства существующей структуры власти сохранили свое первоочередное значение по сравнению с задачами обеспечения динамики экономического воспроизводства. Другая часть политического и влиятельная часть хозяйственного аппарата будут защищать противоположную тенденцию. На практике это противоречие не проявляется в чистом виде, как может показаться на первый взгляд, так как все эти группы связывают и смежные интересы. В 1953 г. почти все группы правящей элиты были заинтересованы, чтобы полицейский аппарат перестал быть "государством в государстве", поскольку всемогущий полицейский аппарат угрожал всем. Некоторые общие интересы будут объединять эти группы и в 80-е годы и прежде всего их общая заинтересованность в сохранении жизнеспособности общественно-политической системы, неотделимой частью которой эта элита является.

Трудно определить, спустя какое время этот общий для правящей элиты интерес начнет определять поведение всех ее групп. Можно, однако, предположить, что по мере обострения экономического кризиса и опасности массового сопротивления режиму, будет укрепляться единство всех групп элиты. Пример Польши 80-х годов неизменно окажет влияние на все страны советского блока.

Рассуждая теоретически, можно было бы предположить, что страны советской сферы влияния пойдут по пути отделения политической власти от экономической, поскольку такая мера позволила бы на некоторое время хотя бы отчасти стабилизировать систему. Правда, центр политической власти уже не мог бы по-прежнему полностью контролировать экономическую жизнь страны, но зато экономические субъекты приобрели бы большую автономию. При этом оставшиеся за политической властью возможности контроля над обществом обеспечили бы ведущую позицию этой власти в стране. Для того, чтобы такое положение создалось в СССР, советское руководство должно пойти по пути хотя бы таких экономических реформ, задачей которых будет не оптимальное развитие советского народного хозяйства, а достижение неизменного уровня жизни и обеспечение основных потребностей населения минимум на 10 лет. Напомним, что в 70-е

годы обеспечение основных потребностей населения стабилизировало положение в восточноевропейских государствах.

Реформа управления народным хозяйством, которая могла бы привести в Советском Союзе к аналогичным результатам, была бы *технократическо-бюрократической реформой*, не нарушающей характерных для советской системы связей: то есть обусловленные самой системой причины нынешнего кризиса действовали бы и в дальнейшем, но благодаря реформе кризис можно было бы на время преодолеть.

Проведение такого рода реформы в Советском Союзе привело бы к таким последствиям:

— государственные предприятия, главным образом, в легкой промышленности оказались бы под большим давлением рынка в связи с количеством, качеством и ассортиментом изделий; возросшее в результате реформы предложение, в свою очередь, повысило бы значение потребительских факторов, поскольку исчезли бы трудности, вызванные хроническим дефицитом различных изделий;

— возросло бы значение принципа материальной заинтересованности, который сейчас из-за невозможности приобрести на заработанные деньги нужные людям товары, особой роли не играет;

— автономия предприятий промышленности товаров широкого потребления способствовала бы устранению резких диспропорций в советской экономике, таких, как предпочтительное отношение к отраслям тяжелой промышленности, хроническое отставание сферы обслуживания и т.п.;

— автономия промышленных предприятий, производящих изделия для сельского хозяйства (сельскохозяйственные машины, искусственные удобрения и т.д.), способствовала бы координации деятельности этих отраслей с потребностями сельского хозяйства;

— сельскохозяйственное производство тоже попало бы под влияние рынка, что способствовало бы устранению диспропорций между промышленным сектором народного хозяйства и сельскохозяйственным;

— большая автономия предприятий в области капиталовложений и использования рабочей силы способствовала бы сокращению "скрытой безработицы", поскольку более гибко регулировалось бы распределение трудовых резервов.

Все эти результаты могут быть достигнуты в Советском Союзе. Более того, они могут быть достигнуты даже в том случае, если останутся нерешенными некоторые принципиальные общественно-политические проблемы. Автономные предприятия продолжали бы оставаться государственными, т.е. под контролем бюрократии, а к решению проблемы коллективной собственности, связанной с самоуправлением производителей, в течение определенного периода можно было бы вообще не приступать.

Для того, чтобы такого рода реформа преодолела существующий ныне кризис, наряду с реформой, но независимо от нее необходимо решить следующие вопросы:

— проблему эффективного использования новых источников сырья в азиатской части СССР (что вряд ли можно осуществить без участия иностранного капитала);

— проблему внедрения новой техники в советском хозяйстве (как посредством расширения и улучшения научно-исследовательской деятельности в Советском Союзе, так и путем обеспечения доступа к иностранным новшествам);

— проблему соблюдения экономически приемлемого уровня советских расходов на вооружение.

Эти три проблемы, однако, связаны с внешней политикой.

Таким образом, подытоживая сказанное, мы утверждаем, что борьба среди власть имущих в СССР в 80-е годы будет вестись, в первую очередь, в связи с выбором решения экономических проблем, причем в поддержку проведения начертанной нами реформы будут действовать следующие факторы.

Советское общество уже находится на таком этапе развития, когда начинают действовать тенденции, в прошлом повлиявшие на переход индустриально развитых стран Запада к "обществу потребления", к "государству благосостояния". Каждый шаг советского руководства в направлении к такому типу общества встретит огромную поддержку населения и, напротив, каждый

шаг, уводящий от него, может вызвать взрыв общественного недовольства.

В пользу технократическо-бюрократической реформы говорят и то, что такая реформа позволит правящей элите проявить инициативу и в 80-е годы, как было в 1953-1956 гг., когда стремление удержать инициативу в своих руках оказалось после смерти Сталина главным мотивом всех действий советской верхушки. Об этом свидетельствует также советская политика в Восточной Европе в послесталинский период: интервенция в Венгрии в 1956 г., оккупация Чехословакии в 1968 г. и поддержка введения военного положения в Польше в 1981 г., — то есть для сохранения инициативы в руках центра империи советское руководство отдало предпочтение военному решению проблем, возникших на ее периферии. В определенном смысле военное вмешательство в страны Восточной Европы было для советских властей решением локальных проблем; такое же решение может быть использовано и при подавлении локальных протестов в Советском Союзе. Однако принципиальные проблемы Советского Союза, обуславливающие кризис советской экономики, "советская военная интервенция" решить не в состоянии.

В отличие от руководства Польши, советское руководство еще может некоторое время сохранить инициативу в своих руках. Степень идентификации национальных интересов с советской системой в России намного выше, чем в Польше или в других странах Восточной Европы. Исторические традиции, которые позволили бы надеяться на перемену системы в СССР в результате давления "снизу", напротив, не идут ни в какое сравнение с традициями восточноевропейских государств. В Советском Союзе перемены в значительной степени зависят от действий власти имущих, поскольку советское общество более инертно политически, чем общественность других стран советского блока.

Если резко ухудшится снабжение населения, то и в СССР, возможно, начнутся рабочие забастовки и демонстрации; весьма вероятно, что в таком случае власти прибегнут к насилию. Однако в ближайшие годы такого рода массовые протесты, если они и начнутся, будут изолированы локально (в рамках завода или города) и не перерастут, как в Польше, во всенародное движение сопротивления. Но если продолжить сравнение с Польшей, то сравнивать СССР 80-х годов следует с Польшей

70-х, когда инициатива находилась еще в руках польского руководства. В последние годы советские власти уже начинают ее терять, но *еще* не вынуждены уступить, так как в СССР нет массовой организованной силы, которая выступает против власти. Оппозиция, требующая проведения экономической реформы и одновременно политического плюрализма, в Советском Союзе весьма слаба. Даже советские диссиденты в большинстве своем строят анти тоталитарную программу не на принципах политической демократии, характерных для современных индустриальных государств Запада, а на традиционных ценностях доиндустриальной России. Эта оппозиция состоит, в основном, из представителей интеллигенции и выступает она против таких элементов советской системы, которые в настоящее время очень сильны (политический надзор над обществом, информационная изоляция и т.д.), почти не интересуясь вопросами управления хозяйством, хотя именно эта область переживает тяжелый кризис. Экономика вообще оказывается вне поля зрения советских диссидентов, и до сих пор еще не был проделан экономический анализ, на основе которого оппозиция могла бы разработать свою альтернативу. Возникшее в Советском Союзе инакомыслие — результат нравственного и культурного кризиса советской системы, а на этой арене вряд ли произойдет решающее столкновение с правящей элитой СССР.

Именно поэтому можно предполагать, что в 80-е годы в Советском Союзе окончательное слово в процессе преодоления кризиса будет за правящей элитой, вернее, за той частью элиты, которая одержит победу в борьбе за власть, как это произошло после смерти Сталина. В общих чертах советскую элиту можно разделить на две группы: сторонники экономической реформы (технократы) и ее противники (часть политической, то есть партийной и государственной бюрократии). Столкновения по вопросу реформы будут, однако, проходить не только между этими четко очерченными группами, но и внутри каждой из них.

К экономической бюрократии, например, относятся как носители технократических тенденций, так и противники реформы. Противники — это, в первую очередь, те, кто тесно связан с деятельностью аппарата и положение которых зиждется на существующей в настоящее время системе центрального директивного планирования (работники министерств и плановых органов).

Эти-то люди и сыграли важнейшую роль в свержении Хрущева, защищая и защитив столь важную лично для них стабильность системы.

В период с 1965 по 1975 гг. система действительно была относительно стабильной, однако, в настоящее время советская экономика переживает кризис именно потому, что провалилась концепция противников реформ, так что в будущем их положение окажется совсем не легким.

Политическая бюрократия, главным образом, партийный аппарат, тоже не монолитная группа. Если экономическая реформа в СССР будет проведена и даже если она будет носить не демократический, а технократический характер, реформа все равно ограничит возможности партийного аппарата произвольно вмешиваться в хозяйственную жизнь страны. Следовательно, часть аппарата, которая осуществляет партийное руководство экономикой, неизбежно будет противиться экономическим реформам. Другие же сотрудники партийного аппарата занимаются иными вопросами, и поскольку главная цель партийной бюрократии – сохранить руководящую роль партии, определенные круги партаппарата, возможно, поддержат реформу.

Советский опыт показывает, что "руководящая роль" партийной бюрократии может быть обеспечена лишь путем достижения компромисса между основными группами правящей элиты, так что достижение основной цели партийного аппарата зависит от целого ряда факторов, а не только от сохранения за аппаратом права вмешиваться в принятие экономических решений.

Можно предположить, что, принимая решение о путях преодоления экономического кризиса, советская политическая бюрократия будет прежде всего руководствоваться следующими критериями:

1) позволит ли данное решение сохранить "руководящую роль" партийной бюрократии и союз всех групп правящей элиты и;

2) укрепит ли данное решение советскую гегемонию в советском блоке. Удовлетворить одновременно и первый и второй критерий будет совсем не легко.

В процессе преодоления экономического кризиса партийной бюрократии придется выработать новый вид отношений с поли-

цией и армией. Абстрактно рассуждая, можно придти к выводу, что ни полиция, ни армия не заинтересованы в том, чтобы советская экономика переживала хронические трудности, так как они могут вылиться в массовые протесты и ослабить военную мощь государства. На деле же и полиция, и армия будут, вероятно, стремиться к тому, чтобы возможные экономические реформы не ограничили их влияния в государстве и не поколебали их позицию в рамках правящей элиты.

Что же касается полицейского аппарата (мы имеем в виду ту его часть, которая осуществляет политический контроль над населением), то его можно будет привлечь на сторону экономических реформ, но только технократических, так как в отличие от демократических, они не ставят под угрозу тоталитарную систему и роль политической полиции. Весьма возможно, что в процессе проведения реформы роль полицейского аппарата еще более возрастет: он сможет стать *источником информации* о социально-политических движениях и *инструментом подавления* в зародыше всех нежелательных для власти тенденций. Поскольку в условиях экономического кризиса, даже когда его стараются преодолеть, возникает опасность взрыва общественного недовольства, то партийная бюрократия для сохранения своей "руководящей роли" может поддержать и защитить полицейский аппарат.

Более серьезную проблему представляют военные, так как армия играет не только внутривластную, но и видную внешнеполитическую роль. Военные могли бы поддержать технократическую экономическую реформу, но при условии, что она не подорвет привилегированное положение военной промышленности и политическое влияние военных.

Можно, таким образом, утверждать, что интересы различных групп правящей советской элиты не настолько противоречат друг другу, чтобы воспрепятствовать решению экономического кризиса в СССР путем проведения реформы технократического типа. Из этого, однако, не вытекает, что такая реформа произойдет. Но даже если советские власти ее осуществят, это еще не откроет путь к демократизации советской системы (в отличие от восточноевропейских государств, в которых *все* попытки проведения экономической реформы увязывались с необходимостью демократизации режима).

Даже успех технократической реформы в Советском Союзе не будет означать реформы коммунизма как системы. Попытки реформировать коммунистическую систему, возможно, зародятся в среде коммунистической интеллигенции, но они вряд ли найдут благоприятную почву среди власть имущих. Не получат поддержки реформистские коммунистические идеи и среди активных групп инакомыслящих, поскольку ориентация советского инакомыслия совершенно иного толка.

Что же касается идеологического обоснования технократической реформы, то, по всей вероятности, на вооружение будет взято нечто вроде "принципа эффективного общества". В советских условиях такой лозунг будет выдвинут во имя осуществления "ленинских идей", "ленинских методов производства", он будет рассматриваться как "орудие строительства коммунизма" и т.д. Во имя этого принципа будет насаждаться "порядок" вместо существующей "анархии", а под "анархией" понимается и деморатический плюрализм; на передний план выйдут критерии рационального и эффективного производства. Опираясь на такие идеологические постулаты, правящая элита сможет и в будущем сохранить тоталитарный характер политической власти и подавлять все стремления к демократии и плюрализму.

Следует отметить, что технократическая реформа в СССР все же может создать предпосылки для демократических перемен в будущем. Ведь экономическая реформа, пусть и технократического типа, ставит менеджера в более привилегированное положение по сравнению с политическим бюрократом. В настоящее время критерием квалификации бюрократа является мера его послушания начальству. Но до сих пор, несмотря на то, что многие марксистские исследования советского общества отмечают выдвижение технократии, технократы продолжают по своему значению уступать аппаратчикам.

Внедрение критерия эффективности правящей элиты неизбежно повлечет за собой использование таких механизмов контроля, при помощи которых можно будет определить эту эффективность. В политической системе, где до сих пор проверялась лишь степень лояльности к вышестоящим, определение эффективности станет серьезной переменной к лучшему. Это не означает, что установится обратная связь, существующая в демократическом обществе, но возникнет новый тип связи между правящей элитой и обществом.

Введение принципа эффективности не означает демократизации политической системы советского типа. Более того, если в результате технократической реформы появится возможность демократизации системы, то это произойдет вопреки намерениям правящей элиты, целенаправленность которой и в дальнейшем будет антидемократической, в сторону стабилизации тоталитарной системы, но если в 80-е годы реформа осуществится, она все же затронет два важнейших элемента современной советской системы:

- предоставление автономии некоторым экономическим субъектам нарушит неразрывную связь политической и экономической власти;

- внедрение критериев эффективности установит своего рода обратную связь между элитой и некоторыми участками общественной деятельности.

При запоздалом решении конфликтов между отдельными группами правящей элиты в Советском Союзе может создаться такое положение, которое приведет к взрыву общественного недовольства. Получается своего рода парадокс: страх советского руководства перед протестом масс может помешать своевременному проведению реформы, которая могла бы на некоторое время стабилизировать нынешнюю систему и воспрепятствовать проявлениям недовольства. Если осуществится такой вариант, то советское руководство неизбежно прибегнет к насилию и полицейскому террору с вытекающими из этого последствиями. Но как бы то ни было, направление, по которому пойдет Советский Союз, определится в первой половине 80-х годов.

Вторым фактором, который может повлиять на выбор методов преодоления экономического кризиса в СССР, является положение в странах Центральной Европы. Эти страны советской сферы влияния отличаются от СССР тем, что проведение экономических реформ там нельзя отделить от политических. В Польше, например, просто невозможно предоставить большую самостоятельность предприятиям, не воскресив при этом призрака независимых профсоюзов. В Чехословакии, где необходимость проведения экономических реформ давно назрела, их невозможно будет отделить от критики так называемой "нормализации", проводившейся в стране с 1969 г. Если же Советский Союз воспрепятствует реформе в Польше и Чехословакии, то такой

шаг бумерангом ударит по советскому руководству. В Венгрии и ГДР положение несколько иное, но тоже отличается от положения в СССР, поскольку в этих странах общество более настойчиво требует проведения реформ.

Различия в уровне развития между странами советской сферы влияния, которые обусловили кризис 50-х годов, не выравнялись до сих пор. В интересах укрепления своей гегемонии советская верхушка затормозила развитие не только стран Восточной Европы, но и СССР. Не исключено, что она продолжит такую политику и в 80-е годы. Тут, однако, вступает в действие новый фактор. В 1956 и 1968 гг. советское руководство еще могло подавить реформы в странах Восточной Европы, не ставя при этом под угрозу стабильность своего государства. В 80-е годы советское вмешательство в дела восточноевропейских стран оказалось бы чреватым серьезнейшими последствиями для Советского Союза, и ликвидировать эти последствия советское руководство могло бы только путем массового террора.

Пока еще трудно определить, какому решению отдадут предпочтение советские руководители — полицейскому или экономическому. И не исключено, что интересы сохранения советской гегемонии в блоке станут тем фактором, который помешает проведению экономических реформ в СССР.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы:

В 80-е годы центр тяжести кризиса, который переживают системы советского типа, переместится в СССР (как в 1953 г.). Главной силой, которая приступит к решению этого кризиса, будет советская правящая элита. В настоящее время кризис вызван *экономическими* трудностями, но решать его будут, исходя из *политических* интересов советской элиты. В 80-е годы вряд ли произойдут существенные изменения тех связей, которые сложились за годы существования советской системы и которые делают ее тоталитарной. Но если в процессе преодоления экономического кризиса советское руководство при помощи экономических факторов добьется относительной стабилизации системы, то расширится простор для деятельности социальных групп, стремящихся к преодолению характерных для системы

недостатков и к ее демократизации. Возможности этих групп увеличатся благодаря возникновению элементов плюралистической системы по ходу экономической реформы. Если же советская система в 80-е годы будет держаться на военно-полицейском насилии, то неизбежные в будущем кризисы еще больше обострят конфликты вплоть до образования революционной ситуации.

По какому бы пути ни пошел Советский Союз в 80-е годы, очевидно одно: противоречия между социально-политическими задачами СССР и стран Восточной Европы будут постоянно углубляться.

НА ВОСТОКЕ – ТУПИК

В политике, как и на войне, судят по практическому результату. Политика — это искусство использования возможного. Уметь провести разведку, как можно полнее предвидеть вероятные препятствия, найти направление главного удара, выработать стратегию и, главное, учесть совокупность всех имеющихся в наличии сил — только так теория согласуется с практикой. Пренебрегая прагматизмом, легко делаются утопистами. И, наоборот, проповедники утопий обречены на практические неудачи.

Есть в наши дни правительства, которые претендуют на признание того, что их политика не только реалистична, но и научно выверена. Таких правительств четырнадцать — они властвуют в странах, где утвердили свою политическую монополию коммунистические партии.

Однако, историческое развитие последних десятилетий показало, что претензии правящих коммунистических партий на исключительную реалистичность их программы действительностью не подтверждаются. В коммунистическом лагере растут и обостряются противоречия. Этого, правда, там не признают. Но тем более важно проанализировать эти противоречия. Такой анализ может приподнять завесу, за которой скрыто будущее.

* * *

Мертвая догма и зеленое древо жизни

Сталину предстояло умереть дважды: 5 марта 1953 г., в одинокой комнате на подмосковной даче, и еще раз, 25 февраля 1956 г. — публично, в присутствии делегатов XX съезда КПСС,

которых собрали, чтобы прочитать им "секретный" доклад Никиты Хрущева.

До этой второй смерти Салин был для миллионов коммунистов "гениальным знаменосцем" мирового пролетариата, самым великим после Ленина марксистским теоретиком. Как стратег, философ, государственный деятель и "корифей науки" Сталин налагал свою печать на все стороны жизни советского государства — на экономику, искусство и даже биологию... Казалось, более прямого сочетания науки с практикой невозможно и вообразить. Хрущев разрушил эту показательную картину, разоблачив слабость, непоследовательность и преступность вождя, которому сам долгие годы служил не за страх, а за совесть.

Правда, Хрущев решился осудить только самого Сталина и его "ошибки". О природе советского общества вопрос не поднимался; о его будущем — и того меньше. Хрущев утверждал, что основы социализма уже заложены; оставалось лишь последовательно, по этапам двигаться вперед, в коммунистическое завтра. Решающим фактором этого продвижения Хрущев продолжал считать экономический рост страны. В 1950-1956 гг. объем промышленного производства в СССР увеличивался на 12 - 15% ежегодно, а национальный доход, поскольку сельское хозяйство отставало, на 8-10%. Это позволяло рассчитывать, что экономический потенциал в каждое следующее десятилетие будет увеличиваться вдвое (тогда как Соединенные Штаты удваивали бы свой потенциал лишь каждые 20 лет). Хрущеву все представлялось столь же ясным, как и Сталину: Советский Союз должен "догнать и перегнать" Соединенные Штаты. Правда, в отличие от Сталина, Хрущев усомнился в эффективности абсолютной централизации и максимального подавления инициативы трудящихся. Он пытался рассредоточить управленческий аппарат, высвободить рабочую силу из лагерей и тюрем, ввести принцип материальной заинтересованности, стимулировать труд крестьян, добиться разрядки международной напряженности и создать условия для мирного сосуществования.

Но не в силах Хрущева было воспрепятствовать зарождению в порабощенных Сталиным странах Восточной Европы и других надежд — на национальную независимость и демократизацию. Когда Сталин умер физически, поднялись рабочие Восточного Берлина. Когда после XX съезда он умер морально, вирус свобо-

ды проник в Польшу и Венгрию. Чем это кончилось, известно: в Польше — компромиссом, в Венгрии жестокой военной интервенцией. Разница была обусловлена, видимо, тем, что в первом случае монопольная власть коммунистов осталась неприкосновенной, а во втором начала быстро разлагаться сама компартия.

Все-таки в те времена и в самом Советском Союзе и в странах Восточной Европы появились тенденции к либерализации — то менее, то более последовательные. Самым радикальным из тогдашних требований была свобода печати. Но никто тогда не ставил под сомнение ни обобществление средств производства, ни планирование хозяйства, ни первостепенное значение экономического роста. Программы социальных преобразований так и не появилось. Только в Югославии, в которой диссидент начался в 1948 г. и которая была прощена Хрущевым в 1957 г., приблизились к такой программе, выдвинув идею производственного самоуправления. Но противоречие между принципами и повседневной практикой никогда не изгладилось и там. Коммунистический мир развивается так медленно, что невольно спрашиваешь, не топчется ли он на месте? Была надежда, что XX съезд надует опустившиеся паруса, но дождались только слабого бриза, который едва освежил воздух.

Новые веяния начали чувствоваться в 1965 г. Они стимулировались экономическими трудностями, которые проявились к тому времени не только в Советском Союзе, но и в большинстве государств Восточной Европы. Ежегодный прирост производства — показатель, которым прежде кичились эти страны, — резко сократился. В Чехословакии два года подряд падали даже темпы экономического развития. В особом положении оказалась Югославия: темпы роста сохраняли интенсивность, но ценой увеличения инфляции. Правительства вынуждены были что-то предпринимать. Наступила полоса реформ.

Их объем и характер были различны. Югославия начала переход от плановой экономики к рыночной. Советский Союз ограничился попытками предоставить больше свободы руководителям предприятий, пересмотреть систему ценообразования, укрепить материальную заинтересованность; одним из критериев народного хозяйства становится прибыль. Чехословакия попробовала синтезировать советские и югославские реформы: стали

вводить более гибкое планирование, признавали частичную автономию отдельных предприятий, банкам предоставили более активную роль, стали менять систему ценообразования. Это еще не было революцией, но выходило за рамки обычных усовершенствований системы управления экономикой. В Чехословакии речь шла о *структурных реформах*, но как только началось их осуществление, выявились серьезные противоречия и, главное, назрел вопрос: *укрепят ли они существующую систему или повлекут за собой ее ослабление?* Ответом были кризис 1968 г., "пражская весна" и, наконец, советская интервенция.

Но еще до этого внимание мира привлек кубинский эксперимент. Он вызвал симпатии не только своей стихийностью, но и революционной бескомпромиссностью. И еще была "культурная революция" в Китае, которую слишком поспешно, не считаясь с различиями китайских и западных условий, принялись сблизжать с протестами американских студентов и французским маем 1968 года.

Разочарование оказалось пропорционально утраченным иллюзиям. Попытки восстановить демократию — в "традиционной" или в "новой" версии, повсюду были раздавлены. Однопартийная диктатура победила. Значит ли это, что таковы неизбежные последствия обобществления средств производства? Так думают консерваторы всех стран. К ним присоединяются и некоторые социал-демократы. Левые социалисты, крайние левые и западные коммунистические партии это отрицают. Но как же тогда объяснить, почему во всех 14-ти государствах, где частная собственность на средства производства была ликвидирована полностью, происходит одно и то же? И чем обосновать утверждения, что в западных странах в случае успеха социалистической революции все будет иначе? Ответы достаточно определены, но навряд ли удовлетворительны.

Ссылаются, например, на особую ситуацию в России и Китае к началу революции. Оба государства серьезно отставали в промышленном развитии. Промышленность развивалась, но в сопоставлении с сельским хозяйством объем ее был незначителен. В обоих государствах отсутствовала буржуазно-демократическая традиция. Социальные преобразования вводились при неблагоприятной международной обстановке. Можно ли было при всем этом избежать введения диктатуры? Тут есть, вероят-

но, и доля правды. Но можно ли тем же способом объяснить ход развития Чехословакии или Восточной Германии — экономически высоко развитых стран? Можно ли также объяснить современное положение в Советском Союзе — в индустриальном отношении передовом государстве, которое, казалось бы, вовсе не должно страдать комплексом международной неполноценности?

Другие предлагают исходить из национальной специфики каждого "эксперимента" в отдельности. Конечно, нельзя судить об СССР, пренебрегая особенностями Святой Руси, или о маоизме, не учитывая китайской истории. Но разве не верно то же самое в применении ко всем странам и системам? Японский капитализм отличается от американского, а американский, в свою очередь, имеет свои особенности в сравнении с французским или немецким. Но достаточно ли этого, чтобы отказаться от поиска общих закономерностей развития капитализма?

Наконец, говорят об особо благоприятных условиях для осуществления социализма, которые сложились в индустриальных странах Западной Европы: наемные рабочие составляют там большинство активного населения; концентрация промышленности и капитала создала предпосылки для введения экономического регулирования; традиции свободы прочно укоренились в сознании граждан и т.д. Все это так, но нельзя отрицать, что капитализм прекрасно приспособился к этим новым условиям и соответственно модифицировался. Не стоит к тому же чересчур обольщаться тем, что граждане Западной Европы имеют иммунитет к разного сорта диктатурам: ведь фашизм перед второй мировой войной расцвел не где-нибудь, а именно в Западной Европе — в высоко цивилизованных Германии и Италии.

Европейские левые мечутся в поисках всевозможных оправданий своему нежеланию присмотреться к действительному прошлому, настоящему и будущему так называемых социалистических стран, и дать этому разумное объяснение. Они уклоняются от полемики с оппонентами, повторяя снова и снова:

"Мы живем во Франции (или в какой-нибудь другой из западноевропейских стран), а не в России. У СССР и Китая иные, не наши проблемы, а потому и говорить о них бессмысленно".

Даже западные коммунисты неустанно твердят, что никакого обязательного "образца" нет, что социализм на Западе должен быть совсем другим.

Такова эволюция — от безоглядного восхищения, от наивных восторгов политических пилигримов, от фальшиво розовых описаний увиденного — к дипломатической вежливости, затем — к робким упрекам и, наконец, в отдельных случаях — к открытой враждебности.

Но ведь этого недостаточно! Ведь только всерьез анализируя итоги конкретных "экспериментов" можно установить условия, при которых попытки социальных преобразований могли бы принести более привлекательные плоды. Исходя из опыта 14-ти государств, возглавляемых коммунистическими партиями, изучая также опыт стран третьего мира, в которых тоже были предприняты попытки построить социализм, следует искать *общую* закономерность.

Такой подход отвергнут теоретиками-марксистами. Он отвергнут, в частности, Эрнстом Манделем, без сомнения, самым выдающимся теоретиком современного троцкизма. Споря со мной в Свободном университете в Брюсселе, Мандель заявил, что "уклоны", которые наложили свою печать на ход совершившихся пролетарских революций, нельзя возводить в историческую закономерность, поскольку социализм начинали строить в отдельных странах, и революция еще не победила в масштабах всего мира. По Манделю, нельзя из накопленного опыта делать выводы, которые опровергали бы или даже корректировали предназначения Маркса и Ленина. И все потому, что троцкизм, разработав трудами Манделя собственную версию "структурных реформ", все еще продолжает стоять на страже Храма революции. Мандель признает, что во всех государствах, где установилась власть коммунистических партий, смысл революции был искажен, а вместо пролетарских государств получились "разложившиеся рабочие государства". Но и это не побуждает его усомниться, что наступит день, когда движение масс обновит развратившуюся Церковь, восстановит ее девственную чистоту.

В одном я все-таки с Манделем согласен: если вспомнить, как описывали развитое социалистическое общество основоположники марксизма, придется признать, что такого общества пока что никто не видел. И бессмысленно, конечно, предлагать

теорию социально-экономической формации, которой не существует. Но, с другой стороны, — и это тоже трудно опровергнуть, — какие-то новые общественные структуры все-таки появились. Старшая из них уже отпраздновала свое шестидесятилетие, а все вместе они охватили огромные территории земного шара, на которых живет более миллиарда человек. Назвать их можно по-разному: "переходными обществами", или "бюрократическими", "техно-бюрократическими", "государственно-социалистическими" и т.д. Но, как их ни называй, всякий должен признать, что, взятые вместе и сопоставленные, они представляют собой и теоретически, и исторически чрезвычайно важный объект для анализа. Уже их *повторяемость и долголетие* сотрясают до основания привычные схемы. Пора отказаться от бесконечных сопоставлений того, что получилось, с тем, что должно бы получиться. Пора посмотреть в глаза правде. Пора беспристрастно обдумать проблемы, которые неизменно появляются сразу, как только в какой угодно стране обобществляют средства производства.

Какие бы различия ни существовали изначально в тех странах, где проводился этот "эксперимент", между ними обнаруживается нечто общее. Казалось бы, национализация промышленности, банков, торговли и системы услуг должна устранить основное противоречие современных индустриальных обществ, когда производство становится все более коллективным и в изготовлении каждого изделия участвует все большее количество производителей, а львиная доля средств производства остается в руках меньшинства. Однако, как показывает опыт, национализация — это всего лишь юридическая мера. Она ликвидирует частных предпринимателей, но ничего не меняет ни в производственных отношениях, ни в разделении труда, ни в иерархии, которая складывается в процессе разделения труда. И после национализации сохраняются в качестве экономических единиц отдельные предприятия. Сохраняется их статус, сохраняется, следовательно, и взаимосвязь между ними. Это обстоятельство объясняет, почему и после национализации каждое *изделие*, когда оно передается от одного предприятия к другому, остается товаром. Можно, конечно, укрупнять предприятия (это делается и в капиталистических странах). При этом уменьшается их количество, но социально-экономическое качество остается неизмен-

ным. Можно произвольно навязывать предприятиям цены на их изделия, но и после этого они не перестанут быть товарами. Национализация, иначе говоря, не затрагивает экономических механизмов капитализма. Эти механизмы на деле выживают даже если ликвидировать капиталистов.

Национализация – не панацея

Именно поэтому теоретики социализма согласны теперь в том, что невозможно удовлетвориться одной только национализацией. Национализация – лишь исходный пункт. Но куда же двигаться дальше?

Путь, по которому пошел Советский Союз, а вслед за ним и все другие государства, в которых власть захватили коммунистические партии, хорошо известен. Общественная собственность объявляется собственностью всего общества или народной собственностью. На этом основании у предприятий отнимается право свободно решать вопросы о количестве или качестве собственных изделий. Считается, что они принадлежат обществу, а потому общество из единого центра направляет на предприятия соответствующие директивы. То, что предприятие сохранило прежнюю структуру, признается несущественным: директора назначаются, чтобы осуществлять директивы, решая локальные технические проблемы и наблюдая, чтобы приказы сверху выполнялись неукоснительно. Критерии оценки любой хозяйственной деятельности, которые в Советском Союзе предпочитают называть "показателями", предполагают лишь буквальное следование полученным сверху приказам.

Тут сами собою напрашиваются два вопроса:

1. Возможно ли руководить всеми предприятиями из одного центра?

2. И, если возможно, правомочно ли считать этот центр выразителем воли всего общества?

Накопленный опыт позволяет ответить, что централизованное управление хозяйством осуществимо, но при этом приходится расплачиваться непроизводительными растратами экономической энергии и неистребимым очковтирательством со стороны директоров предприятий и ответственных работников на всех сту-

пенях управленческого аппарата. При этом могут быть даже достигнуты впечатляющие результаты, но лишь при наличии огромных трудовых резервов и при строительстве прежде не существовавшей тяжелой промышленности. Трудящихся просто "мобилизуют", полностью пренебрегая критериями рентабельности. В теории Маркса это называлось "экстенсивным развитием народного хозяйства". Но как только этот первоначальный этап завершен, а развитие не переходит в "интенсивное" — то есть, когда появляется необходимость повышать рентабельность наличных средств производства, как бы меняется ракурс, и все пороки централизованного руководства выступают наружу.

В Советском Союзе и в большинстве социалистических стран это случилось в конце 50-х — начале 60-х годов. Тогда-то и начался кризис плановой системы управления хозяйством, тогда-то и были сделаны попытки реформ. Преобладающая в капиталистических государствах форма собственности, как мы говорили, отстает от развития производительных сил, которые все больше обобществляются. В связи с этим в капиталистических государствах наблюдаются перемены в управлении как самыми крупными предприятиями, так и более мелкими. На смену "баронам промышленности" приходят технократы. Но такое обобществление не достигает уровня, при котором можно было бы обращаться с отдельными производственными единицами как с цехами одного огромного производственного предприятия, управляемыми из единого центра. Классическая частная собственность, конечно, не поспевает за историческим развитием, но национализация собственности тоже этого развития не опережает. Старое противоречие просто выворачивается наизнанку.

Это противоречие, как и многие другие, при социализме просто маскируется. Роль маски играет государство. *Единая общественная собственность отождествляется с единой государственной собственностью.* Могут, конечно, возразить, что государство при социализме — это тоже нечто качественно новое. Прежде оно защищало интересы буржуазии, а при социализме оно защищает интересы трудящихся. Так вначале и думали, но что же получилось на деле? Тут мы приходим ко второму из названных вопросов.

В социалистических государствах на этот вопрос отвечают

положительно. Там безусловно признают, что вновь образованный "центр" воплощает интересы общества как целого. Разве во главе государства не стоят компартии? Разве не провозглашают они пролетарскую доктрину? Разве сами коммунисты, которые осуществляют руководство, — не наемные рабочие? И все же они существенно отличаются от других наемных рабочих — и не только более высокой зарплатой и числом привилегий. Их отличие заключается в присвоенном ими праве суверенно распоряжаться прибавочной стоимостью, созданной трудом всех.

Труд рабочих и других трудящихся непрерывно создает прибавочную стоимость. По марксистской теории, это накапливающееся богатство идет в так называемый коллективный фонд, из которого оплачиваются социальные расходы, капиталовложения, военный бюджет и т.д. Поскольку никто из граждан прибыли из этого "коллективного фонда" не получает, казалось бы, и само употребление этого термина "прибыль", связанного с капиталистической эксплуатацией, тут совершенно неуместно. Действительность, однако, оказывается сложнее, поскольку даже при отсутствии индивидуального присвоения прибыли, распределение доходов в социалистических государствах далеко не равномерно. А это значит, что какая-то часть прибавочной стоимости перераспределяется, переходя от одних групп населения к другим. В отличие от капитализма, в социалистических странах такое перераспределение осуществляется не столько на уровне предприятий, сколько в общенародном или общегосударственном масштабе. В привилегированном положении оказываются не только функционеры партии, но и те, кто по благословению партии одаряются высокой зарплатой. Говоря теоретически, можно было бы добиться, чтобы неравенство зарплат соответствовало различиям в качестве и интенсивности затраченного труда. Но, во-первых, вряд ли можно точно измерить, имеет ли право, допустим, инженер той или иной квалификации на вознаграждение, которое в два, три или десять раз превышает зарплату неквалифицированного рабочего? Во-вторых, очевидно, что большая часть привилегий тех или иных социальных групп обуславливается политическими критериями или сложившимся в государстве соотношением сил.

Страх перед полицейскими репрессиями, как и неусыпный контроль над населением со стороны партии, препятствует рабо-

чему классу открыто выступить против установлений, которые созданы "его" государством от "его" имени. Но как только контроль и страх слабеют, вспыхивают забастовки и бунты, о чем свидетельствуют польские события и вспышки недовольства в Китае времен "культурной революции".

Государство оказывается *собственником* средств производства, но перепоручает управление ими определенной социальной группе. Тайное становится явным. Превратить общественную собственность в собственность всего общества оказалось невозможным. Общественной собственностью она становится через *посредство государства*. Она попадает в руки аппарата управления и подавлений, который веками был орудием господствующих классов, а в новых условиях способствует формированию нового правящего слоя. Государственная буржуазия сложилась не только в СССР, но и в некоторых государствах третьего мира, где стал доминировать общественный сектор. И в этих странах, совершенно также, инструментом обобществления становится одна партия — пусть и не коммунистическая.

Из сказанного следует, что речь идет не о каком-то "специфическом" явлении, которое можно объяснить особыми национальными обстоятельствами, а о закономерности, которая проявляется повсюду, где социализация проводится путем централизации. И нет никаких оснований рассчитывать, что в той или иной форме то же явление не возникнет в итоге национализации промышленности в странах Запада.

Наглядный тому пример — Куба. После свержения Батисты там было несколько партий, а новое правительство даже не называло себя социалистическим. Но как только кубинцы по решению Фиделя Кастро и Че Гевары вступили на путь социализма и принялись его строить под знаменем централизации (в промышленности) и милитаризации (в сельском хозяйстве), судьба страны была решена. Кубинский эксперимент неизбежно должен был привести к созданию государства советского типа. Такого рода системы характеризуются противоречиями и кризисами. Однако новые правящие слои научились их подавлять. С одной стороны, они прибегают к репрессиям, а с другой стороны, идут на компромиссы и уступки, что на определенном этапе позволяет стимулировать темпы экономического развития.

Самой насущной для стран советского типа стала проблема технократии, технических кадров, которые возникают как следствие индустриализации. Чтобы привлечь их на свою сторону, коммунистические партии обеспечивают им потребление по капиталистической модели: квартиру, дачу, машины. Такая политика коммунистических партий успокаивает западных буржуа, и те начинают делать капиталовложения в социалистических государствах. Но та же потребительская политика коммунистических партий вносит замешательство в ряды сторонников социализма на Западе, которые начинают все более критически относиться к централизованным и авторитарным формам управления.

Но как избежать таких форм? Возможно ли построить социализм другим путем?

Сторонники социализма должны решить, возможны ли вообще, в принципе, другие, отличные от советского, формы социализма, возможны ли другие структуры коллективной собственности, которые отличались бы от государственной формы собственности? Сторонники социализма должны решить, насколько отдельные слои общества — рабочие, технические кадры, интеллигенция, мелкие частные собственники и крестьяне — способны противостоять бюрократии. Два социалистических государства попытались что-то сделать в этом направлении: Югославия, которая ввела систему самоуправления на предприятиях, и Китай, где были созданы народные коммуны. И в других государствах время от времени слышатся призывы к переориентации на строительство социализма "снизу", делаются попытки опереться на инициативу масс. Но и те, кто выступает с такими призывами, не желает отказаться от власти. Они продолжают контролировать инициативу, они директивно навязывают даже реформы, не позволяя критикам и оппонентам выходить за строго определенные границы.

Сформированное сталинизмом мышление нынешних руководителей социалистических государств не мирится с возможностью столкновения различных политических программ. Для них существует лишь одна "генеральная линия", а все остальное — "уклоны".

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ "ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ". ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА *

Говоря о Восточной Европе, обычно подразумевают регион, в который входят европейские страны, находящиеся под властью коммунистических партий и имеющие (или имевшие в прошлом, как Югославия и Албания) тесные политические, военные и идеологические связи с Советским Союзом. Сюда попадают Польша и Венгрия, но не Финляндия или Греция. Выходит, что Прага принадлежит Восточной Европе, а Вена, расположенная гораздо восточнее, — нет. Если "Восточная Европа" понимается как придаток к СССР, трудно определить, куда отнести такие западные республики Советского Союза, как Латвия или Украина, или даже саму Россию. Где же они находятся, если страны, лежащие к западу от европейских границ СССР, мы отнесем к Восточной Европе?

Термин "Восточная Европа" не слишком популярен в странах, для обозначения которых он был создан. Тем не менее, сама идея существования на европейском континенте особой зоны, называемой Центральной или Восточно-Центральной Европой, существует давно, а за последнее время становится все более популярной среди интеллектуалов Чехословакии, Польши и Венгрии. В 40-х и 50-х годах нашего столетия идею особой восточно-центральной европейской зоны, которую он назвал пограничной полосой западной цивилизации, выдвинул работавший в изгнании польский католический историк Оскар Халецкий.¹ Но еще за 30 лет до Халецкого чешский ученый и политический деятель Томаш Масарик, который во время первой мировой войны выступал за разрушение Габсбургской империи и создание независимого чехословацкого государства, использовал

---

* Из сборника "Cross Currents" (A Yearbook of Central European Culture), 1982, Edited by L. Matejka and B. Stolz, Ann Arbor.

аналогичную концепцию в поддержку своей программы "Новой Европы". По Масарику, это – особая в географическом и культурном отношении зона, включающая народы, которые обитают между немцами и русскими. Недавно опубликованная книга "Создание новой Европы", которая представляет собой биографию англичанина Роберта Уильяма Сетон-Уотсона, сыгравшего важную роль в разрушении Австро-Венгерской империи, и, одновременно, анализ политики времен первой мировой войны, вновь привлекла внимание к идеям Масарика, который, естественно, оказался одним из главных персонажей этой книги.²

Какой же смысл вкладывал в понятие "Восточно-Центральная Европа" Масарик? Впервые он публично высказался об этом в своей первой лекции, прочитанной в Лондонском университете в октябре 1915 г. Масарик отметил тогда "разительное различие" между западной и восточной частями европейского континента. На западе много народов и государств – больших, малых и средних, но в совокупности они образуют "некое национальное равновесие". Совершенно иначе обстоит дело на Востоке, где есть одна многочисленная нация – русские, и одно крупное государство – Россия, а остальные нации и государства невелики. Исключение составляют Германия и Австрия, но они лишь частично принадлежат Востоку, так как значительная часть каждой из них относится к Западу. По существу, продолжал Масарик, Восток и Запад не разделены четкой границей. Между ними лежит "особая этнологическая зона", простирающаяся от линии Триест – Салоники – Константинополь на юге до Гданьска и Петрограда – на севере. В этой зоне ряд малых народов жили и живут под владычеством Германии, Австрии, Турции или России.³ Эта зона, которая охватывает восточные области Пруссии, Балканы, Австро-Венгрию и "запад России", оказалась центром национальных антагонизмов, столкновения принципов государственности и национальной принадлежности. Именно здесь зародилось требование политического переустройства Европы, приобрели политическое значение вопросы национальности и языка.⁴ Впоследствии Масарик подробно обосновал эти положения в книге "Новая Европа", изданной в 1918 г. Он определил эту зону как земли, лежащие "между Востоком и Западом, точнее, между немцами и русскими".⁵

По мнению Масарика, национальный вопрос в Центральной

Европе приобрел особую остроту потому, что такие крупные государства как Австрия и Россия угнетали малые народы, которые обладали развитым национальным и социальным самосознанием, высоким уровнем культуры, имели традиции политической независимости. Налицо был не просто конфликт между этническими группами, а несоответствие между культурным уровнем ряда народов и их статусом угнетенных наций в политически реакционных государствах.⁶ С этой точки зрения антиавстрийская деятельность Масарика времен первой мировой войны представляется фактическим осуществлением давно выношенных им политических воззрений на природу монархий Центральной и Восточной Европы. Он считал их реакционными и "теократическими", а потому отрицал их законность не только на национальных основаниях (они — немцы и русские, а среди их подданных имеются и другие нации), но и на том основании, что они препятствовали свободному культурному и политическому развитию своих подданных.

Такая интерпретация подтверждается замечаниями Масарика о России в произведениях, написанных во время первой мировой войны и известных антиавстрийской и антигерманской направленностью. Однако Масарик явно относил Россию к той же категории государств, что Австро-Венгрия и Германия, и потому поддерживал идею национальной свободы для "цивилизованных" народов России точно так же, как и для народов Австро-Венгрии. Но в Российскую империю входили многочисленные народы не только Европы, но и Азии, и Масарик полагал, что в подавляющем большинстве они "необразованы и лишены национального самосознания".

"Сами русские не доросли до национального сознания: у народных масс есть их религия, а просоциалистически настроенная интеллигенция лишена национальных чувств".⁷

Масарик резко критиковал роль царизма в русской истории:

"Россия не испытывает недостатка в самых разнообразных естественно и исторически сложившихся культурных силах, но царизм оказался неспособным мобилизовать и организовать эти силы. В этом причина его краха и падения".

По мнению Масарика, царизм был причиной того, что сама революция в России оказалась "столь негативна, лишена конструктивных сил". Царизм не подготовил Россию к самоуправлению.⁸

Уже в конце 1917 – начале 1918 гг. Масарик считал, что "экстремистский негативизм" русской революции ослабляет вероятность ее влияния в Европе. И все же он полагал, что крах русского царизма ускорит падение "царизма Вены и Берлина". Чтобы положительно повлиять на развитие событий за пределами России, русская революция должна была бы быть "революцией сердца и умов". Но на этот счет Масарик большого оптимизма не выражал:

"Царизм русских масс и революционеров хуже царизма самих Романовых. Они избавились от царя, но не избавились от царизма".⁹

Критически относясь к русской революции, Масарик утверждал, что Россия не будет играть важной роли в делах Европы. "Пророчество Наполеона о казацкой Европе не сбылось", – писал он, веря, что Европа продолжала шагать к "свободе и гуманизму".¹⁰

"Новая Европа", которую хотели построить Масарик и его друг Роберт Сетон-Уотсон, рухнула через двадцать лет. В 1938 г. ей нанесла тяжелый удар нацистская Германия, а в 1939-1940 гг. ее поделили между собой Германия и советская Россия. После второй мировой войны эта часть Европы целиком подпала под власть Москвы. Главная вина за разрушение независимости Восточно-Центральной Европы лежит на двух ее могущественных соседях, но отчасти ответственны за это и сами народы этого региона. Хью и Кристофер Сетон-Уотсон пишут:

"Шестьдесят лет спустя легко видны недостатки того порядка, который был установлен в Центральной и Восточной Европе в результате победы союзных держав и распада Габсбургской империи. В каждом из новых государств возобладал дух ограниченного официального национализма... Каждое государство оказалось в плохих отношениях со всеми своими соседями или с большинством из них...".¹¹

Но какими бы ни были их ошибки и промахи, народы этого

региона не уступили внешней силе. Национальное самосознание народов Центральной и Восточной Европы не было подавлено "ни нацистско-германским, ни "советско-русским империализмом". Демократия как ее понимали во времена Роберта Уильяма Сетон-Уотсона, оказалась непрочной, а демократические свободы — "хрупким, ненадежным и временным благом", но "национальные культуры подтвердили свою неистребимость".¹²

Милан Кундера, современный чешский писатель, который живет сейчас во Франции, по-видимому согласен с Масариком, так как подчеркивает ключевую роль национальной культуры в выживании народов, утративших политическую самостоятельность. Он, вероятно, согласился бы и с выводом Сетон-Уотсона, что культура является мощной силой, которая противодействует насаждаемым извне политическим системам. Кундера пишет, что чуждая политическая система была навязана Чехословакии в 1948 г., но

"...мало-помалу наши жизненные силы, самобытность страны, традиции ее тысячелетней истории — западной истории — начали разрушать импортированную из России систему".

Истоки и величие Пражской весны следует искать в культуре, а не в политике.

"Эта культура разъедала импортированную политическую структуру, стремясь наполнить ее собственным содержанием, привнести в нее собственный смысл".¹³

Кундера доказывает, что язык политики не дает ключа к правильному пониманию такой страны, как Чехословакия. Он считает, что вообще политические концепции не способны дать полного представления даже о политических системах. Хотя и Россия и Венгрия — коммунистические страны и в силу этого предположительно сходны между собой, принципиальное значение имеет прежде всего тот факт, что в настоящее время Россия "стремится поработить мир, а Венгрия сама поработена". В России население поддерживает режим, а в Венгрии сходный режим наталкивается на всеобщее противодействие. Политическое

мышление не способно разглядеть за политикой самое важное: жизнь отдельной личности, "судьбы народов", культурные преобразования.

"...великие столкновения цивилизаций, ... которые по-разному смотрят на человека и мир, на время и смерть".¹⁴

Одним из таких великих столкновений Кундера считает советское вторжение в Чехословакию в 1968 г. Ужас чехов, ставших свидетелями вторжения, говорит он, был вызван

"...беспредельной пустотой, угадываемой в лицах русских солдат, чуждостью цивилизации, которая мыслит иначе, имеет иную судьбу, живет в другую историческую эпоху... Политические режимы эфирны, а границы цивилизаций прокладываются веками".¹⁵

Для Кундера важен не вопрос выбора между капитализмом и социализмом, он не против социализма, а тот факт, что Чехословакия — западная страна, колонизированная восточной державой, с чуждой для Чехословакии цивилизацией.

Кундера многократно возвращается к мысли о том, что Чехословакия относится к иной культурной сфере, чем Россия. Например, в беседе с Филипом Ротом он назвал "подлинно Восточной Европой" Россию с ее историей, которая уходит корнями в византийский мир. Чехия, Польша, Венгрия, Австрия никогда не входили в эту Восточную Европу; они — часть Центральной Европы и принадлежат к западной цивилизации. После второй мировой войны вся Центральная Европа, за исключением Австрии, была аннексирована "русской цивилизацией", и в результате западная культура потеряла "жизненно важный для нее центр притяжения".

Этим обусловлен пессимизм Кундера, когда он думает о будущем Европы в целом.¹⁶

Кундера обвиняет Запад в том, что он не понял смысла культурной революции, которая предшествовала Пражской весне 1968 г. Это непонимание он объясняет тем, что западная культура превратилась в "придаток политической системы". Запад не понял, что

"... самым страшным последствием русского вторжения был именно разгром чешской культуры".¹⁷

Наблюдая за последствиями 1968 г., Кундера понял, что и культура может быть чрезвычайно уязвима, а, следовательно, и само существование нации не столь уж гарантировано:

”Если бы в детстве мне сказали, что когда-нибудь мой народ исчезнет с лица Земли, я счел бы такое пророчество полной бессмыслицей; такое я не мог бы даже вообразить. Человек знает, что он смертен, но он принимает как нечто само собой разумеющееся, что народ, в определенном смысле, бессмертен. Однако, после русского вторжения в 1968 г. каждый чех увидел, что его страна вполне может быть стерта с карты Европы — совершенно так же, как за последние пять десятилетий мир, даже не замечая этого, теряет 40 миллионов украинцев. То же случилось и с литовцами. Кто теперь помнит, что в XVII веке Литва была могущественной европейской державой? А ныне русские держат литовцев в резервации как полувымершее племя.

Не знаю, какое будущее уготовано моему народу. Одно лишь ясно: русские сделают все возможное, чтобы переварить Чехословакию в своей цивилизации. Удастся ли им это, не знает никто. Но такая *возможность* есть, и внезапной догадки о такой возможности достаточно, чтобы изменить смысл жизни человека. Сегодня даже вся Европа представляется мне хрупкой, смертной”¹⁸

Разве не показательно, что Кундера, говоря об опасности, которая, по его мнению, грозит чехам, вспомнил о судьбе украинцев и литовцев? Не значит ли это, что и чехи и словаки, и западные народы СССР находятся в одной зоне, хотя ”чехословаки” формально образуют независимое государство, а остальные — столь же формально объявлены республиками, входящими в состав советской федерации. Не столь уж важно, помнил ли Кундера о концепциях Масарика. Мыслит он в том же направлении, относя западные народы, которые попали в состав советско-русского государства, к народам Центральной Европы.

Это вовсе не географическое понятие. Очевидно, Кундера усмотрел общность судьбы нескольких народов, которые в равной мере стоят перед угрозой потери своей культурной и духовной самобытности. Различие между ними лишь в продолжительности существования под гнетом. По данным одного из недавних

исследований, на белорусском языке не ведется преподавание ни в одной школе Минска, столицы Белоруссии. В украинской столице Киеве украинские школы есть, но их меньше, чем русских, хотя украинцы составляют большинство населения. Обучение русскому языку вводится сейчас даже в детских садах нерусских республик.¹⁹ Естественно, что этот далеко идущий замысел вызывает тревогу интеллигенции нерусских республик Советского Союза. Белорусский ученый и педагог Федор Янковский в недавно опубликованной статье "Память сердца" со страстью и болью призывал спасти белорусский язык. Его чувства нашли отклик и в других республиках.²⁰ Белорусский ученый не случайно говорит о "памяти сердца". И для Кундеры национальное самосохранение есть "борьба памяти против забвения",²¹ ибо, "если стереть память народа, то это — первый шаг к его уничтожению".²² Забота о национальной памяти как оплоте национального самосознания сквозит не только в работах чехов или белорусов. Варшавский историк Марцин Крул также писал недавно о

"... прикритом идеологическими мотивами разрушении прошлого в литературе и в школах Польши".²³

Согласно другому современному польскому историку Богдану Цывинскому, цель официальных школьных программ в Польше заключается в том, чтобы "разоружить национальное самосознание".²⁴

Многочисленные факты свидетельствуют о правильности этих оценок. Документы, которые были опубликованы в 1980 г. независимым варшавским журналом, дают четкое представление об официальной программе переработки польской истории.

Среди этих документов — закрытые рецензии Академии педагогических Наук СССР на учебники по истории Польши. Они написаны с целью направить работу польских историков и руководителей учебных заведений. Московским критикам пришлось особенно не по душе неблагоприятные суждения о политике царской России, даже когда речь шла об угнетении Польши. (Следует иметь в виду, что рецензируемые учебники еще до публикации прошли официальную цензуру.) Критики были раздражены тем, что слишком "много говорится — часто без особой надобности — о политике русификации", которая практиковалась в

Польше в XIX веке.²⁵ Как стало известно из другого независимого источника,²⁶ пересмотр польской истории в духе любви к России по официально принятой терминологии называется "интернационалистическим воспитанием". Считается также, что преподавание русского языка призвано способствовать укреплению у польской молодежи "духа интернационализма". Эти примеры показывают, что, видимо, прав Кундера, говорящий о своем народе как о части комплекса, охватывающего Украину, Литву, Белоруссию и даже Польшу, хотя народы этих республик находятся на разных этапах "интернационализации". Что же это за "интернационализм", который грозит ликвидировать целые народы? По мнению современного ученого Кеннета Фармера, официальная советская идеология — или, как он предпочитает выражаться, "политический миф" — "пролетарского интернационализма" предполагает, что

"...советские граждане солидаризуются с определенными классами, а не с нациями, и что черты национального своеобразия будут постепенно исчезать по мере продвижения к коммунизму".

Как отмечает Фармер, этот миф базируется на скрытом признании

"...наследственного права русских на территории бывшей царской империи и предполагает, что интернациональная культура, которая возникнет с построением коммунизма, будет по существу русской культурой".²⁷

Принято считать, что статус независимых стран "социалистического содружества" отличается от статуса республик, входящих в состав СССР. Однако, так называемая доктрина Брежнева утверждает не только право, но и обязанность социалистических государств сообща защищать социализм, когда в любой из этих стран что-либо ему угрожает. Стремление экономически, политически и идеологически интегрировать все социалистические государства давно уже перестало быть тайной. Меньше, однако, говорят о том, что социалистическое содружество должно быть интегрировано также и лингвистически на базе русского

языка и что история народов, входящих в это содружество, должна быть переработана в духе "дружбы" с Россией — как новой, так и старой. Однако накапливается все больше свидетельств, что именно в этом хотя и дальняя, но вполне определенная цель Москвы.

С другой стороны, все более явное отождествление "коммунизма" с русской нацией, которое официально признается если не как уже осуществленная действительность, но как реальная перспектива, вырабатывает у намеченных жертв защитные механизмы. Становится ясно, что, как пишут Аллан Яник и Стефан Тоулмин, коммунистическая партия Советского Союза,

"... претендуя на 'руководящую роль' исторического лидера мирового пролетариата, освобождает себя от критики и суда точно так же, как это делали габсбургские императоры, ссылавшиеся при этом на божественное право".²⁸

Эти претензии мешают гражданам обсуждать публично "действительные нужды, интересы и конфликты", которые возникают в их обществах, и пытаться их разрешить с помощью конституционных механизмов государства. Поскольку формулировки всех проблем выдержаны в соответствии с постулатом неизблемой мудрости и авторитета партии, стремление преодолеть это "несоответствие конституционной видимости и политической реальности", толкает нерусские народы к национализму, который истолковывает их реальные жизненные проблемы как проблемы национальные (допустим, грузинские). Так возникает идея "естественного и простого выхода" из всех противоречий —

"... искусства официальной советской жизни — все без исключения, приписываются деспотически насаждаемой власти тупых русскоязычных бюрократов...".²⁹

Есть веские основания полагать, что тот же механизм срabывает и в странах находящейся под советским господством Восточно-Центральной Европы. Разве все возникающие в этом регионе конфликты и кризисы не приобретают рано или поздно "националистическую", то есть антисоветскую или антирусскую окраску? Польский кризис 1980 года, например, начался с проф-

союзного движения протеста против государственной практики повышения цен. Но он быстро перерос в политический кризис и *национальную* революцию. Таков самый свежий пример, который показывает, как это происходит.

Но если дела обстоят именно так, появляется дополнительное основание для сомнений в достаточности узких "великодержавно-политических" критериев определения, что такое "Восточная" или "Восточно-Центральная" Европа. Следует, вероятно, вернуться к формуле Масарика, которая выходит за пределы споров о политических границах или сферах влияния, выделяя этот регион не только с политической, но и с этнической и с культурной точек зрения. Масарик, как мы помним, определял нации лингвистически, поддерживая их стремления к *культурному* самоутверждению и *политическому* самоуправлению наперекор реакционным режимам Вены, Берлина и Санкт-Петербурга. Масарик считал, что при деспотических авторитарных режимах (он не видел большой разницы между "царизмами" всех трех названных столиц) культурный национализм оказывается силой, которая отстаивает плюрализм культур, а следовательно, направлена на утверждение большей политической свободы.³⁰

Примечания

- 1 Oscar Halecki, *Borderlands of Western Civilization: A History of East Central Europe* (New York: Ronald Press Company, 1952).
- 2 Hugh and Christopher Seton-Watson, *The Making of a New Europe: R.W. Seton-Watson and the Last Years of Austria-Hungary* (Seattle: University of Washington Press, 1981).
- 3 Thomas G. Masaryk, "The Problem of Small Nations in the European Crisis", reprinted in R.W. Seton-Watson, *Masaryk in England* (New York: Macmillan, 1943), pp. 139-140.
- 4 "The Problem of Small Nations", *Ibid.*, p. 140.
- 5 Thomas G. Masaryk, *The New Europe (The Slav Standpoint)*, ed. by W. Preston Warren and William B. Weist (Lewisburg: Bucknell University Press, 1972), p. 52.
- 6 *The New Europe*, p. 96. *The Problem of Small Nations, Masaryk in England*, p. 140.
- 7 *The New Europe*, p. 118.
- 8 Там же, стр. 117.
- 9 Там же, стр. 123.
- 10 Там же.
- 11 Seton-Watson and Seton-Watson, *The Making of a New Europe*, p. 435.
- 12 *The Making*, pp. 435-436.
- 13 Alain Finkielkraut, "Milan Kundera Interview", *Cross Currents* 1, 1982.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Philip Rhoth's interview with Milan Kundera, *The New York Times Book Review*, November 30, 1980, p. 7.
- 19 Roman Solchanyk, "Russian Language and Soviet Politics", *Soviet Studies*, vol. 34, No. 1 (January 1982), pp. 27, 37-38.

- 20 Там же, стр. 36-37.
- 21 Milan Kundera. *The Book of Laughter and Forgetting* (New York: Knopf, 1981), p. 3.
- 22 *The Book of Laughter*, p. 159.
- 23 Marcin Krol, "A Frozen Image of the Past", *Survey*, vol. 25, No. 1 (Winter, 1980), p. 104.
- 24 Bohdan Cywinski, "The Poisoned Humanities", *Survey*, vol. 25, No. 1 (Winter, 1980), p. 97.
- 25 "Recenzja z Moskwy o polskich podręcznikach historii", *Zeszyty historyczne*, No. 57 (Paris, 1981), pp. 73-91.
- 26 Jan Nowicki, "Internacjonalizm puka do szkół", *Głos*, No. 5, reprinted in *Głos, Niezależny miesięcznik społeczno-polityczny* (Paris: Instytut Literacki, 1981), pp. 154-157.
- 27 Kenneth C. Farmer, *Ukrainian Nationalism in the Post-Stalin Era: Myth, Symbols and Ideology in Soviet Nationalities Policy* (The Hague, Boston, London: Martinus Nijhoff, 1980), p. 30.
- 28 Allan Janik and Stephen Toulmin, *Wittgenstein's Vienna* (New York: Simon and Schuster, 1973), p. 271.
- 29 *Wittgenstein's Vienna*, pp. 271-272.
- 30 Правительства многонациональных государств понимают, что соблюдение права наций на самоопределение угрожает целостности этих государств. В 1969 г., вскоре после советской оккупации Чехословакии, чешский историк Милан Шванкмайер опубликовал статью о Николае I и его борьбе против революционных движений в Европе в 1848-1849 гг. Шванкмайер показывает, насколько хорошо понимали русские цари, что "над Россией висит угроза распада и что воспрепятствовать этому может лишь сильная центральная власть. Гражданские свободы ставят под угрозу не только частные интересы империй, но и само их существование". (Milan Svankmaier, "Četník Evropy", *Dějiny a Současnost*, 4, Str., 10-11).

КОММУНИЗМ И ЮРИДИЧЕСКИЙ НЕОПОЗИТИВИЗМ *

1. Эволюция коммунистического права

В истории теории и практики коммунистической юриспруденции следует различать несколько этапов.

Первый период начался сразу вслед за советской революцией в октябре 1917 года. Новое революционное правительство провозгласило ликвидацию всей правовой системы, всех законов, которые были введены и обнародованы прежде. Революционные власти и граждане нового государства должны были действовать согласно новым правовым нормам и собственному пониманию революционной законности. Этот период был сравнительно краток. В начале 1920-х годов были разработаны новые кодексы законов и роль "революционного сознания" как критерия законности и справедливости стала исчезать.

Разумеется, и после этого за органами безопасности сохранялась неограниченная власть и они по-прежнему не признавали пределов в борьбе со всем тем, что объявляли контрреволюцией. Они не только боролись с врагами, которых сами же и определя-

---

* Глава из книги Mieczyslaw Maneli, *Juridical Positivism and Human Rights*, Hippocrene Books, New York, 1981.

Теория "юридического позитивизма" развилась из критики концепции "естественного права", которая была характерна для XVII-XVIII веков. Она утверждала, что каждый человек, каждый гражданин рождается свободным и "от природы" (некоторые говорили – от Бога) обладает определенными неотчуждаемыми правами, которые никто, включая и существующую государственную власть, не может нарушать. Эта теория обосновывала справедливость свержения монархий, которые обвинялись в неуважении к "естественным правам" подданных. Однако, – считает профессор Манели, – к нашему времени те права, которые прежде объявлялись "естественными", успели войти в законы, записаны в конституциях, утверждены в международных декларациях и договорах. *(Прим. переводчика.)*

ли в качестве таковых, но и развязали "красный террор", оправдывая его "белым террором". В те времена было опубликовано много законов, которые формулировались столь неопределенно, что под них можно было подвести все что угодно. Например, законодательным порядком была введена система инспекторов, которым во время голода поручалось обыскивать частные дома и квартиры, а тех граждан, которых они находили виновными в сокрытии запасов продовольствия или спекуляции, полагалось "судить" и расстреливать на месте. Подобные законы можно рассматривать как образцы "легализованного беззакония".

Второй период начался со второй половины 20-х годов и закончился в 1953 году, после смерти Сталина. Это был период, на протяжении которого закрепились кодексы и законы нового государства, а "революционное сознание" было подчинено официальным ограничениям. Но это был также и период сталинизации, роста бюрократии и всеислия террористической полиции. Основные черты "социалистической законности" разрабатывались в это время Вышинским, который оказался вождем советского "юридического фронта".

В 1944-1948 годах в Восточной Европе были основаны новые социалистические государства. Их правительствам на протяжении первых четырех или пяти лет было позволено сохранять отдельные элементы довоенного законодательства. Новые режимы добавляли новые законы к старым и претендовали при этом на то, что эти добавления не нарушают целостную систему. В 1949-1950 годах ситуация решительно изменилась, поскольку навязанный советским правительством процесс сталинизации распространился и на эти страны. Советская юриспруденция, ее концепция права была усвоена в неизменном виде. Все остаточные различия стали несущественны. После 1950 года правовой порядок этих стран ничем не отличался от советского образца.

Процесс десталинизации, долгий и постепенный, начался после смерти Сталина. Нашел он свое отражение и в области права. В юриспруденции и юридической администрации Советского Союза и других социалистических стран появились новые элементы. Наша задача — рассмотреть наиболее существенные из них.

Теория права, разработанная на протяжении сталинского периода, опиралась на тезис "Коммунистического манифеста":

”Право есть воля господствующего класса”. Эта короткая фраза была возвышена Вышинским до роли источника его ”научной” юриспруденции.

В то же время Вышинский элиминировал многие другие идеи Маркса, которые гораздо более существенны для философии права. С самого начала официальная советская юридическая теория оказалась односторонней, поскольку полностью пренебрегала западной точкой зрения, включая сюда и марксистскую.

Самые страшные аспекты этой теории наилучшим образом иллюстрируются личной карьерой самого Вышинского. Во второй половине 30-х годов он выступил генеральным обвинителем на знаменитых показательных процессах ”оппозиции”. Он преследовал самых выдающихся советских юристов, которых обвинял в извращении ”марксистско-ленинской теории”. Жертв его риторики (Пашуканиса, Стучку, Рейснера сначала смещали с занимаемых постов, а затем, после гражданской смерти, как правило, казнили). Впоследствии они были посмертно реабилитированы.

Теория права Вышинского может быть сведена к двум положениям: поскольку любая система права является выражением воли господствующего класса, она призвана служить интересам и целям этого класса; она является орудием классовой борьбы, а потому не может быть легальных ограничений, которые защищали бы любого индивидуума или все человечество. Согласно Вышинскому, классовая борьба диктует, что именно законно; закон служит целям господствующего класса и создается во имя его интересов.

В свете теории Вышинского, даже понятие ”буржуазного правопорядка”, которому придавали большое значение Маркс, Энгельс и даже Ленин, утрачивает всякий смысл. Исчезает также и гегельянско-марксистская диалектика. Эта диалектика подразумевала, что общественные и политические институты, а также и соответствующие им юридические нормы, могут быть одновременно как полезны, так и вредны для антагонистических и классовых сил. В системах права любой социальной формации содержатся нормы, которые могут быть как прогрессивными, так и регрессивными. Так что подлинный ученый должен их анализировать с точки зрения движения, развития и возможного последующего отрицания (в смысле ”снятия”). Все эти тонкие

различия были намеренно обойдены официальной советской теорией права, поскольку они бросали "критический свет диалектики" не только на западные правовые системы, но также и на советскую.

Гегельянско-марксистский подход был характерен также и для Ленина; поэтому Сталин и Вышинский должны были подвергнуть цензуре также и его. В своем меморандуме советским законодателям Ленин рекомендовал внимательно рассмотреть все западные своды законов, чтобы отыскать в них законодательные положения, которые могут быть благоприятны для народа, которые защищают интересы трудящихся и поэтому должны быть перенесены в новые советские законы. Эти рекомендации никогда не цитировались в сталинские времена, как, впрочем, и в после-сталинские, когда много говорилось о "возврате к ленинизму". Ни один коммунистический юрист ни разу не сказал ни об одном западном законе, что он благоприятен трудящимся, а поэтому достоин быть усвоен коммунистическими властями.

То, что было оставлено Вышинским в определениях социалистической законности ("строгое", "неуклонное" ее соблюдение), было менее важно, чем то, о чем умалчивалось. А было опущено следующее:

Во всех коммунистических странах официальная теория права отождествляет волю господствующего ("рабочего") класса с его интересами (в чем бы эти интересы ни состояли). Эта детская теория все еще не оставлена советской официальной юриспруденцией даже и после попыток десталинизации. Правящая группа может и превратно понимать свои собственные интересы и, таким образом, как тому свидетельством тысячи примеров, может вводить законы, которые вредны даже для нее самой. Такие ошибки возможны при любой социальной системе — от античного рабовладения до современных западных и восточных обществ. Ни Сталин, ни Вышинский не желали допустить, что "правящая группа" или "класс" могут неправильно истолковать свой собственный интерес, ибо они старались обойти сразу две проблемы: может ли социалистическое правительство провести закон, который наносил бы ущерб народу? может ли буржуазное государство создать закон, благоприятный для народа?

Чтобы обойти все эти философские, идеологические и политические сложности, они предпочитали опираться на простейшие, "самоочевидные" идеи: буржуазное право служит интересам одной буржуазии; пролетарское право всегда и только служит интересам народа.

Другой причиной их упорства было желание Сталина и Вышинского избежать какого бы то ни было обсуждения теоретической возможности "нелегальных законов" или вообще всякой сложности в отношениях между существующими законами и требованиями справедливости. Проблема узаконенного беззакония анализировалась самим Марксом в его знаменитых ранних очерках о прусской цензуре, в "Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта", во всех трех томах "Капитала", — если называть лишь самые существенные его высказывания на эту тему. Именно Маркс, например, настаивал, что цензура, подобно рабству, не может стать легальной, даже если она будет проведена в законах хоть сотни раз. Одним из самых неоспоримых философских замечаний Маркса на этот счет было признание, что всегда существовали объективные и субъективные противоречия между средствами и целями, реальностью и возможностью, интересами и волей, действительностью и ее восприятием, объективными тенденциями и субъективными намерениями. Все эти усложняющие соображения из сталинистской теории права были намеренно устранимы.

Сталинистская теория права, как она представлена в советских университетских учебниках, даже не отмечает такую основную политическую и философскую проблему, которая должна анализироваться в любой серьезной философии государства и права, как отношение между общим и индивидуальным благом: до какой степени последнее может приноситься в жертву первому?

В начале своей деятельности Сталин написал полемическую работу об анархизме. Он утверждал в ней, что социализм заботится о массах, а не об индивидуумах. Это — не традиционно западный и даже не марксистский, а типически тоталитарный подход. Такая, предложенная еще молодым Сталиным, интерпретация социализма принесла свою изобильную жатву позднее.

Сталин, Вышинский и их последователи пренебрегли дилеммой, сформированной еще Жан-Жаком Руссо в его "Обществен-

ном договоре”, противоречиями между индивидуальной волей и волей всех, между общественным и личным благом. Для сталинистов, в контексте социалистического государства, заботиться о подобных вещах значило уподобляться упадочным интеллигентам. Вместо анализа всего этого они доказывали, что между индивидуальными и общими интересами, между личными и общественными целями никакого различия нет. Кто не понимает их тождества, тот, как утверждали сталинисты, не понимает исторической необходимости, познание которой, согласно Гегелю и Марксу, и есть свобода.

Но так или иначе, ”коммунистическое” понимание законности ничего не могло ответить даже на такие вопросы, как, допустим: существовала ли феодальная законность или фашистская законность? Некоторые советские теоретики отвечали, что фашистская законность не существовала, ибо, согласно советскому официальному определению, фашизм базируется на беззаконии и не уважает прав индивидуумов.

Но то же самое могло быть сказано и о советском праве, в соответствии с которым советские граждане могли быть арестованы, посажены в тюрьму и приговорены к смерти ”тройкой”, состоявшей из трех высших чинов НКВД и выносившей приговор на основе докладов более низких чинов той же службы безопасности, и признаний, подписанных обвиняемыми. Приговоры ”тройки” соответствовали террористическому советскому закону; но кто бы признал такой закон хотя бы легальным, не говоря уже о справедливости и человечности?

Другим важным изменением, которое внес Сталин в марксистскую теорию государства и права, была идея ”отмирания”. Эта теория не принадлежит ни Марксу, ни Энгельсу; они оставили на этот счет только общие замечания. В брошюре Ленина ”Государство и революция” и без того слишком общие предсказания об этом стали еще более неясными. Ленин нигде, вплоть до ноября 1917 года, не сказал, когда же, собственно, должен начаться процесс отмирания государства, непосредственно ли вслед за захватом власти или после определенного периода преобразования социалистического общества в коммунистическое? Должен ли этот процесс начаться при диктатуре пролетариата? И, если нет, как и когда диктатура пролетариата может закончиться?

Сразу вслед за Октябрьской революцией начался процесс разрастания правительственной машины. Никаких знаков отмирания не было и в помине; наоборот, множились сферы прямого государственного вмешательства; бюрократический аппарат непрерывно рос. Когда Сталин окончательно утвердился в положении вождя, на XVIII съезде партии он попытался оправдать это явление. Он доказывал, что советское государство должно непрерывно расширяться, пока, наконец, любая общественная деятельность не превратится в государственную деятельность. Соответственно, количество и масштаб правительственных предписаний должны также расти. Когда все будет в руках государства, — говорил Сталин, — не останется ничего правительственного, ибо все станет общественным; такова, по его мнению, ”диалектика” социалистического государства. Сталинская теория социалистического государства и социалистического права была полным пересмотром идеи отмирания государства и права; она была всего лишь попыткой оправдания тоталитарного административного вмешательства во все аспекты общественной и индивидуальной жизнедеятельности.

После смерти Сталина наступила весьма ограниченная ”оттепель”, за которой последовали новые ”заморозки”. Те, кто предлагал хотя бы умеренную децентрализацию и демократизацию, снова были объявлены ревизионистами и правыми либералами, пытающимися предательски подрвать социалистическую систему.

Либерман, советский экономист, был одним из первых, кто предложил весьма умеренный план децентрализации хозяйства. Многие коммунистические бюрократы бросились его страстно осуждать. Но несколькими годами позднее все коммунистические страны вынуждены были обратиться к реформам, иногда идущим гораздо дальше предложений Либермана. Тогда выявилась существенная связь между экономической и политической децентрализацией, с одной стороны, и ролью права — с другой.

Достижения наполовину лицемерной демократизации оказались очень скромны. Демократия, в конечном счете, несовместима с централизованной бюрократической структурой и тотальной экономической централизацией. Возникли новые противоречия и трудности, которые создали почву для новых тенденций развития: регрессивных по отношению к полному сталинизму и

прогрессивных, направленных к более последовательной децентрализации, политической демократизации и твердости правовых норм. Восстания в Венгрии, Польше и Чехословакии доказали, что народы этих стран теряют терпение и становятся активны. В этой атмосфере начались попытки восстановить значение закона и суда, доведенных в сталинские времена до ничтожества. Были ликвидированы специальные суды полиции безопасности. Послышались голоса сторонников паритета защиты и публичности обвинения в уголовном процессе. Советским авторам было нелегко поддерживать даже эти элементарные требования, поскольку там все еще господствовала доктрина, согласно которой долг каждого — помогать государству при установлении "истины" и преследовании любого нарушителя закона. Каждый, кто отказывается сотрудничать с властями, считается плохим советским гражданином.

Объектом особенно резкой теоретической критики стал Андрей Вышинский. Его посмертно обвинили не только в нарушении советских законов, но и в таких "антисоветских" утверждениях, будто вина обвиняемого не нуждается в полном доказательстве, что и частичных доказательств вполне достаточно. На него возлагалась вина за теоретическое обоснование практики осуждения невинных людей во время чисток.

Во всех европейских странах, которые оказались под советским диктатом, юристы склонялись к более разумным и прогрессивным принципам, разными путями пытаясь восстановить западно-европейские демократические традиции.

В некоторых "народных демократиях", особенно в Польше, Чехословакии и Венгрии, демократически настроенные юристы поддерживали идею административных судов, которые были бы уполномочены оспаривать административные решения. Дискуссии на эту тему продолжались и, вопреки противодействию властей, кое-какие шаги в этом направлении все-таки были сделаны. В Польше, например, был создан специальный суд — Административный трибунал.

После 1953 года идея интенсификации классовой борьбы по мере строительства социализма была отвергнута как несоответствующая социалистической теории и гуманизму. Хрущев и другие советские лидеры признали в ней орудие, которое использовал Сталин и его палачи, чтобы арестовывать и истреблять полноценных граждан.

В Венгрии Янош Кадар первым открыто осудил другую сталинскую догму: "Кто не с нами, тот против нас". Кадар утверждал, что в социалистических странах эта максима должна быть перевернута: "Кто не против нас, тот с нами; кто не против социализма, тот наш друг". Эта концепция помогла правительству Кадара, после нескольких лет террора, превратить Венгрию в самый либеральный из коммунистических режимов Европы 70-х годов.

На деле теория интенсификации классовой борьбы была, скорее, исправлена, чем отброшена. Вслед за каждым существенным международным и внутривластным провалом данного коммунистического режима, правящие коммунистические партии не удерживаются, чтобы не подчеркнуть, что на данной "конкретной стадии развития" усиливается классовое сопротивление буржуазии. С 1956 года, когда эта теория была официально отвергнута, не нашлось ни одного коммунистического лидера, который признал бы, что его страна вошла в период спокойствия и ослабления классовых противоречий. Наоборот, постоянно делались заявления, которые призывали усилить бдительность, и утверждали, что на "данной фазе развития" враги социализма усиливают классовую борьбу.

Такая политика особенно явно выступала на первый план во время чехословацкого кризиса 1968 года, после двух войн между Израилем и арабскими странами 1967 и 1973 годов, после волнений в Польше в 1956, 1970 и 1980 годах.

Остается все еще нетронутым, по крайней мере, один аспект теории интенсификации. Согласно официальной коммунистической теории, идеологическая классовая борьба должна усиливаться в период мирного сосуществования и детанта, ибо — утверждает официальная теория — империалисты все еще не отказались от своих надежд разрушить коммунизм, пытаясь добиться этого путем "идеологической диверсии". Поэтому в любой из коммунистических стран время от времени обвиняют художников, ученых и писателей в "политической слепоте", в "некритическом подражании упадочным буржуазным извращениям", в "клевете" на условия жизни при коммунистических правительствах. По-новому истолкованный "социалистический реализм" снова и снова используется как дубинка против любых проявлений независимого художественного творчества. Такова идеоло-

гия, которая скрывается за безжалостными преследованиями еретиков и "космополитов" в нарушение не только принципов права и демократии, но и советских законов. Такова идеология и политика, которые определяют "правовые" формулировки насчет "контрреволюционной", "антисоциалистической" деятельности, — формулировки, настолько смутные и уклончивые, что дают основания обвинить кого угодно.

В этих новых обстоятельствах начало развиваться новое течение в юриспруденции коммунистических стран. Оно возникло как отклонение от официальных взглядов.

Вернее, здесь следует говорить о совокупности тенденций оппозиции, которые представляют собою разные, более или менее демократические и либеральные подходы к праву. Поэтому идеи отдельных групп заслуживают быть рассмотренными отдельно. Но есть, конечно, между ними и общие черты.

Либерально-коммунистический взгляд* на социалистическую законность подчеркивает невозможность существования права без наличия легальных процедур, призванных защитить индивидуума от административного произвола. Либералы считают, что соблюдение существующих законов не является еще достаточным доказательством законности определенных правительственных решений. Они приближаются к идее "законного закона", то есть закона, который защищает интересы, права и свободы индивидуума, — в противоположность законам, которые становятся мнимо легальными лишь потому, что их вводили соответственно установленным правилам.

Эта новая, вернее сказать, обновленная концепция права получит идеологическим и политическим обоснованием независимости юридической системы, которая обладала бы полномочиями отвергать решения административных властей, когда дело касается защиты прав индивидуальных граждан. Возражения на

---

* Когда я употребляю термин "либеральный коммунизм", я подразумеваю взгляды польских и венгерских либералов, начиная с 1955-1957 годов, а также чехов, начиная с "пражской весны". Я включаю в эту группу, — правда, лишь с известными оговорками, — также и советских "еретиков". Существует несомненная философская связь между советским "подпольем" и польскими или чешскими "либералами", многие из которых арестованы или высланы.

эти требования, выдвигаемые нео-сталинистами, попросту сводятся к старой претензии, будто социалистическое государство не может причинить гражданам ничего дурного. Отсюда делается вывод, будто в защите от действий государства никакой потребности просто нет.

Либералы доказывают, что "Всеобщая декларация прав человека", соответствующие международные конвенции и Хельсинкская декларация должны получить в социалистических странах полную силу, что внутренние законы этих стран должны быть приведены в соответствие с требованиями нового международного права. Они настаивают на том, что обязанность соблюдать принципы "Декларации прав человека" не является нарушением государственного суверенитета. С этой точки зрения, следовательно, должны быть пересмотрены концепции суверенитета и свободы государств.

Либералы критикуют упрощенческую официальную концепцию, согласно которой закон должен истолковываться соответственно "руководящей линии партии". Они склонны сравнивать этот принцип с хорошо известной идеей нацизма, что закон следует толковать в согласии с "волей фюрера".

Польские либералы подвергли критике новую польскую конституцию, — особенно две ее статьи, принятые 16 февраля 1976 года. Статья 3-я утверждает, что Польская объединенная рабочая партия является "ведущей политической силой" нации. Согласно статье 6-й, дружба с Советским Союзом является основой польской политики. Профессор Лешек Колаковский совершенно прав в оценке этих двух статей: они представляют собой псевдо-легализацию двойного нарушения суверенитета польского народа:

— относительно партийного аппарата, который не был избран и не контролируется обществом;

— относительно Советского Союза, единство с которым предписывается сохранять независимо от непредсказуемых и неконтролируемых перемен, которые могут произойти в международном положении данной страны.

"Деспотизм и отрицание народного суверенитета не могут быть легальны; законы, которые их оправдывают, недействительны и никто не обязан их уважать... Спротив-

ление псевдо-закону есть защита закона в подлинном смысле".*

Следует помнить, что многие из "либеральных" и "подпольных" критиков хотят улучшить социалистическую систему, но не разрушать ее; они вовсе не стремятся заместить ее западной социально-экономической системой, которая основана на частной собственности и свободной конкуренции. Теория Колаковского — отнюдь не капиталистическая и не антисоциалистическая, если она даже и оправдывает сопротивление деспотизму коммунистической бюрократии в целях защиты "истинного социализма" с "человеческим лицом".

Легко здесь заметить сходство между этими новыми идеями и теориями с идеями и теориями естественного права XVII и XVIII веков, которые легализовали право народа сопротивляться деспотизму.

Тут я хотел бы отметить обстоятельство, которое, насколько мне известно, никогда не анализировалось в западной юридической литературе. Я имею в виду особый вклад польской юриспруденции в современную юридическую мысль. Я назвал бы это явление возрождением юридического позитивизма в социалистической Польше. Самые крупные представители этого направления: профессора Казимир Опалек, Иржи Вроблевский, Станислав Эрлих, Сильвестер Завадский, Александр Бурда, Адам Лопатка, Гржегор Сейдлер, Иржи Йодловский и, особенно, выдающийся, хотя и противоречивый исследователь Стефан Розмарин.

Что объединяет сочинения всех этих ученых, несмотря на существующие между ними различия? — Все они считают, что существующие законы должны истолковываться и применяться. Все они доказывают, что граждане социалистических стран обладают — как их называют юристы — "субъективными правами", которые не должны зависеть от капризов и произвола политических решений, которые обычно принимаются в Польше путем закулисных махинаций, через "частные каналы" (допустим, путем "совещания" по телефону).

Все эти авторы согласны в том, что провозглашенные конституцией права имеют силу закона. Истолкования или применения предписаний закона на различных уровнях не должны осуществ-

---

* Лешек Колаковский, Выступление на конгрессе польских студентов в Великобритании, Annex, N 11, 1976, стр. 11.

вляться в нарушение субъективных прав, подтвержденных законом более высокого уровня.

Профессор Иржи Вроблевский написал две выдающиеся монографии по теории истолкования закона. Применяя чрезвычайно сложную терминологию, он пытался приложить традиционные юридические идеи, касающиеся истолкования закона, к условиям, которые господствуют в Восточной Европе.

Профессора Эрлих и Завадский с большим искусством защищали идею судебного надзора за действиями правительственной бюрократической машины, которая неспособна отразить или защитить права отдельных индивидуумов.

Несмотря на существенные разногласия между ними, и профессор Бурда, и профессор Розмарин стремились обеспечить особое место для Конституции в системе законов с целью защиты демократических ценностей. Бурда в этом отношении пошел дальше, а его критика сталинистского прошлого была прямой и резкой. Это обошлось ему достаточно дорого: он был смещен с поста Генерального прокурора.

Теория субъективных прав и законности, как она развита Опалекон, также представляет собою приложение лучших европейских традиций к современным польским условиям.

Польские юристы и профессора права — одни из самых образованных и свободомыслящих в коммунистическом блоке. Их положение в новой ситуации вполне сравнимо с юридическими позитивистами XIX века. Они заложили фундамент новой позитивной и реалистической юриспруденции, приспособленной к нуждам свободы и личной безопасности при существующем в Польше социальном и экономическом порядке.

По сей день социалистическая юриспруденция была своего рода слугой непросвещенного государства. Польский нео-позитивизм может способствовать превращению нео-сталинистского деспотизма в абсолютизм, который был бы хотя бы просвещенным. Это было бы гигантским скачком вперед. Без новой концепции права даже движение в сторону более просвещенной фазы абсолютизма едва ли мыслимо.

Абсолютизм хоть с каким-то правовым порядком и гарантиями, пусть и ограниченными по масштабам, более человечен, чем без всяких гарантий. Еще Платон писал в "Законах", что ограниченный абсолютизм — уже не абсолютизм.

2. Основы польского юридического нео-позитивизма

В силу ряда исторических обстоятельств, именно в Польше развилось особое направление, которое может быть названо социалистическим юридическим позитивизмом. Это направление начало развиваться в Польше почти сразу после захвата власти коммунистами в 1945-1946 годах. Было много социальных, исторических и традиционных предпосылок для этого, но, с точки зрения права, особенно важны следующие:

– новый коммунистический режим претендовал быть единственно истинным наследником демократической Мартовской Конституции 1921 года. Эта конституция была аннулирована в 1935 году довоенным польским режимом такими методами, которые даже многие некоммунистические и несоциалистические государственные деятели и юристы считали противозаконными и антиконституционными;

– новый коммунистический режим объявил, что довоенная система права остается в силе, что должны утратить силу только те законы, которые будут формально и легально отменены или приостановлены;

– новый коммунистический режим сохранил важные элементы довоенного административного и юридического аппарата и начал пользоваться услугами юристов, которые получили образование до 1939 года; профессора права, которые пережили нацистскую оккупацию, возвратились на свои кафедры, чтобы воспитывать новое поколение польских юристов в духе римского искусства юриспруденции.

Период сталинизации начался в Польше сравнительно поздно (в 1949 году), а "оттепель" (после смерти Сталина в марте 1953 года) немедленно стала более глубокой и пошла дальше, чем в других "народных демократиях". Самые важные требования антисталинского движения после 1953 года касались права и строгого соблюдения статей Конституции, которые гарантиро-

вали неприкосновенность демократических свобод и гражданских прав. Ассоциация польских юристов начала издавать журнал "Закон и жизнь", который в 1956-1957 годах стал второй по значению, после журнала "По-просту", трибуной защиты "либерализации, национальной независимости, законности", — иначе говоря, всех тех идеалов, которые впоследствии связывались с представлением о "коммунизме с человеческим лицом".

Те годы были уникальны для послевоенного развития Польши. Разобщенные междоусобицей лидеры оказались неспособны блокировать события; они вынуждены были представляться более демократичными и либеральными. Польша стала ареной сравнительно свободной и открытой дискуссии по политическим и юридическим вопросам, которые сводились к одной проблеме: по чьей вине, как и почему демократия, соблюдение законности и защита прав индивидуумов "терпят поражение" при социалистических правительствах и конституциях? Кто ответственен за совершенные преступления? — Разложившиеся личности? Некомпетентные руководители? Плохие законы? Скверно задуманные и организованные институты?

Образованные и критически настроенные поляки, — даже те, кто сохранял идеологическую и организационную связь с партией, — были не готовы принять примитивные советские официальные объяснения, согласно которым причиной нарушения законности, преступлений и геноцида были скверные характеры Сталина — Берия и "культ личности". В польских университетах подобные объяснения считали либо устарелым платонизмом, либо коммунистической версией субъективного идеализма, смешанного с недиалектическим материализмом и "экономизмом". Эти критические взгляды разными путями проникли в печать.

Итоги этой общенациональной дискуссии о "сущности" и "формах" социалистического права были сведены в логически стройную теорию в книге Казимира Опалека и Витольда Закревского "Проблемы социалистической законности". Оба они были профессорами права Ягеллонского университета в Кракове.

Опалек и Закревский начинают свой критический анализ с традиционного советского определения социалистической законности, которое было импортировано также и в Польшу. Прин-

ципы, положенные в основу этого определения, были заложены, как уже было сказано, Андреем Вышинским, а затем официально усвоены всеми коммунистическими юристами. В учебнике "Государство и право", который был издан в 1955 году, дана такая версия этого определения:

"Социалистическая законность есть один из основных методов осуществления диктатуры пролетариата, который заключается в безоговорочном и точном соблюдении органами правительства, общественными организациями, государственными служащими и отдельными гражданами юридических норм, как они выражены законом и другими актами социалистического государства с целью обеспечения подлинной безопасности социалистического государства, прав и свобод граждан".

Согласно Опалеку и Закревскому, это многословное, высокопарное и неточное определение смешивает теорию с тактикой, похоже, скорее, на лозунг и рассчитано на умственную лень. Они говорили, что одним из симптомов специфического платонизма и идеализма периода "культы личности" была вера, будто правильное определение закона и юридической нормы само по себе решает проблему. Но определение "социалистической законности", пусть и наилучшее, — не колдовское заклинание, которое само по себе могло бы побудить правительства и людей проводить ее в жизнь.

Проблема соблюдения законности, — писали они, — не ограничивается рамками юриспруденции. Она имеет на практике также и моральные, и политические аспекты. Однако, в социалистических странах никто не знает достаточно твердо, как на практике осуществляется социалистическая законность, поскольку там не проводятся социологические исследования. Эмпирическое изучение подменяется проповедью и пропагандой.

Без социологического анализа сделать закон действительно действенным невозможно. Только такой анализ обеспечивает точное знание о типологии нарушений закона, на основе которого можно делать общие выводы, адресуя их политическим деятелям и законодателям, воздействуя, таким образом, на правительство. При отсутствии такой информации органы, на которые

возложено проведение законов в жизнь, действуют как бы в полном мраке.

Опалек и Закревский отвергли примитивное сталинистское утверждение, будто законопорядок в социалистических странах сам по себе автоматически воплощает политическую и моральную справедливость. Невозможно принять нравственную, без всяких оговорок, тотальность любой системы норм, вводимой каким-либо правительством, даже если мы готовы одобрять это правительство, его конституцию, его политику, его социальные и юридические постулаты. Таким образом, один из важнейших тезисов Опалека и Закревского сводился к тому, что формальное соблюдение норм закона всегда остается лишь относительным.

”Борьба за осуществление законности” повсюду, включая и социалистические страны, может и должна рассматриваться отдельно от этических ценностей, от наших представлений о добре и справедливости.

Простое существование правовых норм, — доказывали Опалек и Закревский, — связано с юридическим формализмом, а потому неизбежны существенные различия между правовыми и моральными нормами. Юридический формализм должен, таким образом, представлять общественную ценность сам по себе. Но эта ценность лишь относительна. Ценность юридического формализма возрастает, когда правовые нормы связаны с демократией, — пусть и не совершенной. И, наоборот, его ценность уменьшается, когда правовые нормы вводятся во имя интересов деспотизма, самовластия и фашизма.

Множество предварительных условий для правильного истолкования и применения закона необходимо, чтобы наличествовали многие предварительные условия. Знания ”четырёх законов диалектики” и ”идеологическая выдержанность” тут явно недостаточны. Необходима разработанная система подлинно научной законодательной методологии.

Может случиться так, что даже и социалистический законодатель нарушит принципы закона, если он вводит законодательные установления, противоречащие статье 8, часть 1 Польской конституции:

”Законы Польской народной республики выражают интересы и волю трудящихся”.

Авторы доказывали, что сколь угодно строгое соблюдение ошибочных, вредных и несправедливых "незаконных законов", введенных социалистическими законодателями, само по себе нелегально. Было нарушением законности, когда польский верховный Суд издавал директивы, которые, вместо того, чтобы прояснять предписания закона, изменяли их; слово "истолкование" оказывалось лишь предлогом, чтобы обманным путем изменить закон, что равносильно государственной измене.

Идея, будто государство способно само себя ограничивать, подобна идее "квадратуры круга". Необходимо поэтому создать специальные институты и органы, которые могли бы эффективно противодействовать любым нормам, решениям и действиям государства, которые нарушают закон и, прежде всего, права граждан. Нормы, вводимые социалистическим законодателем, должны предотвращать возможности произвольных акций со стороны администрации, регламентировать субъективный авторитет любого органа или его представителей.

С другой стороны, законодатель должен воздерживаться от принятия излишнего количества детальных инструкций, поскольку они убивают инициативу.

Сейм, как утверждали авторы, тоже может нести свою долю вины за правонарушения, когда он не проводит законы, необходимые для того, чтобы установления Конституции проводились в жизнь. Убедительным тому примером может быть отсутствие закона, который позволял бы гражданам пользоваться их правом отзывать членов парламента и территориальных советов, которое было предусмотрено статьями 2-й и 86-й Конституции.

Опалек и Закревский представляли "идеальное социалистическое государство" как антитезис советскому государству. Они показали, что в СССР чрезвычайное положение превратилось в перманентное. И чтобы придать вес этому своему положению, они цитировали намеренно забытую мысль Ленина:

"При чрезвычайных законах может править любой дурак".

3. Стефан Розмарин — классик коммунистического нео-позитивизма

Опалек и Закревский написали юридическую книгу, но наполнили ее политическим морализированием. Они торопились. Их цель была как можно быстрее (их книга была закончена уже в 1957 году) дать научную и юридическую сводку положений, выработанных в дискуссиях польской "оттепели", в период либерализации, иллюзорной победы в октябре 1956 года и послеоктябрьской "бури и натиска". Они еще не умели изложить свои идеи с логической строгостью, которая столь отличает классиков юридической мысли.

Автором, который преодолел все эти недостатки и непоследовательности короткой эры либерального романтизма, был Стефан Розмарин. Две его монографии отразили уникальный момент в истории юридической теории и конституционного права. В 50-е и 60-е годы Розмарин был, вероятно, самым читаемым автором юридической, философской и политической литературы и на Западе и на Востоке. Почти четверть столетия, до его трагической гибели около 1969 года, он совмещал функции главы юридического отдела при канцелярии премьер-министра с обязанностями профессора конституционного права; в то же время он был плодовитым автором, рецензентом книг, добросовестным издателем, частым гостем-лектором в социалистических и западных странах, активным участником бесчисленных международных конференций. Он руководил многими докторскими диссертациями и был мастером политического компромисса, хоть ни разу не предал ни одного друга.

В обеих монографиях он предстает как последовательный марксист и сторонник советской юридической школы. И все же он умел, пользуясь "чисто" юридическими терминами, сохранить основные концепции и традиции западного конституционализма. В его сочинениях юридический позитивизм еще раз осуждался как "буржуазная идеология", но фактически главные достижения юридического позитивизма под видом "социалистического конституционализма и законности" были Розмарином не только усвоены, но и развиты. Так Томас Гоббс цитировал Святое Писание в доказательство того, что светский властитель должен быть высшим, абсолютным и независимым от церкви.

Отдавая цезарево цезарю и признавая божественные права партии, Стефан Розмарин юридически доказал, что, согласно Конституции Польской Народной Республики, власть закона — выше партии и правительства. Если теология могла быть использована, чтобы успешно защищать философский материализм, то можно сказать, что Стефан Розмарин стал Роджером Бэконом социалистической юриспруденции. Он, в сущности, доказывал, что последовательный юридический позитивизм и есть подлинно марксистская теория права. Бентам, — этот, по словам Маркса, "гений буржуазной посредственности", — был скрыт Розмарином под пролетарской блузой и представлен трубадуром социалистической законности в эпоху диктатуры пролетариата.

Стефан Розмарин начинает свою монографию "Конституция как основной закон Польской Народной Республики" с объяснения, что такое "основной закон". Он подчеркивает, во-первых, что само это название единственно и исключительно, ибо ни один другой закон не может считаться основным; во-вторых, Конституция вводится иначе, чем все другие законы; в-третьих, она обладает специфической юридической силой, высшей по отношению ко всем другим законам; в-четвертых, она отличается особым масштабом, регулируя все фундаментальные экономические, политические и социальные установления данной страны.

Первая часть Конституции, которая не разделяется на статьи или параграфы и обычно называется "введением" или "преамбулой", делает совершенно ясным, что Конституция обязательна для всех, включая и парламент (сейм). Специальные методы, путем которых вводится конституция, согласно Розмарину, подразумевают, что ни один другой закон не может и не должен ей противоречить. Особым положением, принадлежащим Конституции в юридической структуре, Розмарин определяет задачу законодателя. Он обязан издавать законы, необходимые для обеспечения эффективности Конституции, для превращения конституционного "закона на бумаге" в "закон жизни".

С практически политической точки зрения, теория Розмарина означала, что никому не дано право истолковывать Конституцию с какими-либо специальными целями. В этом смысле Конституция должна оставаться ясной сама по себе. Так, следуя строгой логике юридического доказательства, отвергалась особая привилегия партии, сейма и правительства в области истол-

кования конституционных установлений. В коммунистическом государстве умолчание бывает не менее красноречиво, чем вслух провозглашенные принципы: Розмарин ни словом не обмолвился о какой-либо роли партии в истолковании и применении закона.

Особенно красноречива была критика Розмарином известного советского юриста Д. Керимова, который писал, что в Советском Союзе допускается существование также и "полуконституционных законов", — например, об организации суда или о гражданстве. Само выражение "полуконституционный" антиконституционно, а потому должно быть отвергнуто.

Розмарин доказывал, что Конституция в целом имеет нормативный характер и что каждый из конституционных принципов есть правило, с которым должен согласовываться любой закон. Тем самым он преодолевал ту путаницу, которую внес Сталин своей речью в Конституцию СССР, говоря о ней как об "отражении" и "реестре" достижений существующей социальной, экономической и политической системы. Розмарин не отрицал политический характер социалистической конституции, но он пытался по-новому истолковать официальный советский взгляд на конституцию как на "политическую программу" или "политическую декларацию". Даже если конституция и есть программа, то *suū generis*, — в форме юридических норм, которые должны и применяться юридически. Розмарин последовательно придерживался своей позитивистской и нормативистской концепции, стремясь раз и навсегда закрыть дорогу для политических "разъяснений" Конституции профессиональными политиками, которые могут меняться в зависимости от конъюнктуры.

Розмарин как бы утверждал, что коль скоро политики обнародовали Конституцию, они отрекаются от части своих прерогатив в пользу юристов. Чтобы не оставалось никаких криво толков, он подчеркивал, что даже Государственный совет, который уполномочен статьей 25-й Конституции давать ограничительные истолкования законов, не имеет права таким же образом истолковывать саму Конституцию, ибо эта прерогатива принадлежит только Сейму как конституционному законодателю. Не следует забывать, что членами Государственного совета являются лидеры Политбюро; председатель Совета — обычно либо первый секретарь, либо влиятельный представитель внут-

ренного руководства. Только с учетом всего этого можно оценить идеологическое и политическое значение "объективных", сухо юридических рассуждений и выводов Розмарина.

Однако, Розмарин, конечно, понимал, что для проведения в жизнь и подкрепления конституционных норм, кто-то должен их интерпретировать. — Кто же? — Любой орган правительства, в рамках собственных функций и предоставленной ему самой Конституцией авторитета: Сейм, Государственный совет, Высшая палата контроля, Совет министров, суды, прокуроры, народные советы и т.д. Они интерпретируют Конституцию для практических целей, так что их интерпретации направляются к ее осуществлению, но не уменьшению или нарушению.

Понимание Конституции всеми этими органами, — подчеркивает Розмарин, — не должно восприниматься как единственно верное, ибо такое допущение исключало бы любую критику существующей практики. Ни одна интерпретация Конституции не имеет той же юридической силы, как она сама. Противоположная точка зрения вела бы к абсурду.

Таким образом, политическая и юридическая философия Розмарина ясна: если каждый правительственный орган может и должен интерпретировать Конституцию, если, согласно самой же Конституции, эти интерпретации нельзя считать непогрешимыми, если различные органы власти могут интерпретировать Конституцию по-своему и, таким образом, допустимо множество интерпретаций, если, наконец, ни одна из них не наделяется преимущественной юридической силой, — это означает, что Конституция в истолковании Розмарина легализует плюралистическую юридическую практику, если не плюралистическое общество. Розмарин, конечно, не стал бы пользоваться этими терминами. Он бы их первый отверг. Но фактически он доказал, что сама Конституция покоится на принципе "ста школ и ста цветов". Так в искусных руках старого "буржуазного" специалиста, который много лет был нетитулованным командиром польского "юридического фронта", Конституция "диктатуры пролетариата" была представлена как законодательная основа плюралистического общества. И было чрезвычайно затруднительно для партии и правительства обвинить Розмарина в ереси; он открыл эти принципы в документе, официально признанном священным, в Конституции Польской Народной Республики.

Все эти рассуждения относительно природы социалистической законности и Конституции особенно важны, когда мы подходим к проблеме конституционных прав и свобод.

Розмарин переходит, далее, и к проблеме, которая привлекла внимание Запада еще столетие назад и становится все более важной в юридической литературе социалистических стран. Это — проблема "позитивизации" общих конституционных норм. Нуждаются ли общие, абстрактные конституционные нормы, провозглашенные права и свободы граждан, в какой-либо дальнейшей "позитивизации" или "конкретизации", или они достаточно позитивны *per se*, так что их следует лишь "применять", соблюдать и поддерживать?

Согласно Розмарину, все положения Конституции обязательны и не должны нарушаться, даже если не существует законов, которые предусматривали бы подкрепление их определенными мерами. "Общие места" или возможные "лазейки" в законодательной системе не могут служить предлогом для подрыва или игнорирования какого бы то ни было из конституционных положений. В любом случае, частные или, вернее, менее общие законы, предназначенные поддерживать или "осуществлять" Конституцию, даже если они требуются самой Конституцией, не сокращают прав и свобод граждан, ибо конституционные нормы содержат свою юридическую силу в самих себе. Права и свободы должны уважаться всеми административными органами, прокурорами и судами, ибо Конституция есть "естественная", "автономная" сила *per se*, действие которой обязательно без каких-либо дальнейших "разработок" или "конкретизаций" в законодательстве.

Специальный закон, — доказывал Розмарин, — требуется, когда вводятся исключения, но не правила.

Сталинистский призрак исчезал, как при заклинании, в котором самого дьявола по имени не называют. Непокколебимая, казалось бы, официальная догма, согласно которой в коммунистических странах противоречие между Конституцией и частными проявлениями народной воли, направляемой партией и выражаемой законами, немыслимо, оказалась решительно отвергнутой путем простого истолкования правовой природы Конституции, как таковой.

Независимые суды, которым Розмарин отводил особую роль, имеют конституционное право и обязанность защищать Конституцию и гражданские права против любых нелегальных вмешательств любого законодательного или административного органа. Эти конституционные требования оказались извлечены из Конституции страны, которая официально отвергает разделение властей, административные суды и юридический надзор за соблюдением законов! Благодаря Розмарину, юридический позитивизм, в обход официальной идеологии и политической догмы, оказался выше, как сказал некогда Пушкин, "Александрийского столпа".

* * *

Понятие закона как необходимого орудия трансформации современных обществ в той или иной степени применимо к тем переменам, которые были начаты в странах советского блока после смерти Сталина и XX съезда КПСС. Смысл этих перемен может быть в первом приближении определен как попытка модернизации политической структуры обществ, которые долгие годы находились под властью особого рода абсолютизма – а именно, сталинизма.

В этот процесс "оттепели" или "возрождения" внесли свой вклад также и юристы. Коммунистические политические лидеры привыкли критиковать представителей юридической науки за их "отсталость" и неспособность идти в ногу с социалистическим развитием. Это стало почти ритуалом. Однако, анализ сочинений ученых-юристов не подтверждает этих голословных утверждений. Юридические идеи, которые были разработаны в странах советского блока, оказались гораздо более прогрессивны и демократичны, чем политическая реальность этих стран. В этих идеях нашли выражение различные аспекты демократии, защиты свободы и законности. В одних коммунистических странах этот прогресс продвинулся дальше, чем в других. И достижения польской юриспруденции все еще остаются уникальными по оригинальности ее постулатов. Не будет преувеличением сказать, что поляки определили направление для дальнейшего теоретического развития; они оказали сильнейшее влияние на своих коллег в коммунистическом мире.

Профессор Адам Лопатка, выступая на Международном конгрессе по философии права в Базеле в 1979 году, попытался классифицировать так называемые "фундаментальные принципы социалистического права". Он перечислил их в таком порядке: принцип власти народа, демократия, гуманизм, справедливость, равенство в правах, господство закона, взаимозависимость прав и обязанностей, сочетание убеждения с принуждением, и, наконец, принцип интернационализма. Адам Лопатка оказался единственным среди представителей коммунистического блока на конгрессе, который сказал: принцип гуманизма "признает личность человека и его самого высшей ценностью".

Он добавил:

"Закон все больше и больше создает условия для самореализации индивидуального человека. Перечень личностных благ, особенно тех из них, которые связаны с интимными сторонами человеческой жизни и подлежат охране законом, непрерывно расширяется; за этим следует защита прав трудящегося и прежде всего тех из них, которые диктуются уважением к его достоинству; расширяется сфера личной и общественной свободы граждан; человеческая личность получает защиту против любых вмешательств, оправдываемых развитием науки, технологии и т.д."

В какой мере эти слова соответствуют реальности или остаются всего лишь добрыми пожеланиями, выходит за пределы нашего теперешнего анализа. Ясно лишь одно: прогрессивные мыслители-юристы, изображая временами мифы как реальность, верят при этом, что такими методами можно изгнать злых духов, принудив их передать власть справедливости и мудрости. Разумеется, это мифы, но

"...подобно всем мифам, они могут оказать воздействие на будущее политическое развитие".

(Джон Хазард)

Представление мифа или желаемого как реальности является тем не менее весьма специфической формой критики существующей социальной и политической реальности. Поэтому уместно

задать вопрос: находятся ли эти юристы в оппозиции к своим правительствам и к своим Политбюро? — Ни в какой мере. Просто они наделены лучшим и более глубоким пониманием интересов, нужд и воли своих сограждан, чем профессиональные бюрократы и аппаратчики. Они больше карьеристов понимают ценность законности или, допустим, презумпции невиновности. Они знают, что "власть революционного сознания" влечет за собой хаос и террор. Они искренне хотят развивать новое общество в соответствии с самыми разумными и гуманными образцами. Об этом новом племени коммунистических ученых, юристов и профессоров права можно сказать словами Джона Хазарда:

"В противоположность правящим политикам, они выступают как люди закона. В каком-то смысле они не находятся в оппозиции, ибо многие из них, хотя и не все, являются членами коммунистической партии, и в качестве таковых стремятся к тем же целям, что и политики. Но в то же время, в каком-то ином смысле, они — оппозиционеры. Они продвигаются повсюду, где представляется тому малейшая возможность, вперед, к ограничению произвола власти. Они ищут того, что часто называют 'законностью'. При каждой возможности они повторяют, что их цель — 'революционная' или 'социалистическая' законность. Они хотят этим подчеркнуть свое стремление работать над осуществлением экономической и социальной структуры, которая будет существенно отличаться не только от того, что было в царском прошлом, но и от того, что существует ныне в западной Европе или в Америке".

У теоретиков права могут быть разные идеи и намерения. Но при диктатуре догматизма их действия всегда чреваты опасностью. Нет страховки для тех, кто решился балансировать на канате. Сломленные карьеры и жизни — это та нормальная цена, которую человечество уплачивает прогрессу.

Перевод: Б. Шрагин

СТАЛИН, ОБРАЗОВАНИЕ СЭВ'а И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Совет Экономической Взаимопомощи был создан в момент, когда Советский Союз приступил к разработке новой концепции своей европейской политики. С самого начала перед СЭВом стояли две основные задачи: создание руководимого из одного центра советского блока и сведение на нет влияния Соединенных Штатов на Европу. Важнейшими политическими инструментами в процессе формирования советского блока были Информбюро и система союзных договоров между странами советской сферы влияния; в экономической области подобную роль играл СЭВ.

Предложения о создании международной организации, которая занималась бы координацией экономического сотрудничества, были представлены в Москве уже в сентябре 1947 года, когда Р. Сланский передал их Маленкову. Весной 1948 г. чехословацкие экономисты предложили правительству Чехословакии заявить на июньском заседании Информбюро о необходимости

”...созыва конференции специалистов в области народного хозяйства, которые представляли бы объединенные в Информбюро компартии, точнее, — государства с плановым хозяйством”.¹

Предполагалось, что на этой конференции будут рассмотрены вопросы экономического сотрудничества и частичной координации планов. В предложении чехословацких экономистов говорилось:

”Необходимость тесного и планового сотрудничества не вызывает сомнений, несмотря на то, что наличие само-

стоятельных государств препятствует совместному планированию”.²

В сентябре того же 1948 г., во время пребывания в Крыму, Готвальд жаловался Сталину, что советские представители в Чехословакии требуют от чехословацких предприятий информацию, патенты и документацию, не сообщая об этом вышестоящим чехословацким органам. Готвальд отметил при этом, что с подобными требованиями к нему обращается и посол Советского Союза. Готвальд же полагал, что такого рода проблемы должны решаться официально, в рамках особой организации по международному сотрудничеству. Сталин в ответ на жалобы Готвальда рекомендовал ему таких людей просто гнать, но на предложение о создании международной организации не реагировал.

Советские руководители отвергали подобные предложения, поступавшие и от других стран, аргументируя отказ тем, что создание такого рода международной организации могло бы рассматриваться как вмешательство во внутренние дела стран-членов. Подобного рода аргументы приводились, когда речь шла о плане Маршалла. Подлинная причина, однако, была совершенно иной. Тогда Советский Союз не был заинтересован в сотрудничестве со странами Восточной Европы. Более того, СССР рассматривал такое сотрудничество как бремя. Экономически Советский Союз был самостоятельным и нуждался только в кредитах. А все необходимое, например, уран, бесшовные трубы, высококачественные стали и машины, Советский Союз получал из стран Восточной Европы в рамках долговременных экономических договоров. Углубление же экономического сотрудничества, полагали тогда советские представители, повысит требования стран народной демократии на поставки важнейших видов сырья и машин из СССР. Эту свою позицию Москва изменила лишь в конце 1948 года. Чем же было вызвано это изменение? В 1948 г. советская политика в Европе ознаменовалась рядом провалов. Берлинская блокада не решила немецкий вопрос, отношения с Югославией тоже потерпели фиаско. Кроме того, советские руководители к этому времени убедились, что военный конфликт с Западом неизбежен, и стали строить свою европейскую политику, исходя из этого. Об этом говорил Сталин Гот-

вальду во время их встречи в Крыму. И все же изменение позиции Советского Союза в отношении международной организации по экономическому сотрудничеству в значительной степени зависело от соображений не политического, а чисто экономического характера.

Дело в том, что в странах народной демократии все более усиливались тенденции к экономическому сотрудничеству, к координации производственных планов и даже к совместному планированию. Они осуществлялись на практике без благословения советского руководства, причем ни в одной из этих форм кооперации не предполагалось непосредственное участие Советского Союза. До конфликта с Югославией в Москве особого значения этим тенденциям не придавали, но после разрыва с Тито советское руководство стало опасаться развития и в других странах народной демократии центробежных процессов.

Абстрагируясь от югославско-албанского и югославско-болгарского экономического сотрудничества, прекратившегося, кстати, уже во второй половине 1948 г., можно утверждать, что наибольших успехов достигло польско-чехословацкое сотрудничество, по крайней мере, в определении перспектив. В июле 1947 г. правительства Польши и Чехословакии заключили пятилетние торговые договоры и решили создать Совет чехословацко-польского экономического сотрудничества. Уже в 1948 г. этот Совет развил активную деятельность. Особое внимание рабочие комиссии этого Совета уделяли координации и планированию производства. В отчете Совета говорилось, что

”... своей основной задачей Совет считает проведение работы по распределению производственных программ ... Кроме того, обе стороны рассмотрят возможности совместных капиталовложений во всех промышленных отраслях”.³

Следующей и очень важной причиной изменения советского отношения к созданию международной экономической организации был рост потребности стран народной демократии в сырье, машинах, твердой валюте и золоте, что отчасти было вызвано дискриминацией со стороны Запада. Эти требования превышали возможности советской экономики, и удовлетворение новых

возросших запросов стран народной демократии потребовало бы перестройки структуры советских капиталовложений. Именно в связи с этим советские руководители сочли целесообразным согласовать эти требования в многостороннем порядке, а необходимым для этого форумом должна была стать организация по международному сотрудничеству.

О поступивших на этот счет предложениях и о советской точке зрения сообщил Молотов на учредительном заседании Совета Экономической Взаимопомощи (5 января 1949 г.).

”Осенью прошлого года, — сказал Молотов, — румынские товарищи поставили вопрос об укреплении связей между странами народной демократии и Советским Союзом в целях координации планов народного хозяйства. Вначале мы в целесообразности этих предложений сомневались, считая их преждевременными и опасаясь, что наши враги могли бы этим злоупотребить. Но когда с той же идеей выступили и другие, то товарищ Сталин решил, что вопрос назрел. С предложениями об экономическом сотрудничестве выступил Готвальд, румынские товарищи и товарищи из других стран народной демократии. /После чего/ данный вопрос обсудило Политбюро ЦК ВКП(б) и пришло к заключению, что и мы в принципе согласны. Румыны тогда разработали подробный план и проект, мы их рассмотрели и утвердили. В результате мы получили документ о тесном сотрудничестве Советского Союза со странами народной демократии”.⁴

Присутствовавшие на этом заседании посланцы государств Восточной Европы с представленным документом согласились. Что касается содержания деятельности международной организации и форм ее работы, то у каждой страны, разумеется, были свои представления об этом, и каждая страна связывала с ней большие надежды по обеспечению потребностей своей экономики. Несмотря на политическое единство, экономические интересы стран Восточной Европы и Советского Союза были различны, а иногда и противоположны, потому их удовлетворение требовало компромиссов и терпеливых поисков таких решений, которые удовлетворили бы все стороны. В противном случае интересы одной стороны могли быть удовлетворены только за счет других.

Потребности экономического развития определяли и позицию чехословацких руководителей. Чехословакия как индустриальное государство, страдала от нехватки собственного сырья и ограниченности возможности сбыта. С середины 30-х годов возникли дополнительные трудности: темпы экономического развития Чехословакии замедлились, она начала отставать от развитых промышленных государств, в частности, по строительству новых промышленных отраслей – химии и электроники. Давала себя знать и техническая отсталость производственного оборудования, особенно в связи с резкой убылью рабочей силы, вызванной выселением немцев из Чехословакии. Но экономисты и политические деятели полагали тогда, что техническую отсталость удастся ликвидировать быстро, поскольку национализация промышленности создала для этого благоприятные условия.

Главной заботой чехословацкой стороны стало таким образом обеспечение рынка сбыта. Опыт экономического кризиса 30-х годов обусловил заинтересованность Чехословакии в рынке Советского Союза и стран, входящих в сферу советского влияния. В первую очередь речь шла об экспорте чехословацких машин и оборудования и об импорте необходимого для Чехословакии сырья, главным образом, из промышленных стран Запада. Директор государственного банка Чехословакии в ноябре 1947 г. подчеркивал необходимость

”... серьезной рационализации и механизации. В этом отношении, – говорил он, – Чехословакия зависит от помощи Запада, и без Америки ей просто не обойтись”.⁵

В первые два года после войны экономика Чехословакии развивалась благоприятно. Европа переживала товарный голод, так что чехословацкие изделия продавались очень хорошо. Значительную часть чехословацкой потребности в сырье и изделиях промышленности покрывали поставки УНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration), что позволило Чехословакии создать некоторый резерв твердой валюты. Однако, с середины 1947 г. с чехословацкими изделиями на международных рынках стали конкурировать товары, изготовленные в других странах. Высокие цены и низкое качество этих изделий снижали конкурентоспособность чехословацкой промышленности, причем высокие цены обуславливались не только низким техни-

ческим уровнем производства, но и завышенной зарплатой и низкой производительностью труда. В результате чехословацкие экономисты вынуждены были отказаться от запланированных темпов модернизации производства. Для осуществления такой модернизации необходимо было купить оборудование на Западе; имевшийся резерв твердой валюты был для осуществления этой цели недостаточным, а попытки Чехословакии получить кредит от западных стран не увенчались успехом.⁶

Не оправдались и надежды, что эти трудности носят временный характер. В последующие годы экономика Чехословакии оказалась в кризисном положении. Из-за дефицита некоторых видов сырья возникла угроза остановки производства. Росли запасы залежавшихся, не нашедших на международном рынке сбыта товаров. Внешнеторговый баланс в долларах и фунтах стерлингов оставался пассивным. В связи с этим в декабре 1948 г. чехословацкие представители направили в Москву Памятную записку с просьбой расширить объем чехословацко-советской торговли, увеличить поставки сырья, приступить к координации производства и предоставить Чехословакии кредит в размере 20 миллионов долларов. В этой записке подчеркивался политический аспект этой просьбы — достижение максимальной экономической независимости от капиталистических стран.⁷

Экономическое положение Чехословакии в 1948 г. обусловило заинтересованность чехословацкого правительства в экономическом сотрудничестве со странами советского блока, которое не ограничивалось обменом товарами, а сосредоточилось бы главным образом на координации производственных планов и создании общей сырьевой базы.

* * *

8 января 1949 г. участвовавшие в совещании представители Советского Союза, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии и Чехословакии пришли к заключению о необходимости образовать СЭВ. Однако, как констатировал Молотов, они не могли договориться о содержании деятельности этой организации. По этому вопросу делегации высказали свои мнения, но окончательное решение принято не было. После этого состоялась встреча делегатов со Сталиным. На этой встрече Сталин согласился с чехосло-

вацкими предложениями, подчеркнув международно-политический аспект деятельности Совета Экономической Взаимопомощи.

”Если мы будем сами добывать сырье, — сказал тогда Сталин, — Европа пойдет за нами. Необходимо обеспечить углем Италию, необходимо обеспечить поставки хлопка в Италию и Францию. Если мы обеспечим сырьем европейские страны, потерпит крах диктат Соединенных Штатов в Европе. Нужно помочь Франции. У нас должен быть перспективный план на десять лет. Ни в одной из западноевропейских стран не поднимется революционное движение, если рабочие будут бояться, что их страны, оторвавшись от Америки, останутся без угля, хлопка и других видов сырья. От этого страха их нужно освободить, и тогда они смелее пойдут вперед. А именно этим их и пугают. Италии необходим уголь. Можем мы ей его поставить? Конечно, можем. Нефти тоже будет достаточно. Создание сырьевой базы для всей Европы будет иметь большее значение, чем Коминтерн”.⁸

Сталин видел в СЭВ’е не только средство, обеспечивающее изоляцию США, но и важнейшее орудие революции в Европе. При этом он исходил из предпосылки, совершенно не оправдавшей себя, что страны СЭВ’а в ближайшем будущем начнут снабжать Европу сырьем и продовольственными товарами, взяв на себя роль Соединенных Штатов Америки.

Однако, экономические условия для деятельности этой организации были неблагоприятными. СЭВ объединял государства различного экономического уровня, что само по себе не столь важно. Но большая часть стран-членов СЭВ’а были аграрными или аграрно-промышленными государствами, в результате чего несколько развитых в промышленном отношении стран попали в окружение неразвитых. Советский Союз как ведущая держава мог свои требования диктовать, так что Чехословакия оказалась единственной страной, потребности которой были потребностями индустриально развитого государства. Остальные же стояли на пороге индустриализации, провести которую страны-члены СЭВ’а стремились в кратчайший срок. Но для успешного осу-

шествления индустриализации необходимо сотрудничество с другими развитыми странами мира, а от этих государств страны-члены СЭВ'а в начале совместной деятельности сознательно изолировались.

Перевес в СЭВ'е слаборазвитых в промышленном отношении государств обусловил содержание и форму работы этой международной организации.

Советский Союз до момента создания СЭВ'а тоже решал проблему индустриализации. Кроме того, Москва определяла свои задачи, исходя из своей внешнеполитической концепции относительно неизбежного военного столкновения двух блоков. Что же касается аграрных стран-членов СЭВ'а, то для них координация производственных планов или создание общей сырьевой базы имели второстепенное значение. Эти страны были прежде всего заинтересованы в товарообмене, который обеспечивался долгосрочными договорами.

Таким образом, можно сказать, что политические аспекты, международно-политические замыслы Москвы играли в процессе создания Совета Экономической Взаимопомощи очень важную роль. Образование СЭВ'а способствовало упрочению советского блока. СЭВ стал орудием подчинения экономики стран народной демократии интересам Москвы. В рамках СЭВ'а определилось отношение к экономическому сотрудничеству с капиталистическими странами, в рамках СЭВ'а началась также концентрация экономических сил советского блока для холодной и для горячей войны.

Дебаты о содержании и форме деятельности СЭВ'а окончились лишь в 1950 г. Полученный результат ничего общего с представлениями чехословацких руководителей об этой организации не имел. Следует напомнить, что тогда же Совет Экономической Взаимопомощи принял решение о прекращении каких-либо экономических связей с Югославией, несмотря на возражения Чехословакии, подчеркивавшей, что такое решение может быть чревато серьезными экономическими потерями.

Состоявшаяся в августе 1949 г. в Софии сессия Совета Экономической Взаимопомощи совершенно открыто продемонстрировала, на чем и в будущем будет прежде всего сосредоточено внимание органов СЭВ'а. Первоочередное внимание софий-

ская сессия уделила внешней торговле и научно-техническому сотрудничеству стран-членов СЭВ'а. В решениях по внешнеэкономическим вопросам подчеркивались принципы, которые пропагандировались на протяжении двух предшествовавших лет: расширение торговли между странами-членами СЭВ и достижение их независимости от экономики капиталистических государств. Софийская сессия определила также внешнеэкономическую политику советского блока: странам-членам вменялось в обязанность как можно скорее заключить друг с другом долговременные торговые договоры. Торговля с капиталистическими странами ограничивалась, а действия стран-членов в этой области координировались.

При обсуждении принципов научно-технического сотрудничества возникли некоторые разногласия между Чехословакией и другими странами, главным образом Польшей, поскольку Чехословакия выступала против бесплатной передачи технической документации другим странам. Органы СЭВ'а требовали бесплатного предоставления документации с возмещением расходов, связанных только с приобретением документации. Чехословацкому представителю удалось добиться включения в протокол следующей формулировки:

”Техническая документация тех видов продукции, производство которых уже освоено, а расходы на разработку документации уже возмещены, будет предоставляться другим странам-членам СЭВ за вознаграждение в размере стоимости составления копии соответствующей документации”.⁹

Но эта формулировка не была принята как окончательная рекомендация сессии, и представитель Чехословакии заявил, что

”... по политическим соображениям Чехословакия вынуждена была согласиться с предложенной Бюро СЭВ'а формулировкой о бесплатном предоставлении всей документации”.¹⁰

Проверка выполнения рекомендаций софийской сессии СЭВ'а привела позже к серьезному конфликту между промышленно развитой Чехословакией и другими странами-членами СЭВ'а.

В конце октября – начале ноября 1950 г. Бюро Совета Экономической Взаимопомощи рассмотрело полугодовой отчет Чехословакии о ее торговле с капиталистическими странами. В результате все члены Бюро подвергли острой критике широкий объем чехословацкой торговли с Западом и недостаточную якобы торговлю со странами-членами Совета. Делегат Румынии при обсуждении чехословацкого отчета даже предложил протоколировать, что Чехословакия не выполняет рекомендаций софийской сессии и не использует внешнюю торговлю в интересах развития отношений между социалистическими странами.

С критикой выступил и Микоян.

”Чехословацкие товарищи, – сказал он, – часто утверждают, что внешняя торговля играет в народном хозяйстве ЧСР более значительную роль, чем в других странах, и что эта ее роль должна сохраниться и в будущем. Но так ли это? ЧСР не страдает от недостатка полезных ископаемых. У нас есть уголь, железная руда и т.д. Многие виды импортируемого сырья ЧСР может заменить отечественными. Причина недостатка твердой валюты у ЧСР как раз и заключается в том, что ввозится не то, что нужно. Некоторые товарищи заявляют, что сырье лучше покупать, чем добывать. Такая политика недальновидна...”¹¹

Пражское руководство отвергло критику СЭВ'а и распорядилось, что, в случае отклонения чехословацкого отчета, представитель Чехословакии должен потребовать перерыва в заседаниях для получения инструкций от своего правительства. Но до этого не дошло. Неожиданно была созвана сессия Совета, на повестке дня которой было обсуждение выполнения софийских решений и координация торговли с капиталистическими странами. То есть фактически сессия была созвана для обсуждения вопросов, вызвавших разногласия на заседании Бюро. Чехословакия вынуждена была капитулировать и на этот раз.

”Мы модифицируем свое производство таким образом, чтобы Чехословакия могла поставлять товары, необходимые в первую очередь странам народной демократии”, — говорилось в заявлении чехословацкой делегации.¹²

Софийские решения нанесли серьезный ущерб экономике Чехословакии. Экономические связи Чехословакии были ограничены странами советского блока. Чехословакия больше не могла свободно выбирать торговых партнеров и вынуждена была уступить давлению стран-членов Совета. Направление экономического развития Чехословакии стали определять интересы народного хозяйства других стран. Софийские решения стали звеньями той цепи, которая оградила советский блок от окружающего мира, а принцип экономической независимости социалистических стран получил свое теоретическое обоснование в тезисе Сталина о двух мировых рынках.

В странах советской сферы влияния принято говорить об экономической дискриминации социалистических государств со стороны стран Запада, но на деле положение было несколько иным. Некоторые западные страны, напротив, были заинтересованы в торговле со странами Восточной Европы, но натолкнулись на отказы. Так, например, чехословацкий министр Грегор в апреле 1949 г. сообщил Молотову, что он получил из Франции и Бельгии запросы, может ли Прага стать посредником в торговле западных государств с СССР. На это Молотов ответил, что советское правительство изменило свою торговую политику по отношению к Франции, а вопрос торговли с Бельгией будет рассмотрен дополнительно.¹³ Москва благосклонно отнеслась к торговым предложениям некоторых западногерманских компаний, но и с ними переговоры закончились ничем.¹⁴

До ноября 1950 г. сессии Совета проходили более или менее регулярно. Затем наступил перерыв в четыре года. Все полномочия перешли к Бюро и аппарату секретариата Совета Экономической Взаимопомощи. Руководящие посты в секретариате СЭВ'а занимали советские представители; решающее слово в аппаратах постоянных членов Бюро от стран Восточной Европы также принадлежало советским экспертам. Кроме того, советники из СССР были посланы и в министерства стран-членов СЭВ'а.

Эксперты, работающие в секретариате СЭВ'а, наблюдали за внешней торговлей восточноевропейских стран и выполнением торговых договоров; они вносили предложения о направлении развития производства этих стран, проверяли планы развития народного хозяйства и давали свое заключение. Хозяйственные органы отдельных стран ставились в известность об этих оценках через Бюро СЭВ'а или с помощью его аппарата, и эта оценка фактически становилась предписанием, которое страны-члены СЭВ'а были обязаны выполнять. Следует отметить, что советские эксперты занимались экономическими проблемами всех стран-членов СЭВ'а, за исключением самого Советского Союза. Внешняя торговля и деятельность народного хозяйства СССР контролю органов СЭВ'а не подлежали.

Эти порядки полностью соответствовали функции СЭВ'а как организации, служащей инструментом управления экономикой стран Восточной Европы из единого центра и полного подчинения экономики этих стран интересам советской политики. И как только этот механизм управления был введен в действие, представительные органы Совета Экономической Взаимопомощи потеряли для Москвы какой-либо смысл. Экономика стран народной демократии оказалась связанной с советской экономикой системой долговременных договоров, а для контроля за их соблюдением достаточно было лишь полностью подчиненного Москве аппарата Совета Экономической Взаимопомощи.

Корни кризиса чехословацкой экономики.

В развитии народного хозяйства Чехословакии 1950 год стал своего рода вехой, поскольку тогда была окончательно сформулирована новая концепция европейской политики Советского Союза. В соответствии с этой концепцией, Москва признавала, что она не в состоянии влиять на Европу ни экономически, ни политически, и не в состоянии вытеснить из Европы Соединенные Штаты. Исходя из опыта Корейской войны, советские специалисты пришли к выводу, с которым согласились советские политики, что подчинить Европу можно только силой.

По мнению советских стратегов, советское наступление на Западную Европу должно было начаться в течение ближайших трех-четырёх лет и предполагалось, что оно не встретит серьез-

ного сопротивления. С этой новой концепцией и планами ее реализации Сталин ознакомил представителей стран Восточной Европы на тайном совещании в Кремле в январе 1951 г. От каждой из восточноевропейских стран на этом совещании присутствовали по два человека — руководители самого высокого уровня и представители советского генералитета.

Задаче завоевания Западной Европы, констатировал тогда Сталин, должно быть подчинено все. Совещание завершилось подписанием секретных договоров, в частности, об экономических задачах восточноевропейских государств, в том числе заданиях для их военной промышленности. Больше всего было поручено Чехословакии. На нужды военной промышленности пришлось бросить огромные средства, запасы сырья и рабочую силу. Эту производственную отрасль гражданские власти не имели права контролировать вообще. В результате с 1949 по 1953 гг. общие военные расходы Чехословакии, включая расходы на капиталовложения, составляли 235,7 миллиардов крон, тогда как капиталовложения в других производственных отраслях в те годы составляли 472 миллиарда крон.¹⁵ Кроме того, гражданские министерства из своих бюджетов оплачивали дополнительные расходы, связанные с вооружением страны, например, строительство дорог, телефонной сети, железных дорог. 90% производства промышленности точного машиностроения шло на военные нужды.

В том же 1950 г. советское руководство сообщило чехословацким руководителям, как Москва представляет себе дальнейшее развитие Чехословакии. Это произошло в феврале, когда Сланский вел в Москве переговоры об увеличении поставок советского сырья Чехословакии. В соответствии с директивами Сталина, которые Сланский привез из Москвы, Чехословакия приступила к разработке нового пятилетнего плана на 1951-1955 гг.

”Насколько я знаю, — сказал в июле 1951 г. Сталин министру обороны Чехословакии Чепичке, — в ЧСР имеется гораздо больше нефти, угля и другого сырья, чем там добывается в настоящее время... Я убежден, что в ЧСР имеются почти все цветные металлы, необходимые для производства высококачественной стали”.¹⁶

В результате огромные средства были брошены на геологические исследования, строительство шахт и покупку необходимого оборудования. Все эти средства оказались просто выброшенными.

Соответственно вел себя и Микоян. Он критиковал чехословацких представителей за их стремление к рентабельности производства, к сбалансированной внешней торговле со странами советского блока; он возмущался тем, что, не желая снижать уровень жизни населения, чехи не делают капиталовложений в добывающие отрасли промышленности. Микоян считал, что даже если качество сырья низкое, а добыча его слишком дорога, на это все равно следует идти. Представители министерства внешней торговли СССР постоянно твердили, что Чехословакия обладает большими ресурсами и может выполнить все требования Советского Союза.¹⁷

Болгария, Албания и Венгрия также считали, что Чехословакия как богатая страна обязана помочь остальным.¹⁸

В 1950-1951 гг. Чехословакия заключила долговременные соглашения со всеми странами-членами СЭВ, в том числе и с Советским Союзом. Обсуждение текста договора с Советским Союзом длилось шесть месяцев. Вначале Чехословакия намеревалась экспортировать в Советский Союз свои традиционные изделия — текстиль, обувь и др. Советская сторона это чехословацкое предложение отвергла и выдвинула контрпредложения: поставлять в СССР преимущественно машины и оборудование, среди них прежде не производившиеся в стране изделия тяжелой промышленности, к изготовлению которых следовало приступить на основе советской документации. Чехословакия долго сопротивлялась, но, в конце концов, уступила. Выполнение этих обязательств требовало огромного количества сырья, главным образом железной руды и меди. Советский Союз отказался поставить его, предложив Чехословакии приобрести недостающее сырье на капиталистическом рынке. Во время переговоров между Чехословакией и Советским Союзом был поднят вопрос о неуплаченных долгах, но советские представители отказались включить в баланс свою задолженность за чехословацкий уран, которая ежегодно составляла 200 миллионов рублей. Советские представители отказались также компенсировать эту задолженность поставками железной и медной руды. Более

того, они вообще отказывались говорить об уране с чехословацким министром внешней торговли. Наконец, договор был подписан: экспорт чехословацких изделий в СССР определялся в 62 миллиарда крон в течение пяти лет, а импорт из СССР был на 500 миллионов больше, без учета советской задолженности за чехословацкий уран, разумеется.¹⁹ Для выполнения этого договора Чехословакия осуществила радикальную перестройку промышленности и всей структуры своей экономики. Перемена заключалась в преимущественном развитии тяжелой промышленности, главным образом машиностроения, и в подчинении этим отраслям всех остальных. Для такой небольшой страны как Чехословакия эти структурные перемены стали роковыми. Увеличение производства тяжелой промышленности повышает потребность в сырье; это, в свою очередь, влечет за собой увеличение капиталовложений в добывающие отрасли. Кроме того, оказывается необходимым развитие металлургического производства, а это также требует капиталовложений. Металлургическим заводам нужен уголь, и возникает потребность в добавочных капиталовложениях в угледобывающую промышленность. Чехословацкая экономика попала в заколдованный круг и задыхается в нем по сей день.

Навязанная Советским Союзом перестройка чехословацкой экономики привела к следующему:

— Крупные капиталовложения осуществлялись в нерентабельных производствах (точно вычислить потери невозможно, но они составляют несколько миллиардов крон);

— Большая часть трудовых резервов была брошена в тяжелую промышленность, в результате чего остались без применения высококвалифицированные работники легкой промышленности. Резко возросла занятость женщин, что породило совершенно новые для страны социальные проблемы. Из-за чрезмерных капиталовложений с длительной окупаемостью и из-за возросших военных расходов и общей занятости в Чехословакии началась инфляция. Резко обеднел рынок потребительских товаров; перебои в снабжении стали постоянным явлением;

— Совершенно не использовались имеющиеся в избытке ресурсы: пригодная для сельскохозяйственной обработки земля; сырье для традиционных отраслей чехословацкой промышленно-

сти (производство фарфора и стекла) и высококвалифицированные рабочие, прежде занятые в этих отраслях;

– Структурная перестройка нарушила естественное развитие чехословацкой экономики. Стране искусственно привили нечто, не приживающееся в ее организме. А в результате начались периодические кризисы, ставшие типичным явлением экономики Чехословакии.

Структурные изменения чехословацкой экономики были проведены не в интересах Чехословакии, а в интересах Советского Союза. Углубилась зависимость Чехословакии от советской экономики, а в долгосрочной перспективе — затормозилось развитие чехословацкой экономики и не осуществлялось строительство современного индустриального общества.

Следствием проведенных в Чехословакии экономических перемен было углубление централизации и бюрократизации ее экономики.

В результате экономика Чехословакии была развалена полностью, она утратила способность выполнять свою основную задачу — обеспечивать потребности населения. При этом чехословацкая экономика стала не только жертвой, но и орудием холодной войны; такова была плата Чехословакии за авантюристическую политику советского руководства во имя осуществления сталинского плана завоевания Западной Европы.

Примечания

- 1 Архив Центрального Комитета КПЧ (А ЦК КПЧ), Фонд 100/24, д. 983, заседание Комиссии ЦК КПЧ по народному хозяйству (далее – КНХ) 4.3.1948 г.
- 2 А ЦК КПЧ, Ф. 100/24, д. 998.
- 3 Архив Министерства народно-хозяйственного планирования (далее А МНХП), Ф. VM SUP, Д. 956.
- 4 А МНХП, VM SUP, Д. 1132.
- 5 А МНХП, Протокол совещания редакторов-экономистов в Министерстве информации 13.11.1947 г.
- 6 Чехословакия безуспешно пыталась получить кредит от США, Франции, Бельгии; в 1949 г. был получен кредит от Великобритании.
- 7 А МНХП, Ф. VM SUP, Д. 31.
- 8 А ЦК КПЧ, Секретный фонд Р. Сланского.
- 9 А МНХП, VM SUP, Д. 1131.
- 10 Там же, Заседание президиума Совета НХ ЦК КПЧ от 5.8.1949 г.
- 11 А МНХП, VM SUP, Д. 491-1972.
- 12 А МНХП, VM SUP, Д. 1132. Отчет о III сессии СЭВ'а.
- 13 А МНХП, VM SUP, Д. 66.
- 14 А МНХП, VM SUP, Д. 993, 994, 995, 999, 1008.
- 15 Военно-исторический архив (ВИА), Секретариат Министерства национальной обороны, 1955 г., 44-8/1-20.
- 16 А ЦК КПЧ, Фонд: Политические процессы, Сообщение А. Чепички о заседании в Москве 23.7.1951 г.
- 17 А МНХП, VM SUP, Протокол совещания в Министерстве внешней торговли в Москве (МВТ) 23.9.1950 г.

¹⁸ А МНХП, VM SUP, коробка № 49, коробка № 31, Д. 1144.

¹⁹ А МНХП, VM SUP, Протокол заседания, происходившего 14.9.1950 г. в МВТ в Москве в 22-22.50 час. и Протокол заседания в МВТ в Москве 21.9.1950 г. в 12.30 час.

КАУТСКИЙ И БОЛЬШЕВИЗМ

”Ренегат” Каутский реабилитирован. По крайней мере, среди критиков ленинизма и советского общественного строя. Десятилетия его подвергали оскорблениям, почерпнутым из сочинений Ленина. Ленин действительно проявил при этом незаурядную изобретательность. В брошюре ”Пролетарская революция и ренегат Каутский” Ленин обзывал своего оппонента ”социал-шовинистом”, ”беспредметным болтуном”, ”начетчиком”, ”ученнейшим прислужником буржуазии”, ”Иудушкой”, ”презренным негодяем ренегатства”, ”продажной писакой” и т.д., и десятилетиями коммунисты, как попугаи, механически все это повторяли, даже не утруждаясь прочесть, что же Каутский писал на самом деле.

Официальные идеологи препарировали работы Каутского несложно, но эффективно. Они поделили их пополам. Первая половина, охватывавшая период до первой мировой войны, признавалась ортодоксально марксистской. Эти работы разрешалось (хотя и не предписывалось) ”критически изучать”. Вторая — ”антимарксистская” (то есть антиленинская) оказалась внесенной в черный список запрещенной литературы. В Чехословакии во времена ”либерализации” некоторые из работ первой категории были даже переизданы — например, ”Экономическая теория Карла Маркса”, ”Аграрный вопрос”, а также исследование о раннем христианстве. Но даже и тогда запрещалось упоминать, что Каутский был учителем, а Ленин — его учеником. И до сих пор слушатели курсов сети партийного просвещения, до бесконечности пережевывая те или иные утверждения Ленина, даже не догадываются, что на ленинские исследования о развитии капитализма в сельском хозяйстве оказала глубокое влияние методика, разработанная Каутским в ”Аграрном вопросе”; что, не указывая при этом источника, Ленин заимствовал у Каутского свои тезисы о трех источниках и трех составных частях марксизма; что идеи Ленина о соотношении социалистического соз-

нения с рабочим движением, высказанные им в "Что делать?", — просто расковыренные цитаты из Каутского.

Предтеча еврокоммунизма

Почему же Ленин предал анафеме своего учителя Каутского? Потому, что Каутский впал в такую же ересь, что и нынешние итальянские коммунисты, а именно — критиковал теорию и практику большевизма, ленинскую и троцкистскую концепцию диктатуры пролетариата, красный террор, Октябрьскую революцию и Советскую Россию. Эту критику содержат и работы Каутского: "Диктатура пролетариата" (1918 г.), "Терроризм и коммунизм" (1919 г.) и "От демократии к государственному рабовладению" (1921 г.). В 1930 г. Каутский снова вернулся к этим проблемам, обобщив свои идеи в работе "Большевизм в тупике".

Следует отметить, что нынешняя критика левыми, в частности, еврокоммунистами, системы, рожденной в результате Октябрьской революции, — не первая критика даже со стороны марксистов. В 20-е и 30-е годы о деформации социализма и бюрократическом перерождении СССР писал уже Троцкий. Но его критика не переступала определенных границ. Он резко критиковал сталинскую "ревизию" ленинизма и сталинскую практику, но ни в коем случае не сам ленинизм. Напротив, Троцкий настаивал, что именно он — законный преемник Ленина, подлинный, чистый, верный ленинец. Каутский, как, впрочем, и Плеханов и Мартов, никогда ленинцем не был, а потому и не испытывал надобности ограждать свою критику большевизма какими-либо идеологическими рогатками. Поэтому и Каутский, и Плеханов во многих отношениях пошли дальше современных еврокоммунистов, намного раньше их высказав идеи, которые в свете недавних выступлений итальянских и испанских коммунистов выглядят почти пророчески. Их критика к тому же четче, последовательнее, чем у Троцкого и у современных еврокоммунистов. Я вовсе не утверждаю, что Троцкий и Берлингуэр просто повторяют Каутского. Различия тут существенны и легко заметны. Однако в подходах марксистской мысли к критике советской системы есть и целый ряд общих моментов. Можно ожидать, что со временем такая критика привлечет новых сторонников.

Критика Каутским большевистской теории и практики уже в первые годы существования Советской России свидетельствует, что более чем спорно распространенное сейчас мнение, будто ГУЛАГ — это неизбежное порождение марксизма, и сибирские лагеря связаны с Марксом пуповиной. Марксизм Каутского вдохновлен иными политическими идеалами и представлениями о социализме, чем красный террор, диктатура партийной бюрократии и кастрация духовной жизни, чем вера во всемогущество комиссара и его директив. Анализируя советское государство, Каутский пользовался методом исторического материализма. И именно из его марксистского анализа вытекало, что никаких элементов социализма в советском обществе нет и ни к какому социализму оно не приведет.

Каутский не разделял эволюцию советского общества на якобы подлинно революционный период при Ленине и период регресса, который связывают обычно с приходом к власти Сталина. Не отождествляя ленинские позиции со сталинскими, Каутский все же был убежден, что несоциалистический характер послереволюционного развития советского государства был предопределен захватом власти большевистской партией.

Планы и действительность

Не все прогнозы Каутского оказались верными. Он полагал, что явная несовместимость советской системы со свободой, демократией, экономической эффективностью и жизненными интересами трудящихся за очень короткий срок сделает ее нежизнеспособной. Каутский полагал, что насильственная коллективизация вызовет бунт крестьянства и что крестьяне, особенно, если им удастся заключить союз с рабочим классом, свергнут советский режим и установят демократическую парламентскую республику. Подобным образом заблуждался не только Каутский. Таких предсказаний в те времена было множество; советский режим их пережил.

По Каутскому, большевизм продолжил худшие традиции русского самодержавия:

”Русская аристократия презирала своих подданных, считая их трусливыми и безвольными рабами. Это обусловило

и методы, при помощи которых она намеревалась подняться до уровня богатой и могущественной Западной Европы. Перенималась техника, но не гарантирующие свободы институты, хотя именно свобода способствовала появлению ученых, организаторов производства да и сознательных рабочих, на которых держится сейчас техническое и экономическое превосходство Запада. Этого не понимал никто из русских самодержцев – от Петра Великого до Ленина и Сталина, которые стремились обеспечить России главенствующую роль в мире. При всех стараниях им никак не удается организовать государство и производство так, чтобы хоть сколько-нибудь приблизить их к западному уровню, не говоря уже о том, чтобы этот уровень превзойти”.

Все учебники марксизма-ленинизма приписывают Каутскому экономический детерминизм, согласно которому только развитие производительных сил готовит почву для социальной революции. На деле он придерживался диаметрально противоположного взгляда. Основным условием развития экономики и техники он считал свободные общественные отношения. Тем не менее, вера во всепоспешительное воздействие передовой западной техники на русское общество очень устойчива. Многие западные советологи и даже такой политик-реалист как Генри Киссинджер находятся во власти иллюзии, будто экспорт западной техники в Советский Союз и ее внедрение там раньше или позже приведет к проникновению в советское общество западных общественных нравов и политических институтов. Иллюзия эта так же стара, как русский деспотизм.

Более 130 лет назад ее разделял ”западник” Виссарион Белинский. Будучи смертельно болен, он ежедневно приходил на строительную площадку, где воздвигался петербургский вокзал – первый в России. Этот страстный противник деспотизма убеждал каждого встречного, что Россию спасут железные дороги. Увы, ни железные дороги, ни ленинская электрификация, ни освоение ядерной энергии при Хрущеве и Брежневе не повернули Россию на путь демократии и гражданских свобод. Наоборот, все эти современные технические средства оказались использованы для подавления демократии и насаждения деспотических институтов.

Два вида контрреволюции

Согласно Троцкому, вторая половина 20-х годов – это водораздел между развитием революции и периодом реакции. Приход к власти Сталина он расценивал как русский термидор. Для Троцкого, когда он организовывал внутривластную оппозицию, термидор означал лишь начало контрреволюции, последствиям которой предстоит проявиться в будущем. А для Каутского сама Октябрьская революция была термидором. Он отверг принятое и Лениным, и Троцким сравнение большевиков с якобинцами. Якобинцы, утверждал Каутский, остались до конца преданы идеям парламентской республики, которую большевики разрушили, и всеобщего избирательного права, которое большевики аннулировали. Их террор, полагает Каутский, был вызван обстоятельствами военного времени и, в отличие от большевистского, не коренился в политических традициях страны. Именно поэтому большевистский террор не прекратился и с окончанием гражданской войны. Напротив, он стал еще более жестоким и массовым.

Каутский отличал два вида контрреволюции, угрожающих каждой революции. Первый – это открытая контрреволюция, носителями которой являются представители старого режима. Эта контрреволюция откровенно, программно стремится к реставрации дореволюционных порядков. Второй вид – скрытый и более коварный: порождение внутренних противоречий в среде самих революционеров. Прикрываясь революционными лозунгами, эта контрреволюция выдает себя за революцию, или, вернее, изображает свой приход к власти как вершину революции, ее цель и победу. Носителями такой контрреволюции оказываются социальные группы, которые монопольно присваивают себе плоды революции, отнимая их у большей части других принимавших в ней участие сил. Эти группы истребляют революционеров и отнимают свободу у трудящихся масс.

Каутский называет такую контрреволюцию бонапартистской. В русской революции ее носителями оказались большевики. Бонапартистские тенденции большевизма проявились уже в Октябрьском восстании 1917 года, которое положило конец демо-

кратической республике и повлекло за собой разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. Шаг за шагом большевизм подчинял своему диктату пролетариат и крестьянство. Его окончательным результатом стали бюрократический деспотизм, господство новой касты и новая форма эксплуатации трудящихся.

Каутский отверг ленинское отождествление захвата средств производства государством с их обобществлением. Новый собственник может назначить самого себя посредством декрета, но декретом невозможно осуществить структурные перемены в деятельности предприятий, в положении рабочих, невозможно обеспечить их участие в руководстве обобществленными предприятиями, ввести новые отношения между производителями и потребителями и т.д.

Большевики представляли себя самыми верными учениками Маркса. Однако, по Каутскому, их марксизм проявлялся лишь в том, что они относились к сочинениям Маркса как к каноническим текстам, из которых они произвольно вырывали отдельные цитаты, к тому же истолковывая их так, как им было выгодно. Марксизм как критический метод социального исследования и поиска истины им чужд.

”Большевизм, — писал Каутский, — это заговор по образцу бланкистского. Ведущий принцип их организации — слепое послушание рядовых членов и неограниченная власть вождей. Этим большевизм напоминает скорее армию, чем политическую партию. И именно поэтому большевики добиваются наибольших успехов тогда, когда действуют военными методами”.

Милитаризация

Военные методы, как показала история, оказались для уставленного большевиками контрреволюционного режима гораздо более типичными, чем мог предположить Каутский. ”Реальный социализм” бесплоден во всем, что касается развития общественных и политических отношений. Будучи неспособен внедрить какие бы то ни было мало-мальски существенные реформы, он удивительно изобретателен, когда нужно усовершенствовать систему диктатуры, контроля и репрессий. Так на-

зываемое всенародное государство показало нам на примере Польши свое подлинное лицо: это военная диктатура над рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией. Отличие от большевистского прошлого, пожалуй, лишь в том, что масса "классово чуждых элементов" теперь изгоняется не только в Сибирь, но и на Запад. Для жертв этих депортаций такая перемена, конечно, к лучшему, но для народа это все равно трагедия — он лишается лучших своих сынов.

Приближенные генерала Ярузельского хвастают, что после введения военного положения и командирования на шахты и предприятия политруков производительность труда поднялась. Много лет официальная идеология твердила о новой научно-технической революции. Теперь она обнаружила новый фактор повышения производительности, специфический для "реального социализма" — армию, полицию и военизацию производства. В этом открытии есть доля горькой правды. Армия, действительно, стала в Польше фактором повышения производительности труда, каким при рабовладении была плеть, а при феодализме — розги.

Подмеченные еще Каутским военные аспекты большевизма сохранили актуальность и заслуживают рассмотрения. Они проглядывают в принципах партийного строительства, в партийной дисциплине, в организации экономики, в единоначалии руководителей национализированных предприятий, в идеологических кампаниях, в партийном жаргоне. Трудовые процессы превращаются в "сражения", жатва — в "битву за зерно", воспитание и образование — в "борьбу за молодежь", выступление свободномыслящего — в "идеологическую диверсию", литература и искусство — в "идеологический фронт", а перо писателя и кисть художника — в "оружие". Сталинизм трансформировал военные черты большевизма в цельную социально-политическую систему, и лишь с учетом этих ее особенностей можно объяснить ту легкость, с которой "реальный социализм", если этого требуют обстоятельства, преобразуется в военную диктатуру, как это случилось в Польше.

ПОЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ И ПРАЖСКАЯ ВЕСНА *

Существует мнение, что важнейшее значение польских событий в том, что они еще раз доказали "невозможность окончательно реформировать, демократизировать и даже просто сделать более человечными послесталинские режимы советского типа". Но ведь речь не идет и никогда не шла о том, чтобы "окончательно реформировать и демократизировать". Реформы — как путчи и революции — не цель, а средство. В странах же так называемого реального социализма особенно важно выяснить, при помощи каких средств в данных международных, социальных и внутривнутриполитических условиях можно без насилия и катастроф начать процесс преодоления недемократических форм общественной жизни. В условиях режимов советского типа только романтики могут мечтать о прыжке в "царство свободы и изобилия" — ориентировка на реформы, несмотря на все поражения реформистов до сих пор, остается единственно реальной.

В то же время очевидно, что проталкивание реформ, их защита и дальнейшее развитие продолжают оставаться сложнейшей политической проблемой нашего времени. Более того, добиться признания необходимости реформ можно только в кризисной ситуации и при наличии давления масс. А кризисы будут со временем все чаще и глубже, хотя в условиях каждого конкретного кризиса формулировки, отражающие недовольство населения, будут звучать по-разному. Можно также утверждать, что и в будущем шансы на успех реформ будут поставлены под угрозу ни к чему не ведущими радикальными выступлениями...

---

* Отрывки из статьи, полный текст которой напечатан в журнале "Listy" № 5 за 1982 г.

Справедливости ради следует отметить, что в Польше возникли чрезвычайные предпосылки для осуществления демократических реформ, но все же не более благоприятные, чем в Чехословакии конца 60-х годов. В Чехословакии удалось добиться перестановки сил внутри правящей партии, и этот факт трудно переоценить с точки зрения процесса реформ. Развитие событий и в Польше и в Чехословакии было обусловлено их особенностями и международным положением в данный момент, пути их не были избраны сознательно. Оба пути привели к началу процесса перемен, но ни один из них не мог гарантировать ни бесконфликтное развитие реформ, ни то, что эти реформы удастся защитить. Чехословацкий "процесс возрождения" препятствовал чрезмерной поляризации общества, нейтрализуя тем самым крайние, радикальные силы. Именно поэтому он был задушен интервенцией извне. Тем легче было "нормализовать" чехословацкое общество, поскольку политический кризис не сопровождался высокой социальной напряженностью. Польское "восстановление" исключительно быстро институционализировало плюрализм, в частности, независимое профсоюзное объединение "Солидарность". Это было великолепно, но достигнутые перемены ничем не были защищены. В Польше не произошло дифференциации и нейтрализации аппаратов власти, а потому оказался возможным и контрудар внутренних сил. Этому способствовали и экономический хаос, и социальная напряженность, в результате чего условия в Польше оказались более сложными, чем в Чехословакии периода Пражской весны.

* * *

Всем известно, что возможности системных перемен в странах "реального социализма" весьма ограничены советским гегемонизмом. Всем также известно, хотя в эмоциональном возбуждении некоторые об этом забывают, что это препятствие фронтальной атакой смести невозможно... В будущем положение, разумеется, может измениться, но только при существенных переменах всей международной обстановки.

После оккупации Чехословакии казалось, что Москва и в будущем подавит малейшие попытки стран Восточной Европы проводить политику, более соответствующую их интересам, и что в

этих странах нельзя будет добиться никаких перемен к лучшему, пока не изменится политика самой Москвы. Однако некоторые события 70-х годов указали на наличие других возможностей. Уступая международному и экономическому давлению, Москва стала более терпимой к таким явлениям в странах Восточной Европы, которые в период сталинской "гомогенизации" были просто невыносимы...

Надежда польского восстановления 80-х годов заключалась в том, что особенности польско-советских отношений создавали больший простор для перемен, чем когда бы то ни было в других странах Восточной Европы. Можно было ожидать — и демократическая оппозиция в Польше на это рассчитывала, — что именно в Польше Москва допустит такие перемены, которые в другие времена и в других странах она жестоко подавляла. Значение такого развития для постепенной перемены политической обстановки во всем советском блоке трудно было переоценить.

Но чтобы использовать возникшие в Польше возможности, нужно было ни в коем случае не допускать антисоветизма, нужно было также воспрепятствовать трансформации внутривнутриполитических конфликтов в борьбу за власть, следовало идти по пути компромиссов и постепенного преобразования, а не стремиться к ликвидации существующей системы.

* * *

При оценке польских событий на Западе и в самой Польше часто говорят о революции или, исходя из толкования Адама Михника, Яцека Куроня и других, об "ограниченной революции". Но, оценивая таким образом события в Польше, следует помнить о закономерностях революций. История учит, что как только революция достигнет "мертвой точки", т.е. момента, когда мирными средствами уже невозможно заставить власть идти на уступки, а власть уже не может мирными средствами воспрепятствовать дальнейшей радикализации народных масс, эта "мертвая точка" преодолевается применением силы. В Польше радикальное, противоречивое и все-таки недостаточно организованное народное движение было безоружным и не хотело браться за оружие, поскольку в этом случае советская интервен-

ция была бы неизбежной. Власти же, напротив, великолепно вооружены. Исходя из этого, не следовало обольщаться иллюзиями о слабости правительства, а ожидать удара именно от него.

* * *

Не удивительно, что поляки так открыто стремились к абсолютной свободе. Это право всех народов мира. Но в Польше, как и в других странах, политика — это не осуществление мечты, а "искусство возможного". С такой точки зрения события в Польше свидетельствуют о слабостях сторонников перемен, и эти слабости, вероятно, присущи эмансипационным процессам и в других восточноевропейских государствах. Часто говорят о различии политических культур стран Восточной Европы и советской. Однако сейчас уже и в странах Восточной Европы значительную часть населения составляют люди, выросшие в условиях диктатуры, не имевшие возможности научиться искусству переговоров, достижению компромиссов между различными интересами и взглядами. Поэтому, когда в переживающей кризис, ослабевшей тоталитарной системе возникают независимые организации, они против воли своих руководителей превращаются в оппозиционную силу, вступающую в борьбу за власть. Но для такой победы нет необходимых условий. Очень важно, чтобы независимые силы в стране, если они отвергают вооруженное столкновение, признали возможность реформ и компромиссов, и только в таком случае они смогут более эффективно сдерживать радикальные настроения широких масс.

* * *

Польские события 1980-1981 гг. развивались в значительной степени под влиянием теории "параллельных структур"... В соответствии с этой теорией, "ревизионизм и реформизм" после поражения польского октября 1956 г. и чехословацких событий 1968 г. обанкротился, и ничего хорошего от правящих коммунистических партий ждать не приходится. Освободительное движение должно формироваться вне партии и системы как независимая сила, и ему незачем искать союзников в официальных кругах. На режим следует постоянно давить, и только это давле-

ние может заставить власти пойти на реформы. Более радикальный вариант этой теории предполагает, что такое давление утомит режим, сделает его беспомощным, и в результате он будет заменен иным, причем об этом ином говорится лишь в общих чертах — что он будет плюралистическим и признает общественное самоуправление.

Эту теорию породила обстановка 70-х годов, когда оппозиционные силы всех стран советского блока формировали свои позиции. Она, безусловно, способствовала возникновению "Солидарности" и других независимых польских организаций...

Однако после возникновения "Солидарности" для дальнейшего развития демократических реформ требовалось сотрудничество параллельных структур с реформистами в правящей партии и укрепление их позиции. Но по теории "параллельных структур" независимые народные движения не могут иметь ничего общего с коммунистами. В такой обстановке коммунисты-реформисты более радикального толка вышли из партии, а более умеренные перестали поддерживать независимые движения, т.е. позиция коммунистов-реформистов не только не укрепилась, а, напротив, в партии усилилось влияние консервативных элементов.

* * *

Более того. Теория "параллельных структур", отвергающая какое-либо сотрудничество с режимом, помешала определить момент, когда из-за отсутствия такого сотрудничества независимое движение утратило влияние на развитие событий. Слабые и неинституционализованные движения протеста, существовавшие до 1980 г., могли позволить себе такую независимость, которая к тому же их защищала. Это относится и к "Хартии 77" в Чехословакии. Но такая организация как миллионная "Солидарность" не должна была игнорировать режим...

Учитывая горький опыт прошлого, можно понять, почему "Солидарность" отказывалась брать на себя ответственность за какие-либо мероприятия без структурных перемен в экономике. Но и в этом "Солидарность" оказалась жертвой своих иллюзий. Нет сомнения, что польскую, и не только польскую, экономику может спасти лишь радикальная перестройка экономиче-

ской системы, но и без перестройки можно решить некоторые насущные проблемы, например, проблему снабжения. Напротив, могло случиться, что не опробированные институты, возникшие в результате радикальных перемен, не сразу станут функционировать эффективно, а, возможно, вначале они были бы хуже старых, и это могло бы скомпрометировать их в глазах общественности еще до того, как они свою деятельность наладят. Поэтому целесообразны были и временные, частные мероприятия, в осуществлении которых "Солидарности" следовало принять участие.

* * *

Дискуссия об ошибках польского демократического движения 1980-1981 гг. необходима, поскольку это поможет тем, кто в будущем окажется перед решением аналогичных проблем... Оппозиционные силы в странах Восточной Европы, разработавшие стратегию и тактику, которые соответствовали условиям 70-х годов, должны будут многое забыть и многое вспомнить.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И РЕФОРМИСТСКИЙ КОММУНИЗМ *

Концепция параллельных структур была разработана западными социологами, в частности, Р. Мертонем. Его концепцию можно свести к следующему: официальная политическая структура деформирует действия системы. Эти деформации в некоторой степени может устранить параллельная структура с определенными функциями по отношению к некоторым группам или подгруппам. Иными словами: действия официальных политических структур ведут к определенным отрицательным явлениям, недостаткам и т.п. В результате этого между людьми, группами, объединениями или институтами возникают независимые контакты, которые нейтрализуют дефекты официальных структур, смягчают их или даже устраняют (в экономике, например, неофициальной структурой является черный рынок, халтурная работа и т.д.).

С первого взгляда очевидно, что "параллельные структуры" — явление широко распространенное. Не следует каждую параллельную структуру в странах с коммунистическими правительствами отождествлять с диссидентством. Инакомыслие — лишь одно из проявлений параллельных структур, их особая категория. Один из сторонников параллельных структур чешский публицист Вацлав Бенда полагает, что

— большинство официальных политических структур функционирует либо недостаточно эффективно, либо просто наносит вред;

— следует постепенно создавать параллельные структуры, так как только они могут в какой-то степени выполнять необходимые функции общественного управления;

---

* Отрывки из статьи, опубликованной в журнале "Сведецтви", № 68 за 1983 г.

– такой план соответствует требованиям и сторонников реформы коммунизма (поскольку не ведет к конфликту с политической властью), и радикальных элементов (поскольку не питается иллюзиями о ”косметических” коррективах коммунизма);

– успех параллельных структур может в оптимальном случае привести к разложению официальных структур (точка зрения радикальных элементов) или их усовершенствованию (диагноз реформистов).

Далее Бенда перечисляет те области общественной жизни, в которых уже функционируют параллельные структуры: культура (главным образом, самиздатская литература), экономика (расхищение, коррупция, протекция, работа на стороне, черный рынок и т.д., что, по моему мнению, нельзя относить к инакомыслию). К параллельным структурам в экономике следует отнести также независимые профсоюзы и материальную помощь преследуемым по религиозным или политическим соображениям. Параллельная научная и педагогическая структура также существует уже ряд лет, сосредоточивая свое внимание на тех предметах, которые больше всего преследуются официальной идеологией – теология, философия, социология, политология, история и т.п.

Можно, таким образом, сказать, что параллельные структуры приемлемы как для радикалов, так и для реформистов. Почему же тогда сторонники реформы коммунизма так часто полемизируют со сторонниками параллельных структур?

Результат ли это недоразумения или действительно существуют причины для такого спора?

Следует отличать (это не значит, что следует выступать против) стремления реформировать коммунизм, проявившиеся в 50-х – 60-х годах, от диссидентских движений послехрущевской эры. Это не только разные явления, они отличаются также во времени: в период наибольшего подъема реформистских движений движения диссидентов были чересчур слабы, а когда усилилось инакомыслие (главным образом, в 70-е годы), то в большинстве восточноевропейских государств реформистский коммунизм был уже мертв. Кроме того, реформистский коммунизм был движением, развивавшимся внутри официальных партийных и государственных структур; диссидентское же движе-

ние, развившееся после поражения и упадка реформистского коммунизма, действовало вне официальных структур власти.

Что касается понятий "реформа коммунизма", "реформизм", следует, по нашему мнению, определить их более четко. Прежде всего не надо забывать, что не каждая "реформа", не каждое частное преобразование коммунистического режима происходило по инициативе "коммунистов-реформистов". В восточноевропейских странах коммунистическая партия обладает монопольной властью или, как минимум, гарантированной законом гегемонией (играет "руководящую роль"), причем не только в политической жизни, но и в идеологии, экономике, культуре, спорте — практически, во всех областях общественной жизни. Именно поэтому любые перемены и "реформы", если они происходят в режимах советского типа, должны быть осуществлены или, по крайней мере, одобрены коммунистической партией. Однако в некоторых случаях отдельные перемены или "реформы" проводятся в результате нажима "снизу", нажима групп, находящихся вне партийного аппарата. Так, например, в Польше в 80-е годы были осуществлены перемены, которые не имели ничего общего с либеральной политикой коммунистов-реформистов, поскольку они были проведены под давлением снизу, со стороны рабочих, вопреки желаниям коммунистического руководства. Различие между реформами вообще и "реформистским коммунизмом", который является лишь одним, но не единственным рычагом проведения реформ — принципиально. Коммунисты-реформисты, критикующие "радикальные элементы" и сторонников "параллельных структур", как правило, отождествляют любую реформу с реформистским коммунизмом, и на основе этой ложной предпосылки приходят к ошибочному выводу, что реформистский коммунизм представляет собой единственно реальную возможность осуществления перемен в рамках коммунистической системы. Противники же реформистского коммунизма, в свою очередь, необоснованно упрощают ситуацию, не различая, что сторонники реформистского коммунизма не составляют гомогенного целого. Некоторые коммунисты-реформисты полагают, что коммунизм в принципе явление положительное, и достаточно провести некоторые перемены, чтобы эта положительная сторона возобладала. Конечная цель для них — сама реформа. Другие же, напротив, рассматривают

реформу коммунизма всего лишь как наиболее реальный путь к хотя бы частичному облегчению жизни людей в тоталитарной системе. С представителями первого типа коммунистов-реформистов разумно полемизировать невозможно. С теми же, кто стоит на второй позиции, дискуссия не только возможна, но и необходима.

У этих людей уже нет никаких иллюзий относительно коммунизма, но они все еще не готовы признать, что реформистский коммунизм — не единственный путь, который мог бы привести к частичным переменам, что коммунизм вообще, и в особенности на нынешнем этапе ”реального социализма”, восстает против каких бы то ни было перемен, поскольку видит в переменях угрозу своему выживанию. Именно поэтому коммунистический режим идет на уступки лишь тогда и только тогда, когда он вынужден пойти на это, уступая давлению извне или снизу.

Те, кто верит в реформу коммунизма, аргументируют это тем, что такая реформа в интересах самих коммунистов. Они утверждают, что, с точки зрения наших критериев, таких как свобода, права человека, благосостояние, коммунистические режимы находятся в очень тяжелом положении. Однако эти люди забывают, что цель коммунистических режимов ничего общего с нашими целями не имеет, а потому отсутствие свободы, нарушение прав человека и наличие бедности не ставит сам коммунизм в кризисное положение.

ТРЕТЬЯ ЮГОСЛАВИЯ

Кажется, из-за событий в Польше не уделили должного внимания политическому, экономическому и духовному кризису, в котором безнадежно завязла Югославия. Лишь в последнее время в печати демократических стран стали появляться сведения, что инфляция в Югославии достигла 50%, безработица — 14%, не считая 1 млн. югославов, временно работающих в Западной Европе; долги капиталистическим странам достигли 20 млрд. долларов и намного превышают задолженность Польши в пересчете на душу населения.¹

Мало кто знает, что в Югославии, по официальным данным, ежегодно происходит не менее 500 забастовок на промышленных предприятиях,² коррупция достигла фантастических размеров и, по сообщению югославской печати, только в 1981 г. число преступлений против "социалистической собственности" возросло до 19.000;³ что недавно проведена новая 18%-ая девальвация, вторая за полтора года (30%-ая девальвация была в прошлом году⁴), что в октябре финансовыми мерами существенно ограничена возможность югославских граждан ездить за границу, а это было главным и основным отличием югославского "либерального" социализма от стран Восточной Европы.

Не привлекли особого внимания специалистов даже "контрреволюционные" национальные волнения в южной части страны, населенной преимущественно албанцами, и введение там военного положения, которое существует уже полтора года.

Однако у внимательных наблюдателей югославской действительности нет сомнений, что кризис в Югославии не временный, а структуральный, что он вызван самой системой, и только сдерживался до поры до времени железной рукой Тито. Рушатся одновременно обе фундаментальные идеологические установки, на которых десятилетиями основывалась диктатура югославского Союза коммунистов: "самоуправление" внутри страны

и движение "неприсоединившихся" государств во внешней политике. "Неприсоединившиеся" государства вместо дружного противостояния и Востоку и Западу воюют между собой (Вьетнам и Кампучия, Иран и Ирак, Эфиопия и Сомали и т.д. и т.п.); лидером всего движения стала воистину "неприсоединившаяся" Куба, и стало очевидно, что "рабочее самоуправление" в Югославии — всего лишь фасад, за которым всегда скрывалось неприглядное лицо однопартийной монополии "нового класса".

Смерть Тито, как и следовало ожидать, вызвала такие же процессы в Югославии, как и смерть Сталина в СССР и смерть Мао Цзэдуна в Китае. Хотя собравшийся после кончины Тито съезд партии не превратился в подобие XX съезда КПСС с его критикой "культы личности", а наоборот, прошел под знаменем клятвы верности почившему "кормчему", югославская печать в 1983 г. мало чем отличается от советской печати времен "оттепели" после XX и особенно после XXII съездов. Впервые за 30 с лишним лет запретная тема о страшных концлагерях на островах в Адриатическом море начала бурно обсуждаться в печати, где публикуются воспоминания выживших, письма читателей, и даже появились два романа на лагерную тему. Правда, за критические высказывания о Тито все еще сажают, и еще нигде открыто не говорится, что Тито — главный ответчик за все грехи югославских коммунистов — за лагеря, тюрьмы, массовые расстрелы во время и после гражданской войны в Югославии; за построенные по политическим соображениям фабрики, ставшие ныне тяжким бременем югославской экономики; за насильственную коллективизацию, проведенную уже после разрыва со Сталиным — в 1948 г., после которой югославское земледелие все еще не оправилось, хотя колхозы были распущены через пять лет (в 1953 г.), и за многое-многое другое. Но все же в этом году появилось несколько книг-мемуаров долголетних соратников и сотрудников Тито, в которых, вопреки обязательным возданиям "гениальности" почившего маршала и генсека, довольно правдиво обрисован жестокий, коварный и нередко трусливый диктатор, мало чем отличающийся от других, ранее умерших "вождей народов". Особенно большой шум и даже частичный запрет вызвали первые два тома новой биографии Тито, написанные Владимиром Дедиером, прежним "официальным" его биографом. Парадоксально, что чтение новых книг Дедиера,

напечатанных в Югославии, несмотря на постоянные его клятвы в верности Тито, вызывают намного худшее впечатление о нем, чем книга диссидента Джиласа, напечатанная только на Западе.

Для всех сторонников "югославского пути" к социализму чтение нынешней югославской прессы должно быть чрезвычайно неприятным. Люди, верящие в возможность "хорошего" и "справедливого" однопартийного строя, начинают видеть его в истинном свете только после смерти вождя, когда начинается критика "культы".

Все, десятилетиями накапливавшееся в социальной, политической и экономической жизни страны и скрыто сдерживаемое силой монополярной партии, теперь вырывается на свет Божий. Впервые появляются десятки открытых протестов, петиций, требований, подписанных сотнями интеллектуалов Белграда, Загреба, Любляны. Требуют амнистии для политических заключенных, независимости прессы, исключения из Уголовного кодекса статьи о "клевете на строй"; выступают в поддержку польской Солидарности (за что уже начали сажать). Пока что, несмотря на публичные и междуусобные обвинения партийных вождей, также доселе невиданные, и ежедневные повторения, что необходимо срочно "исправлять систему и ликвидировать отрицательные навыки", власти на этот поток публичных протестов и требований отвечают усиленными репрессиями. За последние два года десятки диссидентов и сотни, если не тысячи, албанцев получили драконовские тюремные сроки, в связи с чем Международная Амнистия впервые опубликовала отдельный отчет о нарушениях прав человека и о положении узников совести в Югославии.

Борьба югославской тайной полиции с оппозицией отнюдь не ограничивается территорией страны. Недавно на нескольких судебных процессах в Германии стало явным то, что многие подозревали уже давно: многочисленные убийства политических эмигрантов на Западе отнюдь не были сведением счетов между представителями различных национальностей Югославии, а осуществлялись югославской тайной полицией.⁵

Жертвами югославской полиции чаще всего являются издатели, редакторы и корреспонденты эмигрантской прессы (за последние 15 лет убито около 40 человек). Причину этого факта надо искать в том, что миллиону югославских рабочих, живущих

на Западе, невозможно воспрепятствовать читать оппозиционную прессу.

Заметное ухудшение межнациональных отношений в многонациональном государстве и рост сепаратистских тенденций объясняются не только нормальным стремлением к свободной национальной жизни, десятилетиями скованной диктатурой, но и усилиями (в последнее время почти что открытыми) югославской партийной печати, действующей по принципу "разделяй и властвуй". Происходит видимая дезинтеграция Союза коммунистов Югославии на республиканские автономные партии. Случается даже, что некоторые книги, запрещенные в одной республике, не запрещены в другой. Однако это отнюдь не демократизация автономных республик, а лишь распад единого однопартийного строя на несколько таких же однопартийных.

При переходе от интернационального коммунизма к "национальным" власть партийной бюрократии, "нового класса" остается нетронутой, а противостоящие ей силы уходят на национальные междуусобицы, что, в свою очередь, опять-таки усиливает партийную монополию: большинство населения знает, что самая тяжелая диктатура все же лучше, чем межнациональная резня, вследствие которой коммунисты в Югославии и пришли к власти и о которой все еще свежи воспоминания. Так и в нынешней Югославии партийная диктатура, на первый взгляд парадоксально, является не только последствием прежних, но и причиной возрождения новых национальных страстей, и успокоить их может только демократизация страны. Невольно вспоминается, как 13 декабря 1981 г. генерал Ярузельский одновременно с арестом активистов "Солидарности" заменил красный флаг на здании ЦК ПОРП национальным польским флагом, а затем вернул польской армии ее традиционную национальную форму — шапки "конфедератки". От этого Польша, конечно, не стала более демократической.

Тем не менее, в сумерках нынешней послетитовской Югославии появилось нечто положительное, а именно демократическая оппозиция, не разделяющаяся по национальному признаку. В то время как Союз коммунистов Югославии явно перестает быть объединяющей силой в многонациональной стране, появляется идея "Третьей Югославии" — Югославии демократической.

Известны многочисленные петиции с требованиями демокра-

тизации, подписанные совместно диссидентами из разных национальных республик, и даже петиция в защиту арестованных албанских студентов от сотен студентов Белграда, Загреба и Любляны,⁶ хотя официальная пропаганда ежедневно выступает против "контрреволюционных" албанских демонстраций и раздувает антиалбанские настроения.

Еще недавно можно было иронизировать, что кроме Тито никто не назовет себя "югославом". Но последняя перепись населения, проведенная в 1982 г., показала, что именно так ответили на вопрос о национальности 5,6% населения (против 1,3% в переписи 1971 г.), и это вопреки партийному давлению в поддержку "республиканской" национальности. В диссидентских кругах появился символ "Третьей Югославии": три пальца, поднятые на манер двухперстного приветствия "Солидарности". На стенах и в самиздатских листовках изображается графический символ — буква "Ј" — заглавная буква Югославии, но не с одной, а с тремя точками: "Ј̣̣̣". Недавно о социально-политических предпосылках такого развития писал Милован Джилас в статье "По пути к Третьей Югославии".⁷

Эта оппозиция партийной монополии всполошила власти, так как в многонациональной стране настоящую угрозу диктатуре представляет не националистическая, сепаратистская оппозиция, а объединенная демократическая. Это понимают и кремлевские вожди, и польская правящая партия, выступившие с оружием против "Солидарности", выдвинувшей отнюдь не националистические, а демократические требования (свободные выборы, независимые профсоюзы, свобода печати, амнистия политзаключенным и т.д.).

Югославская печать полна нападок на "подписантов" и сторонников так называемой демократической альтернативы. Недавно видный хорватский коммунист, бывший министр иностранных дел Йосип Врховец публично заявил, что "петиционизм" является "продуманной атакой на наш социализм ... (это) идеология противостояния нашему социализму".⁸

Югославию нередко сравнивают с ретортой, в которой обраны все противоречия нашего мира — и восточные, и западные. Для этого есть веские основания: однопартийный строй восточного типа — и в то же время проблемы безработицы, как на Западе; промышленно развитый север и отсталый юг; католиче-

ская западная часть страны, православная восточная, мусульманские — центральная и южная; и к тому же обязательный государственный атеизм; монополия коммунистической партии — и вторая, подпольная компартия с двумя фракциями — просоветской и прокитайской; сильнейшие националистические стремления и официальный, якобы марксистский интернационализм и т.д. и т.п. Все, что происходит в Югославии, может быть экстраполировано за пределы этой небольшой балканской страны: ход событий в Югославии во многом является проработкой судьбы всей нашей планеты. Если Югославия окончит свой путь в хаосе и мраке межнациональной резни и безвыходной диктатуры или множества диктатур, то, возможно, что весь наш мир подстерегает такая же участь. И наоборот, если демократические силы, выступающие за "Третью", демократическую Югославию, окрепнут, — это будет означать возможность такого выхода из нынешнего мирового кризиса.

В 1948 г. Югославия, первая в истории, расколола монолитное в то время коммунистическое движение. Наблюдая ныне вооруженные столкновения между коммунистическими странами, трудно даже представить, насколько невероятной и невозможной казалась в те времена сама идея независимого от Москвы коммунистического государства. Сейчас таким же невероятным кажется переход от однопартийного социализма к плюралистическому. Югославия, которая, в отличие от Польши, не является членом Организации Варшавского договора, могла бы повторить 1948 г., на этот раз продемонстрировав миру возможность демократического социализма. Это и было бы рождением Третьей Югославии.

Примечания

- 1 Wall Street Journal, Oct. 13, 1982.
- 2 NIN, Beograd, July 11, 1982.
- 3 Borba, Beograd, July 1, 1982.
- 4 Wall Street Journal, Oct. 2, 1982.
- 5 Saarbrücken Zeitung, July 24; La Quotidienne de Paris. Aug. 13, 1981.
Die Zeit, May 7, 1982, "Yugoslavia – Freedom to Conform".
- 6 "Югославия – свобода послушания", Helsinki Watch Committee,
1982, p. 27.
- 7 В сборнике "Демократские реформы", Лондон, 1982.
- 8 "Danas", Загреб, 9 ноября 1982 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Франтишек Силницкий

К 60-летию ОБРАЗОВАНИЯ СССР

”Только пережитый опыт может заставить массы увидеть правду и расстаться со ставшими чересчур опасными иллюзиями”.

Густав ле Бон,
”Психология толпы”

Три революции произошли в России в первые два десятилетия нашего века, и в каждой из них проявился конфликт между центральной властью и нерусскими народами. Первая революция была подавленным бунтом, вторая — завершилась попыткой установить демократическое и плюралистическое общество. Но еще до решения этой задачи началась третья революция — большевистская, выдвинувшая легко усваиваемые и популярные в массах лозунги. Эта революция породила гражданскую войну, привела к уничтожению старых и строительству новых структур, восстановлению территории распавшейся было империи.

Активные составляющие всех этих революций — национальные движения нерусских наций за национальные и гражданские права — в третьей революции были пацифицированы идеей абстрактного пролетарского интернационализма. И не случайно, что с первого момента прихода большевиков к власти политики и историки не перестают задаваться вопросом, как же немногочисленной группе радикалов удалось не только прийти к власти, но и удержать ее; как удалось им организовать экономическую жизнь страны в соответствии с собственной идеологией и как

удалось им в весьма короткий срок реставрировать многонациональную империю?

Но прошло 60 лет, и сейчас основное внимание уделяется современному советскому государству, а строительство фундамента многонационального СССР стало темой исторических исследований и только.

Но уже древние римляне утверждали, что правительства и государства сохраняются при помощи тех идей, на которых они возникали. В этом смысле официальный ленинизм как идеология КПСС и СССР остается в силе, независимо от того, верит ли гражданин страны "реального социализма" в коммунизм как счастливое будущее человечества или нет. Ленинизм остается в силе как идея, положенная в основу при образовании СССР, как метод правления, направленный на сохранение тоталитарного многонационального государства, и как оправдание средств, которыми пользуется КПСС для достижения своих целей.

Национальная проблема была одной из серьезнейших в Российской империи и остается важнейшей проблемой СССР. Русификация, ассимиляция, национальный гнет, захват нерусских земель русскими переселенцами — все это было и в дореволюционной России. И все-таки нерусские нации развивали свою культуру, национальное и политическое сознание. Об этом свидетельствует публикуемая в этом выпуске статья Л. Штернберга "Инородцы". Существовали и русские партии шовинистского толка. В программе партии "Всероссийский национальный союз" было записано:

"Без приятных ужимок и лицемерных оговорок мы ввели в наш устав первый догмат национальности — господство своего племени в государственной черте. Мы, Божьею милостью, народ русский, обладатель Великой, Малой и Белой России, принимаем это обладание как исключительную милость Божью, которую обязаны дорожить и которую призваны охранять всемерно. Нам, русским, не даром далось это господство; ни с того, ни с сего делить добытые царственные права с покоренными инородцами — что же тут разумного, скажите на милость? Напротив, это верх политического слабоумия и представляет собой историческое мотовство, совершенно подобное тому, как в купечестве

’тятенькины сынки’, получив миллион, начинают разбрасывать его лакеям и падшим женщинам. Сама природа выдвинула племя русское среди многих других как наиболее крепкое и даровитое. Сама история доказала неравенство маленьких племен с нами. Скажите, что тут разумного идти против природы и истории и утверждать равенство, которого нет? И справедливо ли давать одни и те же права строителям русского государства и разрушителям его?”.¹

Не все, разумеется, политические партии дореволюционной России разделяли позицию ”Всероссийского национального союза” в национальном вопросе, но ни одна из русских политических партий не разработала программы обеспечения национальной свободы и независимости нерусских наций – т.е. в Российской империи никогда не были определены правовые установки, опираясь на которые нерусские нации могли бы проявить свою волю, хотя уже с начала XX века, по мере развития национального сознания нерусских наций становилось совершенно очевидным, что в России, как и в других многонациональных государствах, национальная проблема становится серьезным политическим фактором. Эсеры, правда, допускали федерацию как государственную форму России, но их программа не была достаточно четкой. Общим положением программ всех остальных политических партий России было сохранение единого государства. Более того, 15 июля революционного 1917 года партия кадетов вообще вышла из Временного правительства в знак протеста против готовности правительства пойти на некоторые уступки Украине, требовавшей автономии. Таким образом, кадеты, ради защиты интересов империи, ослабили первое в истории России демократическое правительство. Позиция кадетов отражала подход к национальной проблеме большинства политических партий в то время.

”Великорусское общественное мнение, – писал уже в 1910 г. М. Славинский, – до самого последнего времени мало занималось национальными вопросами, плохо оценивая их важность для такого пестрого в племенном отношении государства как Россия. Имперская национальная политика принималась обществом как нечто обычное и

должное, без протеста, иногда с сочувствием, чаще всего с равнодушным безразличием... Редкие протесты подавляемых народностей выслушивались с нетерпеливой и неохотной скукой, как нечто надоевшее и постылое, как безнадёжная тяжба обивающего пороги истца”.²

Это безразличие к претензиям нерусских наций, к их правам, а, следовательно, и к правам человека, характерно не только для Российской империи, но и для СССР, хотя победе большевиков в значительной степени способствовал именно выдвинутый ими лозунг о равенстве и свободе наций и их праве на самоопределение. Значение национальной проблемы и нерусских областей империи вообще как революционного фактора большевики поняли великолепно. Еще до революции они изучали теорию национальной проблемы и отношения между нациями и центром и наций друг с другом в другой многонациональной империи, — в Австро-Венгрии. Однако, предложенную австрийскими социал-демократами идею культурно-национальной автономии большевики отвергли. Для большевиков, которые отрицали возможность эволюционного развития общества, реформы вообще, и при решении национальной проблемы, в частности, были неприемлемы, хотя на словах они признавали равноправие наций. Именно поэтому большевистская программа решения национальной проблемы была радикальной. Об этом тоже писал М. Славинский:

”В программе социал-демократической партии, охотно рисующей будущий социальный и политический строй в самых детальных подробностях, будущее национального вопроса осталось вне поля зрения; партия не сумела даже различить границ этого вопроса от соседнего, но далеко не идентичного с ним вопроса областного”.³

Такое упущение и такая ”безграмотность” не были случайными. Выдвинув лозунг о праве наций на самоопределение, большевики (и меньшевики) воспользовались самым популярным среди угнетенных наций лозунгом, не обязывая себя при этом к какой-либо конкретной деятельности в этом направлении. Ведь партийная идеология исходила из тезиса, что национальная проблема

должна быть подчинена интересам ”классовой борьбы пролетариата”. При таком подходе национальное сознание, национальная культура, национальная независимость и свобода отодвигаются на второй план. На практике большевики стремились к трансформации *национальных* движений в движение *пролетариата* данных наций. Последствия этой политики сказались на всей шестидесятилетней истории СССР.

Программа по национальному вопросу, принятая на II съезде РСДРП, была конкретизирована на Поронинском совещании в 1913 г. На этом совещании лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения от империи и создания самостоятельного государства был окончательно лишен какого-либо содержания, поскольку в поронинских документах подчеркивалось, что вопрос об отделении недопустимо смешивать с вопросом о целесообразности отделения.⁴ На этом же Поронинском совещании большевики заявили, что они оставляют за собой право решать этот вопрос не как принципиальный, а для каждой нации отдельно, исходя прежде всего из интересов ”социализма”.

На подход большевиков к национальной проблеме, когда они были оппозиционной партией, влияли многие политические факторы, в частности, проблемы внутривнутрипартийной организации. Составная часть российской социал-демократии — еврейская социал-демократическая организация Бунд — выступила на II съезде РСДРП с требованием построить социал-демократическую партию России по федеративному принципу — как партию, объединяющую национальные партии. Для Ленина и его соратников было, однако, совершенно очевидно, что федерация означает союз равноправных партнеров и самоуправление внутри национальных организаций, а это означало бы конец централизма, концентрации власти в руках вождя или верхушки.

”Твердость Ленина и его сторонников, — говорится в истории КПСС, — отстаивающих идею создания марксистской партии на принципах пролетарского интернационализма, победила”.⁵

Сам Ленин назвал эту партию ”партией пролетариата всех национальностей России”,⁶ но в письме Горькому охарактеризовал ее более конкретно:

”Насчет национализма вполне с вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для ’Просвещения’ большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы... У нас на Кавказе с.д. грузины + армяне + татары + русские работали *вместе*, в единой с.д. организации *больше десяти лет*. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение. Так было и в Риге: русские + латыши + литовцы; отделялись *лишь сепаратисты* – Бунд. Тоже в Вильно... Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас *не будет*. Не пустим! Да и нашего брата, великоруссов, здесь побольше. С рабочими не пустим ’австрийского духа’.”⁷

Мы видим, что еще до захвата власти, вопрос о ”пролетарском интернационализме” Ленин на самом деле решал ”русским большинством”. При этом Ленин-идеолог продолжал утверждать, что не нация, а класс является предметом интереса коммунистической партии, а потому ”пролетарский интернационализм” и классовая борьба составляют содержание революции. И не удивительно, что национальное сознание, защиту национальных интересов самой нации Ленин считает вредным делу рабочего класса, поскольку национальное сознание ”является продуктом интересов буржуазии и относится к эпохе капитализма”. Этот свой подход к национальному вопросу, который большевиками всегда рассматривался только как вопрос нерусских наций, Ленин сформулировал в общем положении:

”Пролетариат же не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив, предохраняет массы от таких иллюзий”.⁸

Как идеолог Ленин понимал, что чем менее конкретен и точен политический лозунг, тем легче его включить в программу. Поэтому, приветствуя ассимиляцию и слияние наций,⁹ Ленин далее не уточняет, кто и с кем должен ассимилироваться и как это произойдет (ведь речь идет о людях!), какие нации в результате слияния исчезнут. Однако именно на эти лишенные конкретного содержания лозунги по сей день ссылаются советские политики, проводя политику русификации многонационального Со-

ветского Союза и формирования "новой исторической общности — советского народа".¹⁰

Но вернемся к истории с Бундом.

"Последовательные искровцы понимали, — говорится в истории КПСС, — что значение вопроса неизмеримо шире взаимоотношений партии с Бундом... Раздробление партии по национальному признаку ослабило бы ее как борца за сплочение и освобождение угнетенных народов".¹¹

И действительно, вроде бы незначительный эпизод — дискуссия о положении Бунда в партии, включенная ленинцами в первый пункт повестки дня на II съезде РСДРП, и решение, принятое по этому вопросу, оказали огромное влияние на дальнейший ход истории России. Исключив Бунд, ленинцы отказались от строительства партии по федеративному принципу, от создания партии как союза равных, и это решение два десятилетия спустя логически определило положение наций в формально федеративном Союзе ССР, где право решать свою судьбу не признается ни за индивидуумами, ни за нациями.

Решение исключить Бунд было обусловлено интересами ленинской фракции — и только. Несмотря на все разговоры о мировой революции, большевики были партией, которая действовала в России, и их первоочередной целью был приход к власти в России. Это надо понимать буквально — в России, в многонациональной империи, а не только в Великороссии.

Но тот же Ленин, который на II съезде РСДРП изгнал бундовцев и выделил большевиков в особую партию, в 1906 г. снова мирится с Бундом и даже включает его представителей в ЦК РКП(б). Интересно, что документ, в котором Ленин сам оценивает этот шаг, был впервые опубликован в 1937 г..

"Число членов нашей партии, — пишет Ленин, — теперь свыше 100 тыс. человек: 31 тыс. были представлены на объединительном съезде, затем около 26 тыс. польских социал-демократов, около 14 тыс. латышских и 33 тыс. еврейских".¹²

Стремление укрепить партию количественно вовсе не изменило отрицательного отношения Ленина к идее союза националь-

ных партий и национального представительства в руководстве партией. Уже в 1914 г. он называет интернациональную социал-демократическую партию России партией склоки, разочарований, обид и взаимных помех, "федерацией худшего типа"... "Это – гнилье! Долой это гнилье!"¹³

Тогда же Ленин заявляет, что большевики против отделения нерусских наций от империи и что о праве наций на самоопределение вплоть до отделения они говорят лишь потому, что черносотенцы и великорусские националисты испоганили дело национального сожительства. В письме С.Г. Шаумяну Ленин подчеркивает, что целью большевиков является большое государство, централизация, т.е. твердая власть правительства над всем и всеми, единая экономика, требующая единого (русского) языка.¹⁴ В этом же письме Ленин отвергает также федерацию как непригодный тип организации многонационального государства, ссылаясь на то, что "федерация – это союз равных, требующий общего согласия", а возможно ли право одной стороны на согласие с ней другой, – спрашивает Ленин и сам же отвечает: "Это абсурд".¹⁵

Что же побудило большевиков после революции согласиться на федеративную форму советского государства и даже на отделение от России Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши? Отчасти большевики стали жертвой собственной политики – ведь они обещали нерусским народам право на отделение от русского государства. Но на деле вопрос решился соотношением сил между национальным движением в каждой из этих республик и правительством Ленина.

Гражданская война в России – это не только "социальная" война, но и война за реставрацию распавшейся после революции многонациональной империи. И именно в этой национальной войне большевики иногда побеждали, а иногда и проигрывали, оказываясь вынужденными идти на временные перемирия и компромиссы. Только ради сохранения власти большевики пошли на некоторые уступки национальным движениям. Только ради сохранения власти уже после формирования независимых советских республик большевики повернули на 180 градусов и согласились на федеративное упорядочение многонационального государства. Укрепив свою власть, большевики трансформировали формальную федерацию в диктатуру центра.

На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. была принята новая программа "по национальному вопросу", которая призывала "трудящихся угнетенных народов объединиться в сознательном союзе". В этой программе подчеркивалось, что русские рабочие и рабочие других угнетающих наций должны вести себя

"... с особой осторожностью в отношении к национальному чувству угнетенных (например, со стороны великороссов, украинцев и поляков по отношению к евреям, со стороны татар к башкирам и т.п.)".¹⁶

Не следует забывать, что Ленин считал национальную проблему вопросом второстепенного значения, а политическими представителями наций – только трудящихся, которых, в свою очередь, могли представлять только большевики. Сама партия уже была организована по ленинскому принципу интернационализма и централизма, так что схема совершенно ясна: большевистские организации в нерусских областях становятся составной частью единой партии и полностью подчиняются московскому ЦК. Национальные проблемы государства таким образом трансформируются в национальный вопрос внутри большевистской партии, а в политической жизни нерусских наций национальная проблема как вопрос выживания нации просто отбрасывается.

Коротко ленинскую программу решения национальной проблемы можно сформулировать так: вашим (т.е. нерусских народов) правом является стремление к отделению, а нашим (центральной власти) правом является право не соглашаться. Совершенно точно эту большевистскую практику охарактеризовал Сталин:

"Центральная Россия, – писал он, – этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия... Более развитая центральная Россия не может довести до конца дело революции без поддержки менее развитых, но богатых необходимыми ресурсами окраин России".¹⁷

Однако политическая обстановка того времени требовала некоторой модификации этой совершенно четкой программы.

Именно поэтому тезисы Ленина об ассимиляции, сближении и слиянии были дополнены лозунгами о добровольном союзе народов, о двух видах национализма — угнетенных и угнетающих наций. Говорилось также о том, что национально-освободительное движение угнетенных наций следует использовать в борьбе против западных держав.¹⁸ Международный аспект национальной проблемы, в частности, использование национально-освободительного движения в интересах мировой революции, обсуждался на Конгрессе народов Востока (Баку, сентябрь 1920 г.), на конгрессах Коминтерна и других съездах представителей этой организации.¹⁹

При попытке той или иной нации реализовать свое право на отделение в действие вступала Красная армия РСФСР. Для этого было достаточно, чтобы несколько "местных коммунистов" организовали "революционное выступление", заявили о том, что они борются с контрреволюцией и попросили Красную армию прийти на помощь. Эта тактика применяется Москвой до сих пор — в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Афганистане в 1980 г. Сейчас этот прием почему-то называют "доктриной Брежнева", но ведь уже 17 марта 1920 г., еще до образования СССР, Ленин в телеграмме политруку Кавказского фронта писал:

"Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно".²⁰

Еще более откровенно по поводу Грузии говорил Троцкий, подчеркивавший, что безопасность России требует введения в Грузию армии РСФСР. Большевики России, утверждал Троцкий, признают и поддерживают право наций на самоопределение, когда за него борются в феодальных, капиталистических, империалистических государствах. Но когда право на самоопределение становится оружием буржуазии против пролетарской революции, у большевиков нет причин, писал Троцкий, относиться к нему иначе, чем к другим принципам извращенной капиталистической демократии.²¹

Выше мы уже говорили, что сразу же после прихода к власти большевики на деле отказались от провозглащавшегося ими до революции лозунга о праве наций на отделение и заняли открыто великодержавную позицию, но неожиданно согласились на федеративное упорядочение советского государства. Нет сомнения, что наряду с внутривнутриполитическими факторами, в частности, со взрывом национального сознания нерусских наций, на решение большевиков формально допустить федерацию повлияли также факторы внешнеполитические. Первая мировая война, в которую включились и Соединенные Штаты Америки, приближалась к концу. Президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон, как и правительства Великобритании и Франции, поддержал тогда целый ряд европейских наций в их борьбе за самостоятельные национальные государства и сформулировал знаменитые принципы Вильсона. Ленин вынужден был с этим считаться.²²

Власть большевиков стабилизировалась в период, когда мир мировой революции уже начинал рассеиваться. Это, разумеется, сказалось и на национальной политике большевиков. Независимые национальные республики, образовавшиеся после революции 1917 г., стали самостоятельными не с благословения большевиков, а потому, что местные большевики и Красная армия РСФСР были в момент их отделения слабее национальных сил. Такие "окраины" как Белоруссия, Украина, Армения, Азербайджан, Грузия и Средняя Азия просуществовали как независимые от России государства всего пять лет, до их вторичного включения в многонациональное государство, на этот раз не в Россию, а в СССР. И то, что СССР был создан как "федеративное" государство, свидетельствует о жизнеспособности наций, о том, что в процессе их национально-освободительного движения они создали традиции национальной государственности, с которыми вынуждено было считаться и правительство советской России.

После образования СССР национальная проблема обсуждалась на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.). В то время еще можно было выступать с критикой великодержавного русского шовинизма. Но несмотря на ряд резолюций против него и критику Ленина, наступлению великодержавного шовинизма уже нельзя было помешать. В 1926 г. Сталин выступил против важнейших

принципов национальной автономии, в частности, против использования в государственных учреждениях нерусских языков.

”Нельзя заставить русские рабочие массы, — писал Сталин в письме Кагановичу, — отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский ... в то время, как западноевропейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к ’Москве’, ... украинский коммунист Хвилевой не имеет сказать в пользу ’Москвы’ ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от ’Москвы’ ’как можно скорее’.”²³

В этом же письме Сталин предостерегал, что движение за возрождение украинского национального сознания и украинской национальной культуры может перерасти в движение против культуры советской, может принять

”...характер борьбы против ’Москвы’ вообще, против русской культуры и ее высшего достижения — ленинизма”.²⁴

В конце 20-х — начале 30-х годов началась чистка в нерусских республиках СССР. Преследование обвиненных в местном национализме было исключительно жестким. Федерализм превратился в полную фикцию, а усиление власти Сталина над партией сопровождалось все большим подчинением национальных нерусских республик.²⁵ Казалось, что с ”национальным сознанием” покончено.

* * *

Однако прошло 60 лет, но национальная проблема по-прежнему остается одной из важнейших проблем в Советском Союзе. Решение этой проблемы по-прежнему остается одной из основных предпосылок изменения советской тоталитарной системы. Опыт наций, накопленный за эти 60 лет, помог им увидеть правду.

Примечания

- 1 Формы национального движения в современных государствах, С. Петербург, изд. Общественная Польза, 1910, стр. 296-297.
- 2 Там же, стр. 291.
- 3 Там же, стр. 297.
- 4 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1953 г., стр. 40, 315-316; В.И. Ленин, Соч. т. 19, 4-е издание, стр. 386.
- 5 История КПСС, т. 1, Изд. полит. литературы, Москва, 1964, стр.454.
- 6 В.И. Ленин, Соч., т. 19, 4-е изд., стр. 219.
- 7 В.И. Ленин, Соч. т. 35, 4-е изд., стр. 58-59.
- 8 В.И. Ленин, Соч., т. 20, 4-е изд., стр. 19.
- 9 Там же.
- 10 Больше всего русификация в области языка форсируется в решениях ташкентской конференции, посвященной преподаванию русского языка нерусским ("Русский язык – язык дружбы и сотрудничества народов СССР", 22-24 мая 1979 г.).
- 11 История КПСС, т. 1, Изд. полит. литературы, Москва, 1964, стр. 454.
- 12 В.И. Ленин, Соч., т. 11, изд. 4-е, стр. 168.
- 13 В.И. Ленин, Соч., т. 35, изд. 4-е, стр. 111.
- 14 В.И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4-е, стр. 452-454.
- 15 Там же.
- 16 См. В.И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 4-е, стр. 107.
- 17 И.В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 351.
- 18 См. В.И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4-е, стр. 136-140, 296-299, 340-341, т. 23, стр. 48-50.

- 19 Этой теме посвящена книга Д. Берснера (D. Boersner, *The Bolsheviks and the National and Colonial Question, / 1917-1928/*, Paris, 1957).
- 20 В.И. Ленин, Соч., т. 35, изд-4-е, стр. 378.
- 21 Цитируется по книге Д. Берснера (см. примечание 19).
- 22 См. V. Mamatey, *The United States and Central Europe 1914-1918, A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda*, Princeton University Press, 1951.
- Ф. Силницкий. Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 гг.; *Сучасність*, 1978, Мюнхен, стр. 243, 260-261; *Восьмой съезд РКП (б)*, Москва, Партиздат, 1933, Москва, ГИПЛ, 1959.
- 23 И.В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 151-153.
- 24 Там же, стр. 152.
- 25 M. Fainsod, *How Russia is ruled*, Harvard University Press, 1963, p. 370.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ ПО ПЕРЕПИСИ 1920 года

¹ Как известно, 28 августа 1920 г. была проведена первая перепись населения, организованная правительством Ленина. Советское руководство придавало ей большое значение, В.И. Ленин называл перепись делом "огромной государственной важности".¹ Перепись не удалась, так как она охватила всего около 70% населения.² Она не была проведена, хотя Ленин этого требовал, на большей части тогда "самостоятельных" советских республик Украины и Белоруссии, и не затронула многие азиатские районы. Да и в самой Европейской России жители, особенно мужчины призывных возрастов, отнеслись к этому мероприятию недоверчиво. ЦСУ в течение нескольких последующих лет производило административную оценку численности населения, и результаты этого учета практически заменили данные переписи.

Однако совсем не все материалы переписи заслуживают безоговорочного забвения. Напротив, многие сведения необычайно важны для понимания того времени. К числу таких результатов относятся, по моему мнению, данные о численности и национальном составе Красной армии, которые будут рассмотрены в этой статье.

Источником для исследования послужили ежегодные справочники ЦСУ за 1924-1928 гг., в которых в разделе Военная статистика публиковались сведения о Красной армии в 1920 году. Иногда составители прямо указывали, что речь идет о результатах переписи 1920 года.

²Приведенные в этих таблицах данные представляют результаты разработки переписи Красной армии и флота 1920 года (Труды ЦСУ, т. XIII. Итоги переписи Красной армии и флота 1920 года.). Перепись армии 1920 г. производилась одновременно с всероссийскими переписями 1920 года, причем перепись войск была выделена в совершенно особую операцию.

Материалы переписи были собраны ЦСУ и разработаны централизованным порядком отделом Военной Статистики. Все данные приводятся в относительных величинах, так как абсолютные цифры представляют из себя военную тайну. К сожалению, и относительные величины по цензурным условиям пришлось давать в сжатом виде”.³

Как видно из приведенной цитаты, авторы справочника предполагали специально изданной публикацией ЦСУ – том 13-й. Этой книги не удалось обнаружить в каталоге Ленинской библиотеки (это единственный номер, отсутствующий в перечне изданий ЦСУ). Нет его ни в библиотеке, ни в архиве ЦСУ, вероятно, он вместе с другими документами был уничтожен во время Второй мировой войны.⁴ Не ссылаются на эту книгу и ни Военная Энциклопедия, ни История Гражданской войны, ни другие современные исследования.

Возможно, эта работа вообще утеряна. Тем большее значение приобретают немногочисленные сведения, вошедшие в справочники.

Национальный состав Красной армии приводится в различные годы с неодинаковой полнотой и точностью. Сначала русские были объединены с белорусами (дань дореволюционной традиции) и кроме них выделялись только шесть народов: украинцы, поляки, немцы, евреи, татары с башкирами и литовцы вместе с латышами. По мере удаления от Гражданской войны заслуги латышей стали забываться и они, как народ в стране малочисленный, попали в прочие. Зато в списке возникли народы Поволжья и Кавказа. Сводка этих данных показана в таблице № 1.

Из таблицы видно, что подавляющее большинство в Красной армии составляли русские – 80%. Их доля в войсках почти в два раза превышает процент в населении Империи. Участие всех остальных народов, особенно украинцев, было заметно менее активным. Таков был ход Гражданской войны: национальные движения окраин стремились к государственной независимости и выступали против большевиков, а Советская власть, удержавшись в центре страны, проводила там массовые мобилизации коренного (русского) населения.

Рассмотрим, из кого состояла нерасшифрованная графа таблицы № 1 – ”Прочие”. В этой строке объединены несколько десятков народов, как входивших в Империю, так и иностран-

ных подданных,⁵ и составлявших вместе 2,72% общей численности армии. Для исследования воспользуемся данными о грамотности военнослужащих по отдельным национальностям (см. Таблицу № 2). В верхней части списка оказались народы, численность которых известна из таблицы № 1, причем они расположены в порядке убывания численности. Это важно отметить, потому что на 5-м месте находятся киргизы (киргизы — кайсаки — казахи), численности которых в армии мы не знаем. Среди дореволюционного населения на их долю приходилось 3,3%. Вероятно, высокое место в списке соответствует и высокому проценту этого народа в Красной армии.

В этом можно убедиться и другим способом. Подставим известную численность национальностей из таблицы № 1 в таблицу № 2 и оценим долю грамотных среди народов, численность которых нам не известна. Оказывается, она очень невелика — 23,7%.⁶

Это показывает, что абсолютное большинство в группе "прочих" составляют народы с невысокой грамотностью. Чтобы оценить их численность, предположим, что прочие разделяются на две категории: 1-я — казахи, калмыки, узбеки, сарты, персы — со средней грамотностью около 15%; 2-я — все остальные народы со средней (явно заниженной) грамотностью около 70%. Нетрудно увидеть, что в этом случае первая группа составляет пять шестых от "прочих", то есть 2,3% от всех военнослужащих.

Повторим те же рассуждения, но уровень грамотности второй группы возьмем более высокий — 90% (это соответствует предположению, что подавляющее большинство в ней составляют такие народы, как венгры, финны, эстонцы). Максимальная численность этой совокупности окажется 0,3% от армии.

Таким образом графа "Прочие" распадается на три составляющие:

1. Народы с малым числом образованных (казахи, калмыки, сарты, узбеки, персы); на их долю приходится около 2,3% от численности Красной армии;

2. Народы со средним уровнем грамотности (вотьяки, зыряне, карелы, молдаване, черкесы). Они составляют 0,1 — 0,3% от численности войск, вероятней всего — 0,2%;

3. Народы высокообразованные, жители западных окраин Империи и иностранные военнопленные (венгры, сербы, финны,

эстонцы). Они также могут составлять от 0,1 до 0,3%% численности, вероятно, около 0,2%.

Остается неясным вопрос: насколько представительны рассмотренные данные переписи. Ведь они учитывают около трех миллионов военнослужащих,⁷ а в тех же справочниках отмечается, что по специальному учету в августе 1920 г. числилось в Красной армии 3538 тыс. человек. Наконец, согласно документам Верховного командования, в это время в армии состояло на довольствии около 5 миллионов человек.⁸ Вопрос о численности и составе Красной армии заслуживает специального исследования, здесь же я лишь коротко укажу возможные причины несовпадения результата переписи со сведениями учета.

Дело в том, что к концу Гражданской войны Красная армия состояла из сравнительно немногочисленных боевых частей и огромных, разрастающихся как раковая опухоль, тыловых организаций, состоящих на армейском пайке. Почему это происходило? Вот как пытается ответить на этот вопрос один из самых авторитетных командующих того времени С.С. Каменев:⁹

”... Теперь два слова на тему о численности тыла и фронта. Цифры рисуют убийственную картину — ‘за каждым штыком на фронте стояло по десять едоков в тылу. Такая армия поглощала колоссальные ресурсы, полезный же эффект был самый ничтожный,’ — такой вывод историка по документам, подтверждающим эти цифры и свидетельствующим этот голый факт.

Но перенесем себя, хотя бы мысленно, в условия того времени, и постараемся уяснить, были ли причины к содержанию такого расточительного тыла, и если были, то можно ли признать работу этих десяти едоков ‘ничтожной’. Эти цифры являлись, несомненно, цифрами издержек, вызванных нерегулированностью снабжения фронтов и, в первую очередь, разрухой нашего производства и хозяйства. Они восполняли нехватку в подвижном составе нашего железнодорожного транспорта. Их же работа смягчала все кризисы, переживаемые фронтами. Если фронт переживал топливный кризис, то не подлежит сомнению, что сейчас же этот кризис отражался на разбухании наших тылов. Если фронт не получал продовольствия, обмундирования и

многого другого, то все недостающее восполнялось работой тыла того же фронта. ...

В восстановлении железнодорожных путей участвовали и организации Красной армии. Уже одна эта восстановительная работа требовала чрезвычайного напряжения тыловой службы. Здесь все цеплялось одно за другое. Пока железнодорожные линии не были восстановлены, Красная армия продолжала свои операции, пользуясь конским транспортом, и вот добавочный и к тому же временный конский транспорт попадал в число тыловиков.

Надо помнить, что все те, кто вел работу на фронте, получали пайки, независимо от того, были ли они красноармейцами или не были — а это, естественно, сейчас же отражалось на числе тыловиков.

Отсутствие своевременного подвоза из-за разрушения железнодорожного транспорта вынуждало фронт организовывать свои мастерские для производства текущего ремонта. ...

Следующим кризисом после транспортного был топливный... Вопрос заготовки дров для железных дорог вылился в конце концов в организацию фронтовых лесозаготовительных частей. ...

Несмотря на то, что фронт при общем голодном пайке всей страны питался удовлетворительно, все же на фронтах переживались продовольственные кризисы, причем выходить из них приходилось опять-таки собственными силами и средствами...

По подсчетам Главснабпродарма к началу 1920 г. в ведении продорганов состояло 130 таких (пищевых — М.) предприятий; конечно, эти предприятия работали не только на фронт. Позднее, в 1919 г., фронты вынуждены были обеспечить себя овощами и объемистым фуражом. ...

Были на фронте и пошивочные мастерские, и сапожные. ...

На фронтах были и свои школы краскомов. И это было не из капризов, не недоверием к работе центра, а необходимостью приблизить ту же обработку комсостава к частям. И все это повышало число тыловиков”.

Значительная часть этих огромных тылов не подпадала под во-

енную перепись, так как служащие военкоматов, милитаризованные рабочие, врачи и сестры госпиталей, заготовители и т.п. жили не в казармах, а в своих домах и тем самым автоматически проходили обычную, а не армейскую перепись.

Разделение данных переписи на фронтовые и тыловые войска подтверждает сказанное. Численность этих войск в справочниках не приводится, но из многочисленных процентных соотношений ее нетрудно восстановить. Например, говорится, что в полевых войсках женатые составляли 43,17%, в тылу 50,27%, а всего в сухопутной армии при численности 2900 тыс. — 47,36%.¹⁰ Отсюда следует, что в полевых войсках перепись учла 1190 тыс. человек. По сведениям Главного командования, в действующей армии числилось в это время 394 тыс. бойцов (всего 949 тыс. чел.), в штабах и ведомствах, подчиненных армии, — 45 тыс. бойцов (433 тыс. личного состава), в штабах и частях тыла фронта 38 тыс. бойцов (390 тыс. личного состава).¹¹ Таким образом, полевые войска по переписи включали, очевидно, всю действующую армию и подавляющее большинство военнослужащих, подчиненных армейским штабам.

Фронтовые штабы и многие другие подразделения, в том числе все сформированные для отправки на фронт части, входили в тыловые войска, численность которых по переписи составила 1710 тыс. чел. Не были учтены армейской переписью массы тыловых рабочих и служащих, работавших для армии, но не включенных в воинские формирования.

Таким образом, перепись учла наиболее беспособную, наиболее близкую к фронтам часть армии. Это видно, в частности, из дислокации войск, охваченных переписью: почти половина их находится вне Европейской России, а 151 тыс. вне страны (то есть, вероятно, в Польше), где как раз в это время разыгрывались кровопролитные сражения.

Относительно национального состава не учтенных переписью тыловых военнослужащих можно лишь высказать предположение, что он не должен был сильно отличаться от состава прочих частей Красной армии, так как сформирован тем же потоком мобилизаций, что и основная часть действующей армии. Можно даже предположить, что среди служащих округов был еще более высок процент русских, чем среди красноармейцев в действующей армии, так как большие военные округа (Московский, Орловский, Петроградский, Уральский, Приволжский,

Заволжский) охватывали территорию с преимущественно русским населением и естественно комплектовались из местных жителей.

Таким образом, с довольно высокой вероятностью можно утверждать, что перепись, результаты которой показаны в таблице № 1, полностью отразила национальный состав действующей Красной армии и вряд ли заметно исказила общий состав военнослужащих, с учетом работавших в тыловых организациях. Вопросы: какие именно группы военнослужащих не были охвачены переписью, территориальное размещение войск по переписи с данными Командования – требуют дальнейшего изучения.

* * *

Приложения:

Таблица № 1

**Национальный состав Красной армии
в 1920 и 1926 годах,
русской армии в 1913 г.,
населения страны в 1897 и 1926 годах
(в процентах)**

	А р м и я					С т р а н а	
	1913 %%	1920 %%	1920 тыс.ч.	1923 %%	1926 %%	1897 %%	1926 %%
1	2	3	4	5	6	7	8
Русские	77,7	79,54	2347	67,6	64	44,3	52,9
Украинцы	–	5,86	172	22,6	17,6	17,8	21,2
Белорусы	–	2,2	65	–	4,4	4,7	3,2
Поляки	8,7	0,77	23	1,1	0,9	6,3	0,9
Литовцы и латыши	1,7	0,73	22	0,7	–	2,5	0,1
Немцы	1,3	0,7	21	0,7	0,9	1,4	0,9
Евреи	4,0	1,35	40	2,2	2,1	4,0	1,8
Татары и башкиры	3,1	4,13	121	1,1	2,4	4,0	2,6

1	2	3	4	5	6	7	8
Чуваши	—	1,0	30	—	0,7	0,67	0,76
Мордва	—	0,5	15	—	0,9	0,82	0,92
Грузины	—	0,3	9	—	1,2	1,1	1,24
Армяне	—	0,2	6	—	1,0	0,93	1,07
Прочие	3,6	2,72	80	4,0	3,8	11,5	12,4

Всего 2951

В 1897 г. — сведения по родному языку.

В 1913 г. под русскими понимались собственно русские, украинцы и белорусы.

В 1923 г. — русские вместе с белорусами.

Источники: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. ЦСУ, М., 1924, стр. 54-55. Статистический справочник СССР за 1928; ЦСУ, М., 1929, стр. 50-51.

В.И. Козлов. Национальности СССР. М., "Статистика", 1975, стр. 34-35, 249-250.

Примечание к таблице № 1

Министр обороны маршал А.А. Гречко привел несколько иные цифры. По его словам, к концу войны в Красной армии насчитывалось русских 77,6%, украинцев — 13,7%, белорусов — 4%, латышей, татар, башкир и представителей других национальностей — 4,7%. *

Под концом войны, видимо, понимается 1921-1922 гг., когда в Красной армии уже прошла заметная демобилизация, затронувшая, в первую очередь, народы Поволжья и Азии. Возможно, на Украине, где прежде не было больших мобилизаций, она была проведена в это время. Но даже при этих условиях сокращение численности неславянских народов почти в 3 раза — с 12% до 4,7% — выглядит несколько удивительным. Известные данные

* Гречко А.А. Вооруженные силы Советского государства. М., 1974, с.130.

для 1923 г. дают для неславянских народов 10% (таблица № 1). Трудно сказать, что послужило источником для маршала: то ли недоступные нам сведения, то ли дурной национализм, преувеличивающий вклад русского и общеславянского элемента в "славной победе"?

Таблица № 2

**Грамотность военнослужащих мужчин
в связи с национальностью ***
(в процентах)

Русские —	86,15
Украинцы —	85,51
Белорусы —	86,58
Татары —	52,9
Киргизы** —	15,87
Евреи —	93,18
Поляки —	86,39
Немцы —	89,2
Латыши —	96,23
Мордва —	69,04
Армяне *** —	74,92
Башкирцы —	41,52
Венгерцы —	91,83
Вотяки —	67,55
Зыряне —	79,97
Калмыки —	18,79
Карелы —	77,35
Литовцы —	90,38
Молдаване —	61,8
Персы —	20,87
Сарты —	12,05
Сербы —	77,35
Узбеки —	11,0

Фины —	95,93
Черкесы —	69,87
Чуваши —	73,6
Эстонцы —	96,9
Прочие —	24,69
<hr/>	
Всего —	82,85

Источники:

Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923 гг. М., 1924, отдел IV, стр. 86-95.

* — в справочнике даны сведения по отдельным возрастам для каждой национальности. Наиболее содержательным является для нас отсутствие сведений. Так венгерцы и сербы не имеют данных до 20 и 22 лет. Башкиры, вотяки, зыряне и т.д. неграмотны старше 50 лет, что говорит отчасти и о малой численности этих групп.

**— киргизами называли при переписи 1920 г. казахов и некоторые другие кочевые народы Туркестана.

*** — грузины, вероятно, указаны вместе с армянами, как и в некоторых других справочниках.

Примечания

- 1 В.И. Ленин. Полное собр. соч., т. 51, стр. 352.
- 2 В Предварительных итогах переписи населения 28.8.1920 г. Тр. ЦСУ т. 1, вып. 1-3, М., 1920-1921 дается разработка результатов переписи для 58 губерний и отмечается, что в 13 губерниях перепись провести не удалось. Общая численность населения, рассмотренная этими первыми публикациями переписи, 102 млн. чел. (вып. 3, стр. 1), правда, в эту цифру входят губернии Азиатской России, оцененные отчасти по данным 1916-1917 гг. В дальнейшем ЦСУ уточняло данные переписи административным путем, увеличив численность населения в стране в 1920 г. до 131 млн. чел. Возросла и оценка численности по отдельным территориям. Например, разница в численности жителей Донской и Царицынской областей составила по сравнению с 1914 годом при первых публикациях несколько миллионов (эта цифра рассматривается некоторыми авторами как оценка потерь), а по уточненным данным – 360 тысяч (Статистический ежегодник 1921 г., вып. 1, Тр. ЦСУ, т. 8, вып. 3, М., 1922, стр. 9).
- 3 Сборник статистических сведений по Союзу ССР за 1918-1923 гг. ЦСУ, т.18, М., 1924, раздел 4, стр. 96.
- 4 Рассказывают, что в октябре 1941 г. архив ЦСУ был закопан во дворе, а в 1945 г., когда его откопали, оказалось, что многие документы испорчены. Начальство предпочло решить проблему кардинально и весь архив был так называемо съактирован (уничтожен).
- 5 В публикации "Итоги переписи населения 1920 г.", М., ЦСУ, 1928, стр. 7-8, 10 говорится, что при разработке двух таблиц, рассматривающих участников империалистической и гражданской войн, иностранцы были исключены. Смешно было бы, однако, предполагать, что они вообще не рассматривались в переписи населения или в переписи Красной армии. Наоборот, им было уделено повышенное внимание: задавался специальный вопрос о подданстве. Включены иностранцы и в опубликованные данные о национальном составе населения в 1920 г. Они, несомненно, фигурируют и в сведениях о Красной армии. Само упоминание в списке национальностей красноармейцев венгерцев и сербов подтверждает это. Более того, очевидно, что речь идет не просто о лицах данной национальности, а именно о военнослужащих (бывших военнопленных), так как среди них нет грамотных в возрасте младше 20-22 лет и старше 60 лет.
- 6 При расчете были сделаны небольшие допущения: в группе литовцев и латышей предполагается большинство латышей;

процент башкир и татар берется в пропорции к их численности в населении Империи (примерно 1 к 3); для грузин используется тот же процент грамотных, что и для армян. Даже при ошибочности этих предположений, возникающая погрешность не превысит 1%.

⁷ В публикациях ЦСУ численность Красной армии по переписи несколько отличается. Кроме цифры 2951 тыс. (2885 тыс. мужчин и 66 тыс. женщин) при распределении результатов переписи по территории суммарные цифры даны: 2942 тыс. (2860 тыс. мужчин и 82 тыс. женщин).

Правда, авторы говорят не о численности войск, а о населении, учтенном особым порядком, то есть армии и заключенных. Тем более, несколько меньшая численность мужчин кажется странной.

Труды ЦСУ, т. 8, вып. 3. Статистический ежегодник 1922-1923 гг., вып. 1, М., 1923, стр. 8

⁸ Директивы командования фронтов Красной армии. (1917-1922), т. 4, М., 1978, стр. 130-235.

⁹ С.С. Каменев. Гражданская война. 1918-1921, т. 2, М., 1928, стр. 1.

Каменев отвечает историку Н. Мовчину, который в статье "Комплектование Красной армии в 1918-1921 гг.", опубликованной в том же томе Гражданской войны, пишет о соотношении едоков и бойцов. Цитаты в статье Каменева из работы Мовчина.

¹⁰ Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923 гг. ЦСУ, т.18, М., 1924, стр. 92.

¹¹ Директивы. Цит. соч. стр. 180-185.

Карл Каутский

КОММУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ *

Экспроприация и организация

Всемирная война отбросила рабочий класс назад не только благодаря тому, что она вызвала одичание почти всех слоев населения, что она отсталые части пролетариата выдвинула на передовые посты его движения, что она, наконец, его бедствия безгранично преумножила и тем на место спокойного суждения отдала руководство отчаянию. Она способствовала упрощению его взглядов тем, что сильно развила казарменное мышление, то мышление, которое очень доступно и невежественному, на поверхности жизни обретающемуся человеку, и которое сводится к тому, будто голое насилие является решающим фактором во всемирной истории, будто достаточно обладать необходимой силой и беспощадностью, чтобы осуществить все, что угодно.

Само собой разумеется, не следует бить в набат по поводу отдельных ошибок и глупостей, совершаемых в революцию. Самым тяжким в истории является положение революции, в которой приходится считаться с совершенно новыми и до крайности неоглядными положениями. Было бы дешевеньким фарисейством, если бы наблюдатель пожелал из безопасного места или издали строго осуждать промахи людей, которые находятся в центре борьбы и несут на себе все ее тяготы и опасности.

Но зато настоятельно необходимо осуждать промахи, вытекающие не из неверного или недостаточного осведомления, а из ложного принципиального суждения, их с необходимостью обусловливающего. Они могут быть устранены только при преодо-

---

* Из книги: Карл Каутский, Терроризм и коммунизм, Изд-во Товарищества И.П. Ладыжников в Берлин. (Работа была закончена К. Каутским в июне 1919 г.)

лении такого суждения, и они являются угрозой каждому будущему революционному движению, если их оставляют без критического рассмотрения или даже приукрашивают и чтут — ради мнимых интересов революции.

Маркса и Энгельса в такой необходимой критике революции не останавливал их ”вулканический, революционный темперамент”.

Это, между прочим, показывает критика, с которой Энгельс осенью 1873 г. отнесся в лейпцигском “Volksstaat“ к восстанию, разразившемуся в Испании 5 июля этого года после провозглашения республики и подавленного в значительной доле уже 26 июля, — за немногими исключениями. (Восстание в Картагене продержалось до января 1874 г.)

Таким образом, еще до того, как восстание было ликвидировано, Энгельс опубликовал уже свою очень жесткую критику ”на эту исключительно позорную инсurreкцию ... современникам в назидание”.

Эта критика появилась в ряде статей: ”Бакунисты за работой” (“Volksstaat”, 31 октября, 2 и 5 ноября), вновь отпечатана в 1894 г. в “Internationales aus dem Volksstaat” Фр. Энгельса (Берлин, издание “Vorwärts”). Мы рекомендуем эту работу всем интересующимся большевизмом. Он предвиден там во многих местах, так как положение испанской революции давало много аналогий с положением нынешних коммунистов.

Энгельс начинает с указания на то, что в Испании интернационалисты в большинстве принадлежали к бакунинскому ”Аллиансу” и продолжает:

Когда в феврале 1873 г. была провозглашена республика, испанские аллиансисты очутились в очень тяжелом положении. Испания в промышленном отношении является столь отсталой страной, что там о немедленном полном освобождении рабочего класса не может быть и речи. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна будет пройти различные предварительные стадии и устранить со своего пути целый ряд препятствий. Прохождение этих предварительных стадий в наикратчайшее по возможности время, быстрое устранение этих препятствий и давала случай установить республика. Этот случай мог быть, однако, использован в форме деятельного участия рабочего класса в политической жизни.

Это означало бы участие в выборах в кортессы, в Национальное Собрание и в работе их. Бакунисты же хотели немедленно полного освобождения рабочего класса. Как средство для этого при тогдашнем положении Испании парламентская демократия была совершенно непригодной, сколь незаменимой она была для развития и созревания пролетариата. Участие "в каких бы то ни было выборах казалось им достойным смертной казни преступлением".

Что же хотели они ввести вместо избирательной борьбы? Советы рабочих депутатов, как средства "немедленного полного освобождения рабочего класса" еще не были изобретены. Бакунисты провозгласили генеральную стачку, расчленение Испании в бесконечные маленькие "кантоны" и с тем вместе — распыление общего движения в ряд местных и провозглашение "перманентной революции".

Концом песни был не только крах движения, развал всего испанского интернационала, но и "отказ бакунистов от провозглашенных ими позиций", которые они под давлением обстоятельств одну за другой должны были сдать.

Разве иначе обстоит теперь дело в России?

Несомненно, при возникновении настоящей революции среди рабочих России преобладал марксизм, а не анархизм. Как социалистическая теория, он нигде не получил такого признания, как именно там.

В продолжение десятилетий русские социалисты обращали нужду в добродетель и в отсталом земледельческом характере своей страны усматривали преимущество. Они думали, что остатки их деревенской общины особенно облегчают введение социализма.

То было большой заслугой русских марксистов, которые под руководством Плеханова и Аксельрода наперекор этому воззрению выработали и в долгой усиленной борьбе распространили убеждение, что при недоразвитости русского пролетариата и русского общества вообще неизбежная революция примет прежде всего буржуазный характер, хотя бы на долю пролетариата и выпала в ней выдающаяся роль.

Этот взгляд получил господствующее положение в русском социалистическом движении, пока революция не привела пролетариат к власти, которая поставила вопрос о немедленном ос-

вобождении в порядок дня, и пока носителями социализма была интеллигенция и высокопоставленная часть рабочего класса.

Последовательный марксизм оказался в необычайно тяжелом положении, как только революция втянула в свое движение огромные массы русского народа, которые знали лишь о своих нуждах, о своих стремлениях, и которые плевали на то, осуществимы или нет, общественно полезны или нет при данных условиях их требования.

И в этом положении марксизм большевиков не выдержал испытания. Массовая психология овладела ими, они отдались на ее волю. Несомненно, они стали, благодаря этому, господами в России. Другой вопрос — что от этого в конце концов получается и получиться должно.

Возводя народные желания на степень двигательной пружины революции, они выбрасывали за борт марксистскую систему мышления, для победного расцвета которой они раньше немало сделали. При их научной советливости и популярности имени Маркса, они думали ограничиться его словечком о "диктатуре пролетариата" — словечком, которым они завладели. С этим словом они думали обрести разрешение от всех грехов и снова — дух марксизма.

Революция зародилась во время войны. Солдаты устали вести ее. Большевики обратились в самых решительных защитников этого нерасположения продолжать борьбу. Они поощряли всеми мерами разложение армии, ни мало не заботясь о том, оказывают ли они этим содействие германской военной автократии или нет. Если победила не она, и дело поэтому дошло до германской революции, то вина в этом — не их.

Полный развал армии дал низшим классам полнейшую свободу. Крестьяне потребовали немедленной разбивки крупных имений и раздела их между собой в порядке частного владения. Что крупные имения перешли к крестьянству — было неизбежно, но при систематическом проведении, это движение могло пройти так, что техническое оборудование крупных имений не пострадало бы.

Для этого, впрочем, требовалось время, а крестьяне не хотели ждать.

Большевики расположили их в свою пользу тем, что, введя анархию в стране, они предоставили каждой общине полную сво-

боду действий, и пошел разгром имений в самых первобытных формах с уничтожением многих средств производства и техническим обнищанием. Крестьяне, в свою очередь, предоставили большевикам полную свободу действий в городах, где они расположили рабочих в свою пользу тем, что считались лишь с их желаниями, а не действительными условиями.

Пролетариат голодал, чувствовал себя угнетенным и эксплуатируемым, и настойчиво требовал немедленного свержения капиталистического ярма. И, делая ему угодное, большевики не имели времени ни для изучения, ни для размышления. Немногими тяжелыми ударами все здание русского капитализма было разбито в щепы.

Замена капиталистического производства социалистическим включает два момента: она является, с одной стороны, вопросом собственности, а с другой — вопросом организации. Она требует отмены частной собственности на орудия производства и перехода их в общественное достояние в форме государственной, коммунальной или кооперативной собственности. Но она требует также замены капиталистической организации общественной организацией производства и его функций в полном экономическом взаимосцеплении.

Из этих двух преобразований простейшим является преобразование собственности. Нет ничего легче, как экспроприировать капиталиста. Это — лишь дело силы, и не связано ни с какими социальными гипотезами. Издавна, до возникновения промышленного капитала, еще во времена одних только торгового и ростовщического капиталов, мы встречаемся с такими экспроприациями купцов, банкиров, заимодавцев — феодалами, князьями, даже народной массой. В средние века были экспроприируемы не только евреи, но, невзирая на религиозность эпохи, при случае и церковные, и орденовые сокровища. Так Филипп IV экспроприировал во Франции в начале XIV века необычайно богатый орден тамплиеров. Еще до того, как возник современный социализм, наивные души видели в благородном разбойнике, грабившем богачей и наделявшем бедняков, благодетеля человечества. Этот способ насаждения "социализма" был до крайности прост. Было в соответствии с отсталостью русского пролетариата, что Бакунин в 1869 г. непосредственно перед войной и Коммуной в воззвании к русской моло-

дежи указал ей на путь, которым шел атаман Стенька Разин, собравший шайку, с которой он гулял по южной России, пока правительство не захватило и не казнило его.

Не так просто, как экспроприация, проходит организация. Капиталистическое производство есть искусственный организм, мозг которого находится в капиталисте или его заместителе. И если хотят устранить капитализм, то нужно создать организм, который в состоянии функционировать и без капиталистического мозга так же хорошо, даже лучше. Это не так просто, как действия Филиппа IV или Стеньки Разина, это требует ряда предпосылок материального и морального свойства, высокого развития капиталистической организации не только производства, но и сбыта и доставки сырья; требует также наличия пролетариата, сознающего свои обязанности не только по отношению к ближайшим товарищам, а и ко всему обществу; выработавшего в себе привычки добровольной дисциплины и самоуправления долголетним пребыванием в массовых организациях; достаточно интеллигентного, наконец, для того, чтобы отличать возможное от невозможного, научно образованного, стойкого характером вождя — от бессовестного невежественного демагога.

Там, где этих условий нет, капитализм не может надолго и с успехом быть заменен социализмом. И в тех областях и разветвлениях промышленности, где эти условия достаточно высоко развиты, социалистическая организация должна быть заботливо подготовлена внимательным исследованием фактической обстановки, ибо формы, которые временно должна принять новая организация, не даны заранее для всех стран, всех времен, всех отраслей промышленности, не суть "совершенно готовые" утопии или вечные "идеалы", но под влиянием обстоятельств могут быть очень различными и для успешного действия должны наиболее целесообразно соответствовать условиям эпохи. Оба момента, устранение и организация, должны находиться в тесной связи, дабы вместо существующего производства не наступил хаос и полная приостановка деятельности. Какой-нибудь Филипп IV или Стенька Разин могли ограничиться одной экспроприацией, ибо они не имели в виду создать новый способ производства. Переход к социализму по такому простому рецепту построить невозможно.

Но массы были нетерпеливы, они не хотели ждать. Чтобы дать

им удовлетворение, большевики, придя к власти, рассекли процесс социализации на две части, разделили оба ее момента, хотя ни один из них без другого не способен создать ничего жизнеспособного. Они сначала поступили по преподанному Стенькой Разинным образцу, а затем принялись восполнять организацию. Что было тесно связано и могло действовать лишь в неразрывном единстве, было разорвано. Сам Ленин в своей брошюре "Ближайшие задачи советской власти" в апреле 1918 г. признает:

До сих пор на первом месте находились мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь на первый план выступает организация учета и контроля в производствах, в которых капиталисты уже экспропрированы, а также во всех остальных отраслях хозяйства.

Наша работа по организации под руководством пролетариата всеобщего учета и контроля производства и распределения отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов... С социалистическим преобразованием в этих отраслях (а области эти чрезмерно важные) мы очень сильно отстали именно потому, что учет и контроль недостаточно организованы.

Производства и отрасли промышленности подвергались экспроприации без предварительного исследования того, возможна ли их социалистическая организация. И в областях, где такая организация была бы возможной, довольствовались, прежде всего, одной экспроприацией, ибо только она и могла быть осуществлена без подготовки, а рабочие не хотели ждать.

Последствия сказались быстро. Экономическая жизнь России является отсталой в том отношении, что ее промышленность занимает по сравнению с земледелием лишь ничтожную часть населения. Но внутри этой промышленности преобладают современные формы колоссального производства. Они далеко переросли ту стадию, в которой находилась парижская промышленность 1871 г. Для этой, поскольку вообще могла быть речь о социализации, вопрос мог идти лишь о производительных кооперативах. Русские фабрики в огромной доле были с гигант-

ским производством, когда после устранения капитала ближайшей ступенью для них представлялся переход их к государству.

В производительных кооперативах доход рабочего зависит от работы его и его товарищей. Размер этого дохода определяется количеством продуктов, выносимых ими на рынок. Они сами должны заботиться о сбыте и о приобретении сырья. В перешедших к государству фабриках рабочие по-прежнему получают заработок — только не от капиталиста, а от государства. Высота их заработка зависела гораздо менее от продуктивности их работы, чем от нажима на государственную власть. Эта последняя должна была заботиться о сбыте, как и о сырье.

Нужна была бы прекрасно дисциплинированная и высоко интеллигентная рабочая масса, которая понимала бы, в какой огромной степени от продуктивности ее работы зависит общественное, а вместе с тем — и ее собственное — благополучие, чтобы при таких условиях производство велось успешно. Но и при такой рабочей массе можно было бы ожидать потребной производительности, если бы были приняты необходимые организационные меры, которые, помимо рабочих, предоставляли бы влияние на отдельное производство и всю отрасль промышленности — также государственной власти и потребителям, и если бы были введены побуждения к работе, могущие с лихвой заменить капиталистические поощрения.

Но в данном случае отсутствовала не только эта организация, но и необходимая интеллигентность и дисциплина рабочей массы — тем более, что война с ее последствиями и без того невежественнейшую и наиболее неразвитую часть рабочих довела до самого дикого возбуждения.

Правда, русский рабочий приносил из своей сельской общины высокое чувство солидарности, но объем его был так же ограничен, как и сама община. Оно распространяется только на небольшой круг его товарищей. Он относится равнодушно к великому общественному целому. На неутешительные явления, обнаружившиеся при таких условиях, большевики должны были жаловаться сами. Троцкий в своей брошюре "Работа, дисциплина и порядок спасут социалистическую советскую республику" говорит:

Революция, пробудившая в самых униженных сознание человеческой личности, естественно должна была на пер-

вых порях придать этому возбуждению крайний, если хотите, анархический характер. Это пробуждение стихийных инстинктов личности нередко принимает грубо эгоистический, или, употребляя философское выражение, "эгоцентрический характер" ... Человек стремится взять себе все, что он может; он думает только о себе и не проявляет склонности считаться с общим классовым положением. Отсюда — наводнение такого рода дезорганизующих настроений и индивидуалистических, анархических, грабительских тенденций, которые мы особенно наблюдаем в широких кругах деклассированных элементов страны, среди прежней армии, и затем между известными элементами рабочего класса.

То были совершенно иные элементы, не те, что в Парижской Коммуне уменьшали свой заработок, чтобы содействовать социализму.

Как при таких условиях складывалось производство в экспроприированных предприятиях, ясно. Заработки взвинчивались так высоко, насколько это удавалось, а работы давалось минимальное количество. Чтобы еще сильнее закрепить такое положение, были отменены аккордные работы. И вот обнаружались такие результаты, как на Путиловском заводе, поглотившем за определенный срок 96 миллионов государственной субсидии и давшем в общем итоге на 15 миллионов фабрикатов.

Только безграничное пользование печатным станком для изготовления денег позволило несколько отдалить неизбежное банкротство такого хозяйствования.

На фабриках работали мало, и в первую голову, рабочие уклонялись от неприятной, черной, докучной работы.

Вопрос, как поставить эти работы в социалистическом обществе, поскольку они неустранимы, издавна занимал социалистов. Фурье думал решить его тем, что предоставлял возиться с грязью "неряхам", ребятам, любящим копошиться в грязи.

Это юмористическое решение было, конечно, недостаточным. Единственное, отвечающее социалистическим основам и обещающее успех, конечно, — то, которое требует от техники устранения из утомительных, отталкивающих или нездоровых работ их вредных и отвратительных сторон. И покуда это не достигнуто,

остается сбалансировать эти стороны или особенно высокой оплатой или особенно коротким рабочим временем.

Новое решение нашли большевики. Хотя оно и не отвечало социалистическим основам, зато было в соответствии с "массовой психикой" возбужденных рабочих масс. Они просто-напросто ввели трудовую повинность. Но трудовую повинность не для рабочих. К чему возлагать на них повинность труда, когда под влиянием новых условий закрывались фабрики одна за другой — из-за недостатка сырья, топлива или расстройств транспорта, так что непрерывно росло число безработных.

Нет, трудовая повинность была возложена на тех, которых, под предлогом, что они не работали, объявили бесправными — на "буржуев".

Вместо общей "формальной" демократии республика советов ввела пролетарскую демократию. Только рабочим предоставлены были права, только они должны были получать достаточное продовольствие и охрану от государства. Трутни должны были оставаться бесправными.

По внешности — совсем социалистическая мысль, но лишь с маленьким недостатком. Почти два года существует уже советская рабочая республика, и до сих пор не разрешена загадка на премию: что есть рабочий? От различных коммунистов мы слышим различные ответы.

Вначале советы рабочих депутатов были не чем иным, как представительством рабочих крупных фабрик. Как таковые они являлись определенными, строго ограниченными организациями, бывшими очень важными для хода революции. "Идея советов" привела затем к тому, что вышедшее из всеобщего избирательного права Учредительное Собрание должно было быть замененным съездом советов. Однако базис для этих съездов был бы слишком узок, если бы ограничились лишь советами депутатов от крупных фабрик. Но как только вышли за пределы этих последних и пожелали исключить "буржуев" из закона об избирательном праве, так тотчас же очутились в безбрежном пространстве.

Черту между буржуа и рабочими нигде нельзя провести с точностью, она влечет за собой нечто произвольное, что делает идею советов очень податливой к возведению фундамента для диктатуры произвола и очень неподатливой — к созданию ясно и

систематически выработанного государственного устройства.

Именно что касается интеллигенции, — вполне зависит от вкуса советских учреждений: относить ли ее к буржуазии или нет, то же самое — в отношении ее избирательных прав, обязанности ее к трудовой повинности.

В советской республике у "буржуев" были отняты без всякого вознаграждения их производительные и продовольственные средства, не только все их политические права, но одновременно на них — и только на них — возложили трудовую повинность! Они — единственные в России, которые должны работать и все же бесправные, ибо они не работают!

В советской России в категории рабочих и "буржуев" зачисляются не по тем функциям, какие выполняются в настоящее время, а по тем, какие исполнялись до революции. "Буржуи" в советской республике рассматриваются как особый сорт людей, отпечаток которых нельзя ничем смыть. Как негр остается негром, монгол монголом, где бы они ни появились и как бы ни переодевались, так "буржуй" остается "буржуем", хотя бы он стал нищим или живет работой. И как живет!

"Буржуи" обязаны работать, но не имеют права искать работу, которую они умеют делать, или которая им всего больше по душе. Они принуждаются делать самую грязную и самую отталкивающую работу. И за это получают не повышенные, а самые мизерные рационы, которыми они далеко не могут утолить первого голода. Их продовольственный паек составляет четверть пайка красноармейского или содержимого советской республикой на ее фабриках рабочего. Там, где те получают фунт хлеба, на их долю приходится одна четверть, где для последних 16 ф. картофеля, на их долю — 4.

Из этих постановлений не веет духом стремления поднять пролетариат на более высокую ступень, "создать более высокие формы жизни", а лишь жажда мести пролетариата в ее первобытнейших проявлениях, — та мстительность, которая видит наслаждение в возможности потешиться наконец волю над обласканными до сих пор судьбой, лучше одетыми, лучше обставленными, лучше образованными.

При разнуздании этой воли, как двигательной силы революции, ее проявления в отдельных случаях идут, конечно, часто дальше, чем того хотели бы сами большевики. Так, например,

идея, что бывшие "буржуи" стали теперь бесправными ломовиками тех, кто раньше были их рабочими, вызвала к жизни такое постановление мурзиловского совета рабочих депутатов:

Настоящим совет уполномочивает товарища Григория Зарева реквизировать и доставить по его выбору и приказу в казармы расквартированного в Мурзиловке, брянского уезда, артиллерийского дивизиона 60 женщин и девушек класса буржуазии и спекулянтов. (Опубликовано д-ром Нат. Винч-Малеевым. "What are the Bolschewists doing". Lausanne, 1919, p. 10).

Было бы несправедливо отнести это постановление на счет большевиков. Оно, наверное, было для них столь же гнусно, как сентябрьские убийства для членов Конвента.

Но ужасна мысль, что в целой местной организации, хотя бы и единственной, ненависть и презрение к буржуазии могли принять такие размеры, что за ее представителями не только не были признаны права политические, но и простейшие человеческие, но и всякое человеческое достоинство.

Зрелость пролетариата

Естественно, что "массовой психике", принимавшей такие формы, и большевики не могли слепо потворствовать. После того, как "буржуи" были экспропрированы и объявлены вне покровительства закона, а пролетариат был возведен в святые, стали большевики вслед за тем подумывать о том, чтобы этих святых довести до зрелости, которая явилась бы предпосылкой всякой социализации и экспроприации.

Мы заранее знали, — говорит Троцкий ("Работа, дисциплина ..." и т.д.), — что нам не хватает необходимой дисциплины и исторической школы. Мы знали все это, но это ничуть не мешало нам с открытыми глазами идти к завоеванию власти. Мы были уверены, что мы всему научимся и все создадим.

Осмелится ли Троцкий взобраться на локомотив и пустить его в ход в уверенности, что он уже там, на ходу "все изучит и создаст"? Несомненно, у него оказались бы надлежащие способности, но хватило ли бы у него времени? Не сошел ли бы сразу локомотив с рельсов или не взорвался ли бы паровик? Прежде чем взять на себя ведение локомотива, надо овладеть его особенностями. Так, если пролетариат должен взять на себя руководство производством, он должен сначала овладеть особенностями, делающими его способным для такой роли. Производство не терпит перерыва, состояния пустоты, остановки и особенно в том положении, до какого довела война, поглотившая все наши запасы, так что мы вынуждены питаться, чем Бог послал, и остановкой производства будем буквально обречены на голодную смерть.

Сам Ленин считает необходимым затормозить процесс экспроприации:

Если мы захотим дальнейшую экспроприацию капитала повести в прежнем темпе, то потерпим поражение, так как наша работа по организации пролетарского учета ясно, самоочевидно для каждого мыслящего человека — остается позади работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. ("Ближайшая задача советской власти").

Но Ленин не унывает, а наоборот, возвещает, что, несмотря ни на что, советы "выиграют кампанию против капитала", так как процесс созревания пролетариата идет гигантскими шагами вперед. Он говорит:

Условием поднятия продуктивности труда является рост культуры и образования народных масс. Этот подъем совершается теперь с необычайной быстротой, благодаря "порыву к свету и инициативе", возникающему в глубинах народа при посредстве советской организации.

Подъем образования народных масс может быть двоякого рода. Он может проходить планомерно, систематически путем

школьного обучения. В этой области в России предстоит еще колоссальная работа. Но вполне достаточная школьная сеть требует больших средств, цветущего производства, дающего значительные излишки. Русское производство дает такие жалкие результаты, что школьное дело страдает до крайней степени. Большевики, несомненно, прилагают усилия, чтобы сделать все возможное для искусства и науки и их распространения среди масс. Но эти возможности крайне ограничены экономическими оковами. Со стороны таким образом нельзя ожидать быстрого "подъема образования", облегчающего скорый и достаточный рост производительности. Наоборот, этот рост является предпосылкой подъема образования.

Однако взрослые люди учатся большей частью не в школах, устраиваемых государством или общинами, а в школах жизни. Лучшая возможность получить образование предоставляется им демократией, к существеннейшим установлениям которой принадлежит свобода прений и изложения фактов, но которая несет с собой обязательство для каждой партии и направления, борющихся за влияние над душой народа, — предоставлять каждому члену народного целого право исследовать аргументы всех заинтересованных сторон и вырабатывать таким образом самостоятельность суждений. Наконец демократия сообщает классовой борьбе высшие ее формы. Ибо при ней каждая партия обращается к народу в его совокупности. Каждая борется за определенные классовые интересы, но вынуждена выдвигать те стороны этих интересов, которые связаны с общими интересами всего народа. Так современная государственная демократия превозмогает узость приходской политики, как эта последняя — узость цеховой. Привлекая массы к участию в политике, демократия необычайно расширяет их горизонт.

И эти возможности образования народа оказываются похороненными, когда, как это делает советская республика, демократия устраняется для замены ее рабочими советами, обращающимися "буржуев" в бесправных и прекращающими свободу печати. Специальные интересы наемных рабочих таким путем изолируются от интересов общественного целого, и одновременно рабочий лишается возможности самостоятельно оценивать аргументы борющихся классов и партий. Ибо эта оценка изготовляется для него попечительным начальством, боязливо устраня-

ющим всякую мысль, всякий факт, которые могли бы поселить в груди рабочего сомнение в божественном происхождении советской власти.

Это, конечно, совершается в интересах истины. Бедный, невежественный народ должен быть огражден от лжи и отравы буржуазной печати с ее могущественным аппаратом. Но где в современной России этот могущественный аппарат, дающий буржуазной печати перевес над большевистской? Но ведь острие большевистского удушения печати направлено не исключительно на буржуазную печать, а на всякую прессу, которая не присягает на верность существующей правительственной системе.

Оправдание этой системы коренится в наивном взгляде, будто существует какая-то абсолютная истина, и только коммунисты владеют ею. Не менее того такое оправдание опирается на другой взгляд, по которому все писатели — лжецы от рождения, и только коммунисты суть фанатики правды. В действительности лжецов и фанатиков того, что признается ими за непогрешимую истину, можно найти в любом лагере. Но ложь пышнее всего процветает там, где она не боится никакого контроля, где может говорить лишь пресса одного-единственного направления. Таким путем она получает открытый лист на ложь, поднимающий дух во всех, кто лгать мастер, и тем усиленнее используемый, чем отчаяннее положение властвующих, чем больше они страшатся правды.

Правдивость известий таким образом нисколько не выигрывает, а наоборот, страдает от уничтожения свободы печати.

Что же касается правдивости суждений, то приходится повторить вслед за Пилатом: "Что есть истина?" Абсолютной правды не существует, есть лишь процесс познания, ему, как и всему сокровищу человеческих знаний, наносится огромный ущерб, когда определенная партия пользуется своей властью для монополии своих воззрений, как единospасительной правды, и для подавления всяких иных мнений.

Несомненно, идеалисты среди руководителей большевизма действуют по доброй вере, что они одни обладают истиной, и что только нечестивые могут думать иначе. Однако, ту же самую добрую веру мы должны признать и за отцами священной испанской инквизиции. "Культурный и образовательный подъем на-

родных масс” при таком режиме ничего не выиграл. Конечно, есть разница между отцами священной инквизиции и вождями советской республики. Те нисколько не домогались материального и духовного процветания масс на этой грешной земле. Они хотели только обеспечить душам спасение в ином мире. Советские же деятели думают методами инквизиции привести массы к процветанию во всех направлениях. И они совершенно не замечают, как они толкают эти массы к огрубению.

Наряду с высоким уровнем народного образования предпосылкой для социализма является высокая мораль масс, — мораль, проявляющаяся не только в могучих социальных инстинктах: чувстве солидарности, самоотречения, преданности, но и в способности эти чувства распространять за пределы узкого круга товарищей на все общество.

Такую сильно развитую мораль мы уже наблюдали среди пролетариев Парижской Коммуны. И она незнакома массе, которая ныне задает тон у большевиков.

Она должна быть создана теперь во что бы то ни стало. Так Троцкий взывает:

Эту коммунистическую мораль, товарищи, мы обязаны немедленно проповедовать, поддерживать, развивать и укреплять. Это — благороднейшая задача нашей партии на всех путях ее деятельности (“Работа, дисциплина...” и т.д.).

Да, думает ли Троцкий, что новую мораль можно создать за сутки? Лишь медленно нарастает она. А обновление производства не терпит отлагательства. И если коммунистическая мораль не возникла до начала социализации, поздно думать о ее насаждении лишь после экспроприации.

И каким путем хотят насадить ее? Ее хотят проповедовать. Как будто когда-нибудь от проповедей морали получался толк. Если марксисты возлагают свои надежды на проповедь морали, то это показывает лишь, в какой тупик они забрались.

Впрочем, новая мораль должна быть не только проповедуема, а и поддерживаема. Но как? Мораль есть продукт нашей жизни и наших стремлений, в них она находит свое питание, по их образу она складывается.

Высокая мораль, развиваемая борющимся пролетариатом, зависит от двух моментов. Как самые бедные и слабые в обществе, пролетарии могут отстоять себя лишь в самом тесном единении. Преданность и самоотречение в рядах пролетариата ценятся выше всего, в противоположность классу капиталистов, где уважение окружающих зависит от размера богатств, каким бы путем они ни были нажиты.

Однако одно могучее чувство солидарности не наполняет социалистической морали, на которой должно быть построено новое общество. Такое чувство солидарности может оказаться противообщественным, когда оно ограничено узким кругом, добывающимся своих выгод за счет остального общества, например, родовитого дворянства, бюрократии, корпуса офицеров.

Что поднимает солидарность современного пролетариата на высоту социалистической морали, это – прежде всего, распространение ее на все человечество, обусловленное сознанием, что пролетариат не может добиться своего освобождения, не освободив в то же время всего людского рода.

Уже молодой Энгельс ожидает от признания этого факта величайшего подъема пролетарской морали. В своем труде "Положение рабочего класса в Англии" (2 изд., стр. 299) он приходит к заключению:

В той мере, в какой пролетариат вбирает в себя социалистические и коммунистические элементы, в этой именно мере революция теряет в кровопролитности, мстительности и бешенстве своем. Коммунизм по принципу своему стоит над раздором между буржуазией и пролетариатом. Он признает его лишь в его историческом значении для настоящего, а не для будущего. Он стремится устранить как раз этот раздор. Он признает поэтому, пока раздор существует, ожесточение пролетариата против своих угнетателей, как необходимость, как важнейший рычаг возникающего рабочего движения, но он возвышается над этим ожесточением, ибо он есть дело человечества, а не одних рабочих. Кроме того, ни одному коммунисту не придет в голову проявлять месть над отдельными единицами, или вообще думать, что отдельный буржуа мог бы

в новой обстановке поступать иначе, чем поступает он сам. Поэтому, чем больше английские рабочие проникнутся социалистическими идеями, тем больше их теперешнее ожесточение, — которое, оставаясь таким же напряженным, как теперь, все же ни к чему не приведет, — окажется излишним, тем больше их шаги против буржуазии утратят характер дикости и свирепости. Если бы вообще можно было сделать весь пролетариат коммунистическим, пока не разразилась борьба, она протекала бы очень мирно. Но это уже невозможно, уже слишком поздно. (Энгельс ожидал в 1845 г. скорого наступления революции, которая и разразилась в 1848 г., но не в Англии, а на континенте, и не как пролетарское восстание — *Каутский*.) Я все же думаю, что до начала совершенно открытой войны бедных против богатых, ставшей в Англии неотвратимой, среди пролетариата распространятся ясные понятия о социальном вопросе, по крайней мере, в таком объеме, что коммунистической партии удастся преодолеть длительный ужас жестокой революционной стихии и предотвратить 9-е Термидора.

Девятое Термидора было днем, когда Робеспьер пал и парижское господство террора рушилось. Подобное крушение хотел предотвратить Энгельс, в этом направлении должны были действовать коммунисты, удаляя из классовой борьбы элементы свирепости и зверства против буржуазии и выдвигая на первый план всечеловеческие интересы.

Как видно, Энгельс понимал под коммунизмом нечто иное, чем теперь большевики. Чего хотел Энгельс, того добивались как раз те русские социалисты, с которыми большевики находились в непримиримом противоречии. Большевики одержали верх над своими социалистическими противниками, благодаря тому, что они дикость и свирепость ”в о з н и к а ю щ е г о р а б о ч е г о д в и ж е н и я ” обратили в двигательную силу своей революции. Благодаря тому, что они вульгаризировали социалистическое движение, обратив дело человечества в дело ”одних только рабочих”. Благодаря тому, что они возвестили всевластие наемных рабочих (наряду с беднейшим крестьянством в деревнях),

и их господство началось с объявления всех, кто не плясал под их дудку, бесправными и опрокинутыми на дно нищеты. Благодаря тому, что они уничтожение классов связали с созданием нового класса рабов из рядов прежней буржуазии. И, превратив социалистическую борьбу за освобождение и поднятие всего человечества на высшую ступень во взрыв ожесточения и мстительности против отдельных лиц, преданных истязаниям и пыткам, — большевики не подняли рабочего класса на высшую ступень, а развратили его. Они еще увеличили деморализацию тем, что экспроприацию экспроприаторов оторвали от ее теснейшей зависимости с созданием новой общественной организации, лишь в связи с которой эта экспроприация образует социалистическую стихию. Оторванная от этой связи, экспроприация со средств производства перекинулась на средства продовольствия. Отсюда — к бандитизму, идеализированному в образе Стеньки Разина, всего лишь один шаг.

Отрицательную программу большевизма массы восприняли без всяких затруднений: не нужно ни бороться, долгие всякие обязанности, нужно только брать, хватать и присваивать, что можно, или, как удивительно формулировал Ленин: "Грабь награбленное" (Гавронский, "Баланс русского большевизма", Берлин, 1919, стр. 39).

В соответствии с такими воззрениями атаман Стенька Разин увековечен советской республикой в памятнике.

В таком роде "поддерживал" и проповедовал большевизм новую коммунистическую мораль, без которой невозможно социалистическое строительство. Это означало лишь растущую деморализацию дальнейших частей русского пролетариата.

Таковы были последствия, ужаснувшие идеалистов-большевиков, но они были в состоянии заметить лишь результаты, а не их причины, ибо это последнее знаменовало бы собой необходимость выбросить за борт всю их правительственную систему.

Отчаянно искали они средства привить массам коммунистическую мораль. И ничего ясного отыскать не могли они, марксисты, отважные революционеры, новаторы, как только жалкую увертку старого общества, с помощью которой оно пыта-

ется смыть с себя свои собственные грехи: трибунал, каторга, казнь. То есть террор.

Ленин пишет в цитированной уже брошюре о ближайших задачах советской власти:

Трибунал является инструментом восстания дисциплины. Еще недостаточно уяснен простой и очевидный факт, что, если главное несчастье России — голод и безработица, то это бедствие можно победить не мечами и парением в заоблачных высотах, а всесторонней, всеохватывающей организацией и дисциплиной..., что поэтому в муках голода и безработицы повинен всякий, кто нарушает рабочую дисциплину в любом предприятии, в любом деле, — что надо уметь виновного разыскать, поставить перед трибуналом и безжалостно покарать.

Безжалостными карами русскому пролетариату должна быть вбита коммунистическая мораль, дабы он таким образом созрел для социализма. Но нигде еще "безжалостными карами" не поднималась мораль, или лишь убивался последний остаток ее. Безжалостные кары являются неизбежным злом старого порядка, ибо ему заказаны пути к созданию лучшей морали при помощи лучших жизненных условий. Социалистический режим, не видящий иного пути для пробуждения в пролетариате более высокой морали, как только безжалостный трибунал, обнаруживает тем лишь свое собственное банкротство.

Диктатура

В сущности, как кажется, и сам Ленин не ожидает особого подъема морали от своих трибуналов, ибо тотчас вслед за требованием этих трибуналов он выдвигает новое — "о наделении диктаторским и неограниченным полномочиями руководителей производств":

Всякая механическая крупная промышленность — а это как раз означает источник производства и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего един-

ства воли... Но как может быть гарантировано строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле немногих.

Это подчинение при идеальном сознании и дисциплинированности участников общей работы напоминает мягкое руководство дирижера оркестра. Оно может получить жестокую форму диктаторства, если отсутствуют идеальная дисциплинированность и сознание.

До сих пор мы исходили из того, что сознание и дисциплинированность рабочего класса являются предпосылкой зрелости пролетариата, без которой невозможен истинный социализм. Сам Ленин в предисловии к цитированной брошюре говорит:

Подобная революция может быть успешно осуществлена лишь при самостоятельном историческом творчестве большинства населения и прежде всего, большинства трудящихся.

И после того, как он засвидетельствовал, что социализм не есть продукт меньшинства, а лишь большинства населения и только "прежде всего", а не исключительно "трудящихся" и таким образом против воли признал неотъемлемость демократии, — он продолжает:

Лишь тогда, когда пролетариат и беднейшее крестьянство найдут в себе достаточно сознательности, идейности, самоотречения, стойкости, будет обеспечена победа социалистической революции.

А пока что победа должна быть обеспечена трибуналами и руководителями производств:

Революция только что разбила старейшие, крепчайшие и тягчайшие оковы, в которые массы были загнаны кнутом. Это было вчера. Сегодня та же революция требует, именно в интересах социализма, беспрекословного подчинения масс единой воле руководителей трудового процесса.

Свобода, вчера лишь завоеванная, сегодня снова отнимается, ибо массы не нашли в себе "достаточной сознательности, идейности, самоотречения и стойкости". Но на стр. 7 из отсутствия этих особенностей выводится невозможность проведения социализма, а на стр. 52 "в интересах социализма" требуется беспрекословное подчинение незрелых масс диктатору-руководителю. Этим их положение низводится на степень, на которой они находились при капиталистическом производстве. Там они были подчинены капиталу, но все же не беспрекословно подчинены.

Но Ленин утешает себя и свою публику, конечно, тем, что эта диктатура в отличие от капиталистического руководства "осуществляется массами трудящихся и эксплуатируемых", "осуществляется также организациями, которые построены так, что ими массы пробуждаются и поднимаются к историческому творчеству. Советские организации принадлежат к организациям такого рода".

Как именно устранение и удушение всякой критики способствует пробуждению масс и поднятию их к историческому творчеству, было только что показано. Советская организация ничего не меняет в этом смысле. Но как может железная диктатура немногих при "беспрекословном подчинении масс" повести к свободной самодеятельности через организацию этих масс? Кто массами избирается, ими может быть смещен, в своем переизбрании должен с ними считаться, — всегда является зависимым от них, не может провести ничего, что не встречает их одобрения. Он может сломить упорство отдельных членов избравшей его организации, если они идут наперекор большинству, но его премудрости наступит скорый конец, как только он попытается навязать им вопреки их желанию свои законы.

Поэтому личная диктатура и демократия — несовместимы. Это относится также и к советской демократии. Ленин заявляет, конечно, что "такой способ суждения не выдерживает критики". Но крутостью своих выражений он пытается возместить слабость аргументации, ибо он не находит ничего лучшего для возражения, как только то, что

если мы — не анархисты, мы должны признать неотъемлемость государства, т.е. принуждения, в переходное время от капитализма к социализму.

Здесь, несомненно, наши точки зрения совпадают. Демократия также не исключает принуждения: но единственный вид принуждения, который она допускает, есть принуждение большинства над меньшинством. Принуждение в переходную эпоху от капитализма к социализму есть принуждение большинства трудящихся над меньшинством капиталистов. Но во второй стадии революции, о которой говорит Ленин, когда рабочие сбросили с себя цепи, речь идет не об этом. Здесь речь идет о принуждении отдельных лиц над рабочими массами. Что этот род принуждения несовместим с демократией, — Ленин не опровергает ни единым словом. Он пытается сделать его приемлемым при помощи фокус-покуса, выводя из принуждения масс над отдельными капиталистами для проведения социализма — в высокой степени совместимого с демократией — даже если оно означает самовластие отдельных лиц над массами.

Он утверждает:

Поэтому нет решительно никакой принципиальной разницы между советской (т.е. социалистической) демократией и применением диктаторской власти отдельных лиц.

Может быть, и так. Но в таком случае "советский демократизм" является своеобразным растением, к которому можно привить любой произвол, если он только прикрыт именем социализма.

Если рабочие известного производства должны беспрекословно подчиняться руководителю, то он не может быть избираем ими, а должен быть им навязан стоящей над ними инстанцией. И совет фабричных депутатов в таком случае теряет право голоса. Тогда центральный исполнительный комитет, насаждающий диктаторов, должен сам добиваться диктаторской власти, советы должны превратиться в тень, а представленные в них массы потерять всякое влияние.

С таким же успехом, с каким Мюнхгаузен вытаскивал себя за собственную косу из болота, может рабочая масса, лишенная "сознательности, идейности самоотречения и стойкости", сама избирать для себя диктатора с тем, чтобы он поднимал ее на высшую ступень развития, и безвольно склоняться перед ним,

когда он требует от нее действий, связанных с сознательностью, самоотречением и стойкостью.

И откуда явятся эти диктаторы не только с интеллектуальным, но и моральным превосходством? Всякий произвол заключает в себе зародыш развращения власти, олицетворяет ли ее отдельная личность или группа, безразлично. Только исключительные натуры в состоянии уберечься от таких разлагающих последствий. Должны ли мы думать, что именно российские диктаторы сплошь являются такими исключительными натурами?

* * *

Но советский режим отличается от прежних великих народных движений тем, что он устранил лучшее средство вывести на чистую воду "авантюристов и жуликов, хвастунов и крикунов" — свободу печати. Эти элементы таким путем освободились от критики знатоков дела. Им приходилось иметь дело только с невежественными рабочими и солдатами, а также с неопытными новаторами. И они всходили как на дрожжах.

Но вот вожди большевиков решили научиться, как отделять пшеницу от плевелов, истинных самоотверженных организаторов от мошенников и жуликов. Незадолго до того, как они этому "научились", производительность при отсталости русских рабочих дает осечку и грозит полной приостановкой. И только диктатурой руководителей надеются положить конец беде. Приходится раздавать диктатуры, даже не будучи в состоянии сделать необходимый выбор. И такая диктатура, — к которой и без того имеется неустранимое недоверие, — может влиять лишь зловредно. Итак, сначала произвели экспроприацию, а потом только стали думать об организации; так сначала насаждают диктаторов, а потом отыскивают способы их избрания.

Этот "шиворот-навыворот" был неизбежен с того момента, когда порешили ввести социализм, опираясь лишь на желания, а не на реальные условия.

Но советскому режиму вредит не только наплыв "авантюристов и жуликов", критику которых он сделал почти невозможной. Не менее грозным является для него то, что он оттолкнул от себя наиболее стойких и одаренных представителей интеллигенции.

Без участия интеллигенции в теперешней стадии производства социализм неосуществим. Покуда социализм находился в стадии пропаганды, покуда дело шло о ясном сознании пролетариатом его места в обществе и вытекающих отсюда исторических его задачах, социализм нуждался в интеллигентах — безразлично кто они были: академически образованные буржуа или самоучки-рабочие — лишь для выработки и популяризации его теорий. Тогда дело шло не о количестве, а о качестве сил.

Совсем иное теперь, когда мы вступили в полосу практического осуществления социализма. Как капиталистическое производство и капиталистическое государство не могут существовать без помощи многочисленных, надежных, трудолюбивых и научно-образованных сил, так и общественное производство и государственная власть рабочего класса не могут обойтись без них. Без них, а в особенности, вопреки им, социализм невозможен.

Для их практического сотрудничества при введении социализма не требуется страстная преданность великому делу освобождения человечества, как при развитии и пропаганде социалистической теории. Но по меньшей мере необходимо, чтобы, по крайней мере, значительная часть интеллигенции пришла к убеждению в возможности и выгодности социалистического производства и таким образом не вынуждена была поступаться своим интеллектом при работе на пользу социализма. Если и в области мускульной работы более тонкое производство несовместимо с принудительным трудом, то еще в более сильной степени это правило относится к области умственного труда.

Отсутствие сомнений у интеллигенции в осуществимости социализма и готовность ее работать над проведением его с момента, когда ему принадлежала власть, являются предпосылками социалистического производства, условиями, до которых общество должно дорасти, если оно хочет быть зрелым для социализма.

Это условие само наступит с тем большей скоростью, чем больше остальные условия социализма будут налицо, так что действительность сама приведет колеблющихся интеллигентов к социалистическим убеждениям.

Эту важность интеллигенции большевики постигли не сразу, ибо они прежде всего слепо отделились потоку солдатской, крестьянской и рабочей массы.

Интеллигентская масса с самого начала относилась к ним враждебно, как и социалисты среди нее, так как им было ясно, что Россия не созрела для такого рода немедленной всеобщей социализации, которую предприняли большевики. Другие, ничего не думавшие по этому поводу, отшатнулись при зрелище истязаний, выпавших на долю интеллигенции. Тот был изгнан из фабрики, которой рабочие хотели руководить сами; этот оказался политически бесправным, ибо всевластные рабочие советы предоставляли избирательное право только мускульным рабочим. Иной был экспроприрован, поскольку имел кое-какое имущество, и лишен возможности вести культурный образ жизни. В конце концов даже присужден к принудительной работе и голодной смерти.

Вначале большевики думали обойтись без интеллигенции, без "специалистов". Царизм держался убеждения, что каждый генерал способен без всякой специальной подготовки занять любой пост. Советская республика, наряду со многими другими, позаимствовала у царизма и это убеждение, — с той только разницей, что на место генерала она поставила пролетария. Теоретики большевизма назвали этот процесс "развитием социализма от научного мировоззрения к практическому осуществлению". Скорее бы можно было назвать его "развитием от научного мировоззрения к дилетантизму".

Как в советской республике принято за правило — во всем руководствоваться желанием, а не изучением обстановки, — после того, как дитя уже упало в колодец, постепенно пришли к признанию того, что было необходимо сделать: попытались закрыть колодец, привлечь интеллигенцию к работе, помимо той принудительной, о которой уже была речь, — к работе, для которой она была пригодна, которую она знала. Интеллигенты, поступившие на правительственную службу, не почитались уже "буржуями", не подвергались гонениям, как таковые. Они поднялись в ряды "трудового" населения, производящего "продуктивную" и "полезную" работу, были гарантированы от экспроприаций и получали достаточное содержание.

И так как не убеждение, а страх перед нищетой и издевательствами погнал большинство из них на правительственную службу, то и работа их в действительности была ни очень продуктивной, ни очень полезной.

Троцкий, например, жалуется на это в уже цитированной брошюре "Работа, дисциплина..." и т.д. Он говорит:

Первый период борьбы с саботажем (интеллигенции) заключался в том, что мы организации саботажников разрушили безжалостно. Это было необходимо и потому справедливо.

Теперь, когда власть советов укреплена, борьба с саботажем должна выразиться в том, что вчерашние саботажники должны быть обращены в слуг, исполнителей, руководителей там, где этого требует новый режим.

Троцкий полагает таким образом, что "необходимый и потому справедливый" путь обращения интеллигенции в слуг и руководителей социализации прежде всего ведет к "безжалостному" давлению на них.

Что происходит при этом, рассказывает он сам:

Мы раздавили старый саботаж, и большинство прежних чиновников вымели железным веником. Заместители этих прежних чиновников показали себя в дальнейшем далеко не всегда в качестве первоклассного материала. Ни в одной области управления. С одной стороны, на освободившиеся места пошли наши партийные товарищи, лучшие элементы, борцы честнейшие, бескорыстнейшие. С другой стороны, появились карьеристы, интриганы, свихнувшиеся, оставшиеся при старом режиме не у дел. Когда сразу обнаружилась необходимость привлечения десятков тысяч новых квалифицированных рабочих, ничего не было удивительного в том, что многим мародерам удалось проникнуть в поры нового режима.

Нужно к этому добавить, что многие товарищи, работающие в различных ведомствах и учреждениях, до сих пор еще не проявляют способностей к органическому, творческому, настойчивому труду. Мы шаг за шагом наблюдаем таких товарищей, особенно из рядов октябрьских большевиков, в министерствах, где они работают четыре-пять часов и притом не особенно интенсивно и это — в такое время, когда все наше положение требует от нас напряженнейшего труда не за страх, а за совесть.

Таков был "необходимый", но посему отнюдь не "справедливый" результат политики, которая пыталась привлечь интеллигенцию не убеждением, а пинками сапога.

Вслед затем перешли к другому средству, дабы достичь выдающейся исполнительности. Парижская Коммуна 1871 г. сократила высокие оклады государственных должностей и установила, как высшее жалованье, 6 тыс. франков в год. Советская республика хотела последовать ее примеру. Но дело не пошло. И тут она вынуждена была поступить "шиворот-навыворот". Ленин замечает по этому поводу:

Мы должны были обратиться к старому буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату крупнейших из буржуазных специалистов за их "служебные услуги"... Ясно, что такая мера является компромиссом, отклонением от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти... Ясно, что такая мера означает не только остановку — в известной области и в известной степени — наступления на капитал, но и шаг назад нашей социалистической советской власти ("Ближайшие задачи советской власти".)

Но Ленин думает, что ничего другого не оставалось. И он прав. Необходимость высоких окладов может быть вызвана двумя причинами. Чем больше производство, чем многочисленнее его рабочие, тем значительнее — при одинаковых вообще обстоятельствах — масса вырабатываемой им добавочной стоимости. Доставляет один рабочий 5 мар. в день такой стоимости, и производство ее 100 рабочими дает 500 мар. в день, ее 1000 рабочими — 5000 мар. Чем обширнее производство, тем труднее его организовать и вести, тем редкостнее нужные для этого силы, тем крупнее однако средства, которыми располагают владельцы предприятия для покупки такой избранной силы. И по мере роста крупных предприятий растут и оклады их руководителей и достигают порой невероятных размеров. С этим обстоятельством приходится считаться и государству.

Если оно не повышает соответственно жалованья своих высших чиновников, то должно ожидать, что частная промышленность переманит их к себе, — поскольку они чего-нибудь стоят

и не являются простыми владельцами синекур. Этим путем государственное управление беднеет духовно, и тут — одна из причин, почему государственное хозяйство так часто не в состоянии выдержать конкуренцию частного.

И еще большой вопрос, смогла ли бы Коммуна остановиться на зафиксированном ею высшем окладе 6 тыс. франков, если бы при ней развилось крупное капиталистическое, а не социализированное производство (что очень допустимо). Ее декрет от 2 апреля свидетельствует поэтому о мелко-мещанском характере тогдашней парижской промышленности. Во всяком случае, о бескорыстии членов Коммуны.

Конкуренция цветущей и мощной частной промышленности не является в советской России причиной чрезвычайных окладов выдающихся "специалистов". Ибо эта промышленность или экспроприрована, или разрушена и не дает более частным предпринимателям добавочной стоимости. Высокими окладами там преследуется одна лишь цель: побороть антипатию способнейших из интеллигентов к советской республике. Так как убеждение не действует, бичом голода не удалось достичь заметных результатов, остается одно: купить людей возобновлением для них, по меньшей мере, капиталистических условий существования.

Мы видим теперь, что за элементы подбираются в советской России на роли руководителей социалистического производства. С одной стороны — несколько старых заговорщиков, честных борцов, беспорочного образа мыслей, но все же в деловом смысле "неопытных новаторов". С другой стороны — многочисленные интеллигенты, против своих убеждений поступающие в распоряжение новой власти в качестве карьеристов, — как они поступили бы в распоряжение всякой иной власти, или гонимые страхом голода и издевательств, или, наконец, соблазняемые высокими окладами. Одним словом, как признается Троцкий, "далеко не первоклассные элементы". И даже, поскольку они кое-что знают, они все же не наиболее типичные в своей области. Люди, одновременно и с выдающимися характерами, и с выдающимися знаниями среди них — что белые вороны.

Для спасения социализма в руки таких элементов передается диктаторская власть, которой рабочие должны подчиняться беспрекословно. Власть, развращающая лучших. Здесь она вверяется людям, уже и без того развращенным.

Среди всеобщего обнищания, всеобщей экспроприации в их руках скопляются основы для создания нового капитализма. Производство товаров продолжается дальше и должно продолжаться, так как крестьянское хозяйство является производителем товаров и занимает господствующее положение. При этом крестьянское хозяйство поставляет все меньше излишков. Советская республика вручает всю власть в деревне беднейшему крестьянству, не имеющему возможности добывать так много, чтобы получались излишки для рынка. Состоятельные крестьяне должны без вознаграждения отдавать в продовольственные склады свои излишки. Эта практика, если она вообще осуществима, может быть проведена лишь однажды. К следующему году состоятельный крестьянин воздержится добывать больше, чем нужно ему самому. И продуктивность сельского хозяйства падет. Те же излишки, которые все же окажутся у крестьянина, он припрячет и из-под полы сбудет спекулянту.

В то же время парализуется промышленность, — и государственные расходы при таких условиях могут покрываться лишь безграничным выпуском бумажных денег. В такой обстановке, — как во время французской революции, как теперь в Германии, хотя и не в таком размере, — вырастают спекуляции на валюте, контрабандная торговля, ростовщичество. Высшую форму капитализма, ту, что дает простор производительности труда и улучшает материальные основы масс преждевременно исковеркали, а его паразитическим низшим формам дали возможность пышно процветать.

Само собой разумеется, советский режим, подобно французскому террору, пытается положить конец этим бичам уничтожением спекулянтов, торговцев из-под полы, ростовщиков. Тогда их гильотинировали, теперь в моде расстрел. А результат — один. Единственный результат — тот же, что и в 1793 году: растет премия за риск, взимаемый жульническим капиталом, и соответственно повышается размер взяток, требуемых и получаемых новыми диктаторами с неосторожных, попадающих в их сети. И здесь накапливаются новые состояния.

Желающих ознакомиться более с этим взяточническим хозяйствованием новой российской бюрократии мы отсылаем к книге Гавронского "Баланс русского большевизма", где, начиная со стр. 58, приводятся случаи подкупа.

Как обуздать этих "диктаторов", которым рабочие выданы на беспрекословное подчинение?

Как для морального подъема масс, так и для нравственного оздоровления своих руководителей, советская власть знает одно только средство — террор трибуналов. И если диктатуру пролетариата бьет козырь его "организаторов", то карту последних бьет, в свою очередь, козырь диктатуры трибуналов.

Создается сеть революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий по "борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и взяточничеством", и эти учреждения расправляются по произволу со всяким, на кого поступает донос; расстреливают любого, кто им оказывается не по нраву, а также всякого захваченного спекулянта и мешочника, как и их пособников среди советских чиновников. Но они не останавливаются на этом, а накладывают свою руку на каждого честного критика этого страшного распорядка. Под общим наименованием "контрреволюции" в одну кучу сваливается всякая оппозиция, из каких бы кругов и побуждений она ни исходила, какими бы средствами она ни боролась, какие бы цели она ни преследовала.

Но, к сожалению, и этот образ действий ничему не помогает. К ужасу своему честные большевики все больше проникаются убеждением, что чрезвычайные комиссии, эта последняя надежда на оздоровление революции, также нравственно развращены. Гавронский цитирует (стр. 6) следующий крик сердца "Известий чрезвычайных комиссий":

Со всех сторон несутся к нам известия, что в губернские и особенно в уездные комиссии пытаются проникнуть не только недостойные, но прямо преступные элементы.

Гавронский приводит также (стр. 62) свидетельства того, что эти элементы не только пытаются, но и проникают в комиссии. Так, например, вот что сообщает центральный орган революционного коммунизма от 10 октября 1918 г.:

В воспоминаниях всех еще живых случаи, когда местные советы были буквально терроризированы "чрезвычайками". Происходит естественный подбор: в советах оставались лучшие элементы, в то время как в "чрезвычайках" скоплялись бродяги, падкие до всякого рода бандитизма.

И от программы обновления человечества социализмом при большевистских методах в конце концов остается лишь группка честных борцов среди растущего потока невежества, развращенности и отчаяния, поднимающегося все выше и грозящего окончательно затопить их.

Превращения большевизма

Многие революционеры Запада с триумфом указывают на то, что большевизм так долго держится у власти и в то время, когда пишутся эти строки (май 1919 г.), еще чрезвычайно крепок. Критики же его предсказывали ему быстрый развал еще при начале его господства.

К этому развалу дело пришло бы уже давно, если бы большевики оставались верны своей программе. Они удержались лишь благодаря тому, что они сдавали одну за другой свои позиции и в конце концов пришли к отрицанию того, что намеревались завоевать.

Чтобы придти к власти, они выкинули за борт свои демократические принципы. И чтобы удержать за собой власть, они свои социалистические принципы отправили вслед за демократическими. Они отстояли себя п е р с о н а л ь н о , но принесли в жертву свои принципы, и этим проявили себя в качестве истинных оппортунистов. Большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение.

Стоит только присмотреться к форме общественности, развившейся под режимом большевизма, фатально развившейся с момента применения большевистских методов.

Подведем некоторые итоги.

В теперешней большевистской России мы находим крестьянство на основе неограниченной частной собственности и безусловного товарного производства. Оно ведет совершенно обособленную жизнь без всякой органической связи с городской промышленностью. И так как эта промышленность не производит никаких излишков для деревни, то и добровольная, легальная поставка сельскохозяйственных продуктов в города все больше замирает. Она заменяется частью насильственными реквизициями, грабежами без вознаграждения, с другой стороны — не-

законным мешочничеством, извлекающим из городов последние остатки накопленных прежде изделий промышленности.

Крестьянам после разрушений крупных поместий большевизм ничего не в состоянии предложить. Их привязанность к нему превращается в ненависть, — ненависть к городским рабочим, ничего не делающим, ничем не снабжающим деревни; в ненависть к властвующим, посылающим в деревню красноармейцев для реквизиции продовольствия, в презрение к городским ростовщикам и спекулянтам, пытающимся выманить у крестьян излишки обманными сделками всякого рода.

Рядом с этим чисто мелкопомещанским хозяйничаньем в деревнях в городах возникает общество, желающее стать социалистическим. Оно начало с унижения и разгрома высших классов и заканчивает в качестве нового классового общества. Оно включает в себя три класса.

Низший из них обнимает собой прежних "буржуев", капиталистов, мещанство, интеллигенцию, поскольку они настроены оппозиционно. Политически обесправленные, лишенные всяких средств, они время от времени посылаются на принудительные, самого отталкивающего характера работы, и за это получают продовольственные рационы, представлявшие собой мизернейший или, вернее, голодный паек. Ад этого рабства можно сравнить лишь с мерзейшими ростками, когда бы то ни было поднимавшимися на почве капитализма. Создание этого ада является первородным, насильственным актом большевизма, его первым великим шагом на пути к освобождению человечества.

Над этим классом в качестве среднего класса находятся наемные рабочие. Они политически привилегированы. Только они по букве советской конституции располагают в городах избирательным правом, свободой печати и коалиции. Они могут избирать сами род своих занятий, и за работу, которую они сами для себя устанавливают, получают достаточное вознаграждение. Вернее, так все это было, ибо с течением времени выяснилось, что при данном уровне широких масс русских наемных рабочих промышленность в таких условиях все больше замирала.

Чтобы спасти промышленность, пришлось над рабочими создать новый класс чиновничества, которое все более и более присваивало себе власть, а свободы рабочих обратило в тень. Это произошло, конечно, не без сопротивления рабочих, кото-

рое росло тем сильнее, что при всеобщем развале промышленности и транспорта и все увеличивающейся изоляции деревни от города и пропитание рабочих, несмотря на высокие заработки, стало отчаянным.

Восхищение рабочих большевиками исчезало у одной категории рабочих за другой, но их оппозиция была неорганизованной, распыленной и невежественной — лицом к лицу с замкнутой фалангой их сравнительно более образованной бюрократии. С ней они ничего не могли поделать.

Так из самодержавия рабочих советов возникает самодержавие бюрократии, частью вышедшей из этих советов, частью ими назначенной, частью им навязанной, — бюрократии, являющейся высшим из трех классов города, этим классом господ, растущим под руководством старых коммунистических идеалистов и борцов.

Самовластие "чина", старой бюрократии возрождается, но, как мы видели, нисколько ни в лучшем издании. И из него, и рядом с ним прорастают, уже прямо благодаря преступным действиям, зародыши нового капитализма, по своей сущности стоящего гораздо ниже прежнего, промышленного.

И только старый феодальный помещик не возрождается. Для его устранения Россия созрела. Но не для устранения капитализма. Последний отпраздновал свое возрождение, но в формах, еще более угнетающих и мучительных для пролетариата, чем прежние. Частный капитализм вместо высоких, индустриальных форм принимает жалчайшие, презреннейшие формы мешочничества и ростовщичества. Промышленный капитал из частного обратился в государственный капитализм. В прежние времена бюрократия правительственная и капиталистическая относились одна к другой критически, зачастую — враждебно. И рабочий то у одной, то у другой находил свое право. Теперь правительственная и капиталистическая бюрократии слиты воедино: таков заключительный аккорд великого социалистического преобразования, принесенного большевизмом. Это означает самую мучительную тиранию, когда-либо выпадавшую на долю России. Замена демократии произволом рабочих советов, долженствовавшая служить на пользу экспроприации экспроприаторов, приводит к произволу новой бюрократии и делает возможным то, что демократия становится для рабочих мертвой буквой, — в то вре-

мя как они одновременно попадают в экономическую зависимость, какой им до сих пор не приходилось выносить.

При этом потеря свобод не балансируется для них увеличением их благосостояния. Новая экономическая диктатура функционирует несколько лучше, чем предшествовавшая ей экономическая анархия, которая привела бы к самоскорейшему концу. Этот конец диктатурой отсрочен, но не устранен, так как экономически не хозяйствует и новая бюрократия.

Как до сих пор неудовлетворительно функционирует новая организация, показывает, между прочим, следующий тревожный призыв комиссара путей сообщения Красина, опубликованный недавно "Правдой". Вот его содержание:

1. Существующая система железнодорожного управления, наряду с создавшимися в течение пяти лет войны объективными осложнениями, привела транспорт к полному развалу, граничащему с окончательным его прекращением.

2. Развал вызван не только ложными организационными формами и методами управления, не только упавшей трудоспособностью персонала, но и слишком частой сменой форм и органов управления.

3. Стоящую перед нами задачу — восстановление транспорта в объеме, достаточном, по крайней мере, для потребностей голодного питания и доставки для промышленности топлива и сырья, — эту задачу мы можем разрешить лишь при героическом напряжении всех железнодорожных сил.

4. Эта работа должна быть сделана тотчас же, ни один час не должен пропасть даром, ибо иначе всем завоеваниям революции грозит опасность уничтожения.

5. На место коллегиального, в действительности безответственного управления, вводятся принципы единоличного управления и повышенной ответственности: все от стрелочника до члена коллегии, должны точно и беспрекословно исполнять все мои предписания. Реформы приостановить, и всюду, где только можно, восстановить старые

должности и старый технический аппарат в центральном управлении и на линиях.

6. Введение аккордных работ — необходимо.

Красин — один из немногих значительных, практически и научно образованных организаторских талантов советского правительства. И железнодорожники всегда составляли избранную часть русского рабочего класса. Еще во времена царизма они развили хорошую организованность и показали высокую интеллигентность. И все же — такие порядки!

Воззвание показывает ясно, что не одни последствия войны виновны в тяжкой разрухе, как это часто утверждается. Эти последствия лишь обострили разруху. То — незрелость условий, вызывающих "угрозу уничтожением всем завоеваниям революции". Для спасения революции представляется настоятельно необходимым "приостановить все реформы, восстановить старые должности и старый технический аппарат", таким образом революцию с и с т е м ы сделать как бы не происходившей, чтобы спасти м у ж е й революции.

И, конечно, этот декрет также мало преобразит людей, которые должны провести его в жизнь, как это мало удавалось другим декретам.

Подобно старому капитализму производит и этот новый "коммунизм" сам своих могильщиков. Но старый капитализм производил не только их, но и новые производительные силы, позволяющие его могильщикам насаждать на место отмирающих новые, более высокие формы жизни. Коммунизм в теперешних условиях России может только исказить продуктивные силы, которые он находит. Его могильщики не могут перейти к новым формам жизни, но должны будут начинать все заново в опять возвратившихся формах варварства.

Даже как преходящее явление, подобный режим может держаться лишь опираясь на средства насилия, на слепо повинующуюся армию. Ее создали большевики, но и в этой области для самоспасения подготовив поражение своим собственным принципам.

Они начали с того, что разрушили "готовую государственную машину" с ее военным и бюрократическим аппаратом. Свер-

шив это, они нашли себя вынужденными в интересах самосохранения заново создать такой же аппарат.

Они пришли к власти как проповедники роспуска армии через солдатские советы, избирающие и отставляющие своих офицеров и подчиняющиеся им, когда сами того пожелают. Солдатские советы наряду с рабочими советами были альфой и омегой большевистской политики. Им должна была принадлежать вся власть. "Но после пира пришло похмелье".

Как только большевики наткнулись на сопротивление, они почувствовали потребность в армии, способной к борьбе и во всех отношениях стоящей к их услугам, не в армии бегущей или состоящей из частей, где каждый батальон ведет операции по своему усмотрению.

Поначалу воодушевление могло заменить повинование. Ну, а затем что? Когда воодушевление рабочих пошло на убыль, добровольцы являлись все реже, а отдельные части перестали проявлять верноподданство?

В промышленности демократически поставленное производство требует известной материальной и умственной зрелости. В боеспособной армии уже по самому ее существу демократия исключается. Война всегда была могилой демократии. Также и гражданская война, если она бушует долго. Большевизм фатально привел к гражданской войне и так же фатально — к уничтожению солдатских советов. Большевистская диктатура низвела на степень тени рабочие советы, затруднив новые выборы и исключив из них всякую оппозицию. От солдатских советов эта диктатура отобрала все важнейшие функции, а также выбор офицеров. Как и до того, они назначаются правительством. И так как добровольцев мало, то снова, как и до большевизма, вводится насильственный рекрутский набор. Это ведет к новым конфликтам между населением и правительством. Многочисленные крестьянские восстания, возникающие на этой почве, требуют опять-таки увеличения армии. Массовое дезертирство влечет за собой массовый расстрел.

"Humanite" в № от 29 мая 1919 г. приводит в очень дружественном для большевизма тоне сообщение, опирающееся на наблюдения очевидца из России и заканчивающееся следующим образом:

Красная армия есть произведение Антанты. Большевистский режим повторно провозглашал свой антимилитаризм. Мирнолюбивый русский народ питает к войне сегодня такое же отвращение, как вчера и как всегда. Он жестоко противодействует набору. В Красной армии наблюдается такое же дезертирство, как прежде в царских войсках. Нередко полк не приходит на назначенный ему пункт, так как по дороге люди разбегаются.

Своеобразная у Красной армии манера выражать свое воодушевление большевизмом!

Если строго держаться фактов, без всякой их аналогии, то получится вывод, что и в области милитаризма возвращаются старые царистские условия, лишь еще ухудшенные, ибо новый режим развивает бесспорно большую энергию, чем старый, — несмотря на провозглашение антимилитаристических принципов. Тут повторяется обстановка, подготовившая во Французскую революцию превращение республики в империю Наполеона.

Однако Ленину не предназначено закончить русским Наполеоном. Корсиканец-Бонапарт завоевал сердца Франции тем, что ее знамена пронес победоносно по всей Европе. Это давало удовлетворение одним, думавшим, что именно принципы революции завоевывают Европу; другим, находившим еще большее удовлетворение в том, что французские армии грабят всю Европу и обогащают Францию.

Россия сильна только в обороне. Те самые трудности сообщения, которые останавливают вторгающуюся в нее армию, мешают ей свою собственную армию двинуть победоносно за пределы страны. И Ленин очень хотел бы пронести через Европу победоносно знамена своей революции, но видов на это у него нет. Революционный милитаризм большевиков не обогатит России, он может стать лишь новым источником ее унижения. Ныне русская промышленность, поскольку она снова приведена в движение, работает преимущественно на нужды армий, а не для продуктивных целей. Русский коммунизм стал воистину социализмом казармы.

Экономический, а потому и моральный крах большевистских методов неизбежен. Он мог бы быть затушеванным, если бы разразился в военном крушении.

Никакая всемирная революция, никакая помощь извне не могут устранить паралич большевистских методов. Задача европейского социализма по отношению к "коммунизму" совершенно иная: заботиться о том, чтобы моральная катастрофа одного, определенного метода социализма не стала катастрофой социализма вообще; чтобы была проведена резкая различительная граница между этим и марксистским методом, и чтобы массовое сознание восприняло это различие. Та радикальная социалистическая пресса понимает очень плохо интересы социальной революции, которая полагает, что служит им, внушая массам мысль об идентичности большевизма и социализма и поддерживая в них веру, что теперешняя форма советской республики — только потому, что она совершает плавание под флагом всевластия рабочих и социализма — действительно осуществляет социализм.

Террор

Изображенное здесь развитие возникло, конечно, не по желанию большевиков. Наоборот, оно явилось совершенно иным, чем то, чего они хотели, и они пытались всеми мерами бороться против него. Но меры эти в конце концов сводились к тому же рецепту, по которому большевистский режим действует с самого начала, — к насилию, к произволу нескольких диктаторов, по отношению к коим даже самая скромная критика невозможна. Террор, режим ужаса стал неизбежным последствием коммунистических методов. Это — отчаянная попытка устранить их результаты.

Среди явлений, обнаруженных большевизмом, террор, начатый с уничтожения всякой свободы печатного слова и восславленный системой массовых расстрелов, — самое поразительное и отталкивающее, то явление, которое вызывает к большевикам наибольшую ненависть. И все же явление это — лишь их трагичный рок, не вина их, — поскольку вообще при таком гигантском массовом движении может идти речь о виновности, которая, в сущности говоря, всегда может быть только личной.

Кто желает обсуждать вопросы вины, тот должен исследовать нарушение моральных заповедей отдельными лицами и, — ибо и воля, беря вопрос глубоко, всегда может исхо-

доть лишь от отдельных лиц. Масса, класс, нация в действительности не могут иметь воли, для этого у них нет соответствующего органа, поэтому они не могут и грешить. Масса или организация могут собственно действовать, но все же мотивы каждого из участников действия остаются весьма различными. А мотивы, между тем, играют решающую роль в определении вины.

Мотивы большевиков были, наверное, наилучшими. В начале своего владычества они проявили себя исполненными идеалов гуманности, порожденных классовым положением пролетариата. Их первый декрет отменял смертную казнь. И все же, если говорить о вине с их стороны, то она возникает как раз в период этого декрета, когда они решили ради власти поступиться принципами демократии и исторического материализма, которые они десятилетиями непреклонно защищали. Их вина падает на тот период, когда они, подобно бакунистам Испании в 1873 г., провозгласили "немедленное полное освобождение рабочего класса", — не взирая на отсталость России, и для этой цели, — так как демократия "оказалась бессильной", — ввели собственную диктатуру под фирмой диктатуры пролетариата.

Здесь нужно искать корень их вины. Как только они вступали на эту стезю, они уже не могли не практиковать террора. Мысль о мирной действительной диктатуре есть не более, как иллюзия.

Созданиями террора стали революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии, о которых мы уже говорили. Как одни, так и другие хозяйничали страшно, не говоря уже о карательных экспедициях, число жертв которых невозможно установить. И количество павших от руки "чрезвычайек" также вряд ли когда-нибудь будет выяснено. Во всяком случае, оно достигает тысяч. Минимальная статистика определяет их в 6000. Некоторые указывают двухкратное, даже трехкратное этого числа. К тому же бесконечный ряд брошенных по произволу в темницы, замученных насмерть и приконченных пытками.

Защитники большевизма ссылаются на то, что их противники, белая гвардия Финляндии, балтийские бароны, царские генералы и адмиралы поступают не лучше. Но разве воровство может быть оправдано тем, что и другие воруют?

Но другие не унимают своих принципов, когда они по соб-

ственным произволу жертвуют человеческою жизнью для удержания за собой власти. Большевики же могут это делать, лишь изменяя принципам святости человеческой жизни, которые они сами возвестили, которые их самих подняли и оправдывали. Разве мы не боремся со всеми этими баронами и генералами как раз потому, что для них человеческой жизни — грош цена, что она для них — лишь средство для их властных целей?

Следует, конечно, возражение, что в целом-то и есть разница. Высшая цель освящает средства, которые в руках властителей становятся злодейскими, ибо их цели — злодейские. Но ведь цель освящает не всякое средство, а лишь такое, какое находится в полном созвучии с ней. Недостойное цели средство не может быть освящено этой целью. Как нельзя отстаивать жизнь принесением в жертву всего, что составляет ее содержание и смысл, так нельзя защищать свои принципы нарушением их.

Доброе намерение может служить извинением для тех, кто применяет неправильные средства, но сами эти средства остаются все же недостойными. И тем более недостойными, чем огромное вред, ими причиняемый.

Но и сами-то цели большевистского террора далеко не безупречны. Их ближайшая задача — удержать созданный ими милитаристски-бюрократический аппарат. Во что бы то ни стало это должно быть осуществлено истреблением коррупции внутри самого аппарата.

В "Правде" от 1 апреля этого года профессор Дукельский требовал очищения большевизма и правительственных учреждений от всех попутчиков, бандитов и авантюристов, примазавшихся к коммунизму для эксплуатации его ради собственных преступных целей. На это Ленин возразил:

Автор письма требует, чтобы мы очистили нашу партию от авантюристов и бандитов — совершенно справедливое требование, которое мы уже давно выставили и проводим. Бандитов и авантюристов мы расстреливаем и будем и впредь расстреливать. Но чтобы эта чистка пошла быстрее и основательнее, нам нужна помощь искренней и беспартийной интеллигенции.

Расстрел — он стал альфой и омегой коммунистической правительственной мудрости. Но разве Ленин не призывает интелли-

генцию на помощь в борьбе с бандитами и авантюристами? Да, но он лишает ее единственного действительного оружия — свободы печати. Контроль свободной печати сам по себе способен держать на узде бандитов и авантюристов, которые непременно втискиваются во всякий самовластный, бесконтрольный правительственный аппарат, которые уничтожением свободы печати воспитываются и взращиваются.

А русская печать находится теперь исключительно в руках правительственных учреждений, в которых расположились авантюристы и бандиты. И какими гарантиями располагает Ленин, что бандиты и авантюристы не проникли также в революционные трибуналы и "чрезвычайки", с помощью которых они поставят к стенке "искреннюю и беспартийную интеллигенцию", способную вывести их на чистую воду?

И как раз чрезвычайные комиссии по борьбе со взяточничеством обладают самой неограниченной властью, совершенно свободны от всякого контроля и таким образом действуют в условиях, порождающих то, для борьбы с чем они созданы. Революционный трибунал 1793 года также обладал уже неслыханной властью произвола. Правовые гарантии обвиняемых были ничтожны. Но все-таки он судил публично, и некоторый контроль его действий был возможен. Чрезвычайки советской республики судят тайно, без соблюдения каких бы то ни было правовых гарантий обвиняемых. Не считается безусловно необходимым выслушать их, не говоря уже об их свидетелях. Достаточно доноса, простого подозрения, — и расправа готова.

Эта мерзость приняла такие размеры, что пришлось распорядиться об ее уничтожении. Было постановлено, что "чрезвычайки" не должны постановлять приговоры о расстреле без следствия и суда. Но произвол так спаян с диктатурой, что его нельзя устранить, когда диктатура остается. Указанное постановление сводит само себя на нет в ту минуту, когда оно допускает исключение при "открыто контрреволюционных заговорах". Этим, понятно, открываются широкие возможности для любого произвольного расстрела. И если это постановление будет точно исполняться, то оно будет охранять лишь разбойников и бандитов, а не "искреннюю и беспартийную интеллигенцию", при сотрудничестве которой должны быть очищены правительственные учреждения. Ибо, что же такое эта самая чистка, как не "контрреволюция"?

Самые смиренные выражения недовольства вызывают такие же угрозы, как и бандитизм. И эти угрозы не ограничиваются уже никакими постановлениями, ибо они касаются области, где честные коммунисты и бандиты одинаково заинтересованы. Против критики советского режима они выступают единодушно и тут уже нет речи о снисхождении.

Так, совсем недавно всероссийская комиссия по борьбе с контрреволюцией объявила:

Ряд волнений, разразившихся в последнее время, свидетельствуют о том, что лавры Краснова не дают покоя левым социалистам-революционерам и левым меньшевикам.

Вся их деятельность направлена исключительно на развал нашей армии (Брянск, Самара, Смоленск), на разрушение нашей промышленности (Петроград, Тула), нашего транспорта и железнодорожного дела (железнодорожные стачки).

Всероссийская чрезвычайная комиссия настоящим доводит до сведения, что она не будет делать никакого различия между белогвардейцами из рядов красновских войск и белогвардейцами из партии меньшевиков и социалистов-революционеров левого крыла.

Карающая рука чрезвычайной комиссии с о д и н а к о - в о й б е с п о щ а д н о с т ь ю опустится на головы как одних, так и других.

Арестованные левые социалисты-революционеры и меньшевики будут служить заложниками, и судьба их будет зависеть от поведения обеих партий.

Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии —
Р. Дзержинский

(Взято из "Известий" всероссийского центрального исполнительного комитета, № 59 от 1 марта 1919 г.)

Итак, потому, что в армии обнаружались признаки разложения, среди фабрично-заводских рабочих и железнодорожников растет недовольство, — руководящие элементы небольшеви-

ского социализма взяты под арест, чтобы при малейших признаках дальнейшей пролетарской оппозиции быть расстрелянными.

Держание на привязи недовольного пролетариата — такова та возвышенная цель, которая теперь в России должна освящать нечестивые средства массовых убийств. Но экономического развала эти средства не превратят в экономическое процветание.

ИНОРОДЦЫ *

Термин *и н о р о д е ц* понимается на языке правительства и националистической прессы в двояком смысле — политическом и технико-юридическом. В политическом и главнейшем значении этого слова основным признаком инородчества является *я з ы к*. *Только население, говорящее на великорусском наречии, имеет привилегию на звание русского народа. Ни раса, ни даже религия, ни политическая лояльность не играют существенной роли.* Поляки, будучи славянской крови, говоря на славянском диалекте, все же считаются инородцами. Грузины, хотя и православные, все же остаются инородцами. Даже украинцы, родные братья по крови с великороссами, такие же православные, как последние, но имеющие дерзость говорить на собственном малорусском наречии, хотя и столь близком великорусскому, не перестают во многих отношениях считаться на положении инородцев. Остзейские немцы, славящиеся своей лояльностью, остаются такими же инородцами, как "бунтовщики" поляки. Но русские сектанты, даже самые яростные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа. И всем хорошо известно, что за этой классификацией кроется

Примечание. В основу этого очерка легли, помимо литературного материала, сведения, добытые путем бесед и переписки с представителями различных народностей, затрагиваемых в этой статье. Всем этим лицам автор приносит свою искреннюю признательность.

* Статья из сборника "Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия". Редактор А.Н. Костелянский, С.-Петербург, издание товарищества "Общественная польза", 1910, стр. 531-574. (Статья публикуется с сокращениями.)

серьезная политическая сущность, целый комплекс политических отношений огромной важности.

Но официально термин этот имеет еще и другое, более узкое и не менее странное значение.

В технико-юридическом смысле под инородцами подразумевается целый ряд не-славянских племен, которые в законодательном отношении поставлены в особое положение, каковы:

- 1) сибирские туземные племена;
- 2) самоеды;
- 3) калмыки Астраханской и Ставропольской губернии (но почему-то не Донской области);
- 4) киргизы;
- 5) горцы Кавказа;
- 6) туземцы Туркестана;
- 7) ордынцы Закаспийской области и, наконец,
- 8) евреи!

Уже простой перечень категорий инородцев, среди которых наряду с самоедами фигурируют и евреи, и в то же время отсутствуют татары, чувашы, вотяки, башкиры, цыгане, зыряне, показывает, что о какой-либо хотя бы практической пригодности этой классификации речи быть не может, и свидетельствует лишь о той бесцеремонности, с какой наши бывшие сочинители законов творили свои quasi кодификационные обобщения.

Для нашей задачи — обзора национального пробуждения инородческих племен — ни первое, ни тем менее второе толкование термина "инородец" не может найти применения. *Мы не можем классифицировать народы России по языкам, потому что сам по себе язык, к какой бы лингвистической группе он ни принадлежал, нисколько не характеризует ни уровня культуры, ни степени национального сознания его носителя.*

Для нашей задачи — характеристика национального движения — термин "инородцы" может иметь только одно толкование, именно то, которое ему придается в *этнографическом* понимании слова, т.е. группы народов, либо совсем чуждых, либо только в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре. Поэтому ни расовый элемент, ни язык, ни даже религия не играют решающей роли. Поэтому, например, в эту категорию войдут поволжские финны, вроде мордвы, вотя-

ков, но не войдут финны западные, как эсты и финны Финляндии, вполне или в значительной степени приобщившиеся к европейской культуре. Тут встретятся такие народности, как бродячие чукчи, едва вышедшие из культуры каменного века, и такие, как татары, исповедующие мировую религию и обладающие письменностью, равно как и народы Туркестана, создавшие высокую культуру и государственность, но имеющие все один общий признак — неприобщенность ни путем своего собственного языка и литературы, ни путем языка другого народа к европейскому просвещению.

Сюда войдут из народов европейской России татары, волжские и крымские, и их приуральские соплеменники — башкиры, мещеряки, тептяри, — группа, достигающая в своей численности 4,5 миллиона. К ним в Сибири примыкают их единоверцы и соплеменники, татары разных наименований — около 350.000; тюрки Средней Азии, из которых на первом плане стоят киргиз-кайсаки, свыше 4 млн., далее кара-киргизы, кара-калпаки, туркмены, узбеки и проч. кочевники — всего около 1,5 млн., далее культурные сарты (1 млн.) и таджики (400.000), — группа народов, различных по культуре и национальной индивидуальности, но объединенных могучим цементом единой религии, насчитывающих в общей сложности 12 млн. и имеющих за собой симпатии многочисленных кавказских мусульман.

За этой многомиллионной группой мусульманских народов следуют поволжские православные финны — мордва (1.200.000), черемисы — (430.000), вотяки и пермяки (около 600.000), зыряне (175.000) — народы, значительно ассимилировавшиеся в культурном и религиозном отношении с русским населением, но достаточно сохранившие свои национально-индивидуальные черты, чтобы при благоприятных условиях выступить на путь национального возрождения; по крайней мере, об этом можно судить по той значительной энергии, которую они проявили в освободительном движении. К этой группе географически и культурно примыкает компактный и крепкий тюркский народ — чуваш и, численностью до 1 млн., народ, близкий к татарам по языку, но в будущем скорее естественный союзник поволжских финнов, чем татар.

Еще один маленький народ (свыше 200.000 чел.) в Европейской России представляет интерес в национальном отношении: это калмыки большей своей частью скопившиеся в Астраханской губернии, мало проявившие себя в освободительном движении, но имеющие все данные для национального самоопределения. По расе, языку и религии, отчасти социальному строю и культуре, им родственно маленькое племя бурят (330 тыс.), расселившееся в степях Забайкалья и в Иркутской губ., племя, которое по яркости своей национальной индивидуальности, по энергии своих политических проявлений должно быть поставлено в первом ряду рассматриваемых нами народов. Наконец, еще далее к северо-востоку разбросалось маленькое якутское племя (260.000), огромная национальная энергия которого, восторжествовав над неблагоприятными условиями климата и географического положения, над всеми попытками русификации, заслуживает внимания и интереса.

В самом дальнем углу Забайкалья затерялось несколько полуоседлых родов тунгусов, давно отколовшихся от других ветвей своего племени, наполовину обрусевших, наполовину обурятившихся. Еще несколько лет, и от этого маленького народа едва бы сохранилось его историческое название. Вопреки всем ожиданиям, в период освободительного движения они внезапно выступили на сцену впереди других местных инородцев.

В 1904 г. они наиболее стойко сопротивлялись введению института крестьянских начальников, упорно отказываясь выбирать должностных лиц, и вызвали против себя целый ряд репрессий, а после манифеста 17 октября они одни на собственный страх и риск стали отбирать у кабинета отрезанные у них земли... Их лидером и любимым оратором на митингах был пылкий "народник", говоривший им о самоопределении, автономии и возрождении. На сугланах снова раздалась тунгусская речь...

То, что произошло в психологии крошечного обломка тунгусского народа, как в капле воды отражает то, что происходило в то время в самых различных формах и в различной степени среди инородцев по всему протяжению великой Империи от полярных равнин Якутской земли, степей Монголии, Прибайкалья и Средней Азии, до дикой Башкирии, забитой Биармии, в глухих деревнях поволжских татар, среди стойкой Морд-

вы, в самых глухих ущельях Кавказа, на выжженных солнцем степях Крыма. Зашевелились даже всеми забытые зыряне.

Что вызвало этот взрыв, мы знаем: это великий лозунг свободы, громким эхом отозвавшийся во всех углах огромной империи. Но прежде чем этот великий лозунг был произнесен, произошло событие, одинаково подготовившее и эру свободы, и взрыв национального пробуждения — это японская война. Беспримерные поражения русской армии и флота ни на кого не произвели такого потрясающего впечатления, как на инородцев. Каждое из инородческих племен испытало на себе в той или другой степени мощь русского оружия. Каждое из них знало десятки героических и стойких попыток протеста, и все они кончились безнадежным и беспощадным поражением. Давно уже забыто было рыцарство, сменившееся покорным смирением перед непобедимым колоссом всемогущего и бесчисленного победителя. Никто так не идеализировал военной мощи России, как инородцы. В то же время никто так остро и ежечасно не чувствовал всей тяжести гнета и произвола, как инородцы, для которых самое маленькое начальство являлось богом и царем. Самы представители власти порой недостаточно учитывали этот безотчетный страх инородца перед силой России. Неоднократно и без нужды они устраивали запугивающие, иногда и кровавые демонстрации, чтобы внушить страх и без того энервированному народу.

За год до японской войны проездом в Японию военный министр Куропаткин, бывший тогда в зените своей славы и силы, во время смотра войск в Чите вызвал к себе представителей бурятского народа, волновавшегося в то время по случаю готовившихся нововведений в области землевладения и самоуправления, и, грозясь кулаком, клялся перепуганным насмерть инородцам, что "за малейшее послушание" буряты будут стерты с лица земли, не останется ни следа, ни пылинки!

"Вот видите, — кричал он, — идут войска, Россия может привести еще сотни тысяч таких... Так могущественна она!"¹

Его угроза была совершенно напрасна; буряты и раньше не сомневались в полном своем бессилии и тщетности борьбы. Че-

рез год этот грозный генерал стал получать поражение за поражением от маленького монгольского народа, вызывавшего до тех пор одни лишь насмешки со стороны даже русских простолюдинов.

Поражения русских принимались суеверными инородцами, как кара Божия² за нанесенные им беды, а мощное возрождение маленькой Японии казалось символом их собственного национального возрождения. Инстинктивно чувствовалось ими, что за неудачной войной, вконец дискредитировавшей старые порядки, должна наступить новая эра новых отношений к власти. События оправдали эти предчувствия.

Словно колоссальная тяжесть свалилась с плеч, и как во сне едва верилось инородцу, что это реальная действительность. И то, что в последовавший период бури и натиска, всеобщего энтузиазма и борьбы, пришлось пережить всей России, быть может еще в более интенсивной степени было пережито сугубо теперешним инородцем. Замечательный факт: в этот бурный момент не раздалось ни одного сепаратистского голоса, все народы были охвачены одним чувством, все жаждали только свободы, все жаждали национального самоопределения!

Но за эмоциями момента должны были скрываться важные реальные интересы, запросы, потребности, традиции, словом, весь тот сложный комплекс элементов и условий, из которых складывается национальная индивидуальность, национальное самосознание. Весьма неодинаковы были как по форме, так и по содержанию, эти элементы у каждой из рассматриваемых нами народностей, и неодинаково поэтому каждая из них реагировала в период национального порыва. На первом плане выступает в этом отношении географическое положение тех или других народностей. Одни из них, как татары, мордва, вотяки, чуваша, башкиры, ставропольские и донские калмыки, зыряне, черемисы, некогда занимавшие обособленные территории на окраине страны, с давних пор уже оказались инкорпорированными, окруженными мощными пластами господствующего племени. Ни одна из этих народностей не обладает в настоящее время единой непрерывной территорией. Самые счастливые из них в этом отношении (чуваша, например) сохранились в виде больших или меньших островов, разделенных боль-

шими проливами русского населения. В других местах последнее врезалось многорукавными потоками, образуя амальгаму чередующихся русских и инородческих поселений. Потеряв свою территориальную индивидуальность, эти народности потеряли свои индивидуальные черты в насущнейших сторонах своего социального быта. Очутившись в близком соседстве с русской государственностью, они неизбежно уравнились с русским населением в административном и хозяйственном отношениях. Некоторые из этих народностей, как мордва, вотяки, чуваша получили от этой государственности и русскую религию.

Правда, у всех этих народностей сохранился язык, сохранились многие исконные обычаи, а у некоторых в полной силе сохранилась и национальная религия, как у татар, у калмыков ставропольских и донских (роль этих элементов мы увидим впоследствии), но наиболее насущные интересы этих народностей (по крайней мере, среди наиболее многочисленной части их — крестьянского, земледельческого населения) не представляли собою ничего индивидуального, ничего резко отличающегося от интересов и прав общего населения. При таких условиях в период революции политические требования и политические выступления этих народностей в общем естественно шли в одном направлении с общерусскими. Оратор на митингах у мордвы или чувашей говорил те же речи, что и в соседнем русском селении, только в одном селении он говорил по-русски, в другом — по-мордовски, и так как аграрный и правовой вопросы были самыми жгучими, то об обособленной национальной платформе, а тем более об обособленном выступлении и речи быть не могло. Вот почему, несмотря на выдающееся участие мордвы и чувашей в освободительном движении, их протесты терялись в общем аккорде российского Поволжья.³

Совершенно в другом положении оказались народности *окраинные*, далекие от центра, обладавшие сплошной территорией, и земельные права и самоуправление которых исторически сложились отлично от русского населения. Здесь национальное самосознание покоилось на широкой, совершенно специфической — экономической и правовой — базе. Таково положение 4-миллионного народа к и р г и з - скотоводов, беспредельно доминировавших на своей необъятной степи, с их кочевым хозяйством, с их родо-общинной территорией, своей верой, своими

обычаями, и хотя и урезанным, но все же своим самоуправлением. В таком же положении калмыки и Калмыцкой степи, хоть и в значительной степени утратившие свое старинное самоуправление, но сохранившие свою территорию и с ней все исконные особенности своего земельного и хозяйственного строя, свои вековые обычаи и религию. В таком же положении — забайкальские буряты, удержавшие до самого последнего времени свою исконную территорию на границе Монголии и сохранившие свое широкое самоуправление по закону Сперанского; типичные скотоводы, для которых неприкосновенность их земельного фонда и форм землевладения составляет основной нерв их существования. Сюда же должны быть причислены якуты, фактические хозяева единой огромной территории, сохранившие остатки своего родового самоуправления, язык и обычаи.

Всем этим народам грозят две опасности: полная потеря последних остатков самоуправления, отданного всецело под опеку чиновничества, и самая грозная опасность — потеря исконных земельных владений и, как неизбежное последствие, разрушение хозяйственного строя и разорение.

С самого момента присоединения к России сибирских инородцев закрепленные за ними указами и манифестами земли, несмотря на все запреты центрального правительства, подвергались, при содействии местных властей, систематическим захватам со стороны пришлого элемента; но за последнее время само центральное правительство, в видах вящей русификации инородцев и в интересах будущей русской колонизации, вступило на путь планомерного урезывания угодий инородцев. Признав территории их казенными оброчными статьями, правительство вступило уже в киргизской и бурятской степях к так называемым землеустроительным работам, которые, в сущности, сводятся к отмежеванию миллионов десятин инородческих земель!

Как в настоящий момент обстоит дело с аграрным вопросом у кочевников, лучше всего свидетельствует речь, произнесенная начальником переселенческого управления г. Глинкой в государственной думе, сказавшим буквально следующее (цитир. по отчету газ. "Речь" от 12 марта 1909 г.):

”Прежде всего, у киргиз нет права собственности на землю, которую они занимают. Земля эта казенная и лишь оставлена в пользование киргиз. ...”

Трагедия, создаваемая этой новой политикой, тем ужаснее, что инородцы сами терпят от малоземелья, что кочевья их в общем совершенно не пригодны к земледелию, к которому они по собственной инициативе и сами бы перешли, если бы к этому была действительная возможность. В действительности и киргизы, и буряты, и калмыки, где только возможно, занимаются и сенокосением и полеводством, буряты прибегают даже к искусственному орошению; но в целом их территория для земледелия не пригодна.

Б а ш к и р ы , например, уже успели пасть под тяжестью этого несчастья, и тяжесть оказалась столь подавляющей, что в течение трех десятков лет после этого удара они потеряли уже всякое мужество, всякую способность к сопротивлению и приспособлению к новым формам быта; народ, история которого в течение веков была сплошной поэмой рыцарской борьбы, теперь совершенно потерял национальный облик, и в лучшем случае, если судьба спасет его от окончательного вымирания, ему предстоит совершенно потонуть в общетатарском течении.

Такой же базой национального единства служит общая, всем одинаково доступная земля у киргиз, у бурят, у якутов, у минусинских инородцев. Но в особом положении очутились ко времени освободительного движения первые два народа. На них всей тяжестью обрушилась колониальная политика новейшего периода. Еще с 1901 г. над головой бурят висит дамоклов меч куломзинского закона о душевой нарезке земли с конфискацией всей остальной в пользу будущих переселенцев. Бурятам в утешение предоставлено перейти к земледелию, для которого их родная степь абсолютно не пригодна. То же с киргизами, у которых землеустроители ”отмежевывают” не только земли, но даже и водные источники, без которых существование в степи невозможно.

Если у таких народностей, как киргизы и буряты, решающими в национальном вопросе являются аграрные отношения, то для других ту же роль играет вопрос р е л и г и о з н ы й. Даже для таких народностей, как м о р д в а , в о т я к и ,

ч у в а ш и, громадная масса которых присоединилась к православию, религиозный вопрос тесно переплетается с национальным. Прежде всего, довольно значительная часть только механически присоединена к православию, она остро чувствует экономический гнет духовенства, и при первом удобном случае готова освободиться от навязанной религии, ибо старая вера для них прежде всего вера их предков, вера их собственного народа.⁴

Вот некоторые данные о поволжских инородцах, принадлежащие наблюдателю, которого менее всего можно заподозрить в пристрастии.

”Из 110.000 старо-крещеных татар не менее 40.000 отступников ... Из 400.000 вотяков — язычников около 17.000, мусульман около 3.000, остальные христиане, но по верованиям и образу жизни многие из этих христиан мало отличаются от язычников... Из 350.000 черемис — одна часть коснеет в язычестве, другая отпадает в ислам, третья ”склоняется” (sic!) к православию. Мордва ... очень благочестива (Темниковский и Спасский уезды Тамбовской губернии), с усердием посещает церковь, но в то же время усердно приносит языческие жертвы. В других местах языческие моления отмечены у мордвы, крещеной 200 лет тому назад. Аналогичные явления у чувашей”.⁵

”Первый видимый результат освободительного движения, — жалуется священник Вятской губернии, — что из церкви бегут на старые моления”.⁶

”1.000 семейств в Яранском уезде подали в феврале 1908 г. прошение губернатору о возвращении в ’доаврамскую’ веру”.⁷

Такое же явление отмечено у бурят Иркутской губернии, где десять тысяч крещеных возбудили ходатайство о переходе в язычество. Нечего говорить о вечном страхе, в котором жили оставшиеся формально в язычестве и в благовесте свободы увидевшие начало освобождения от миссионеров. Но даже и окреп-

шие в христианстве элементы имели достаточно оснований жаловаться на национальное угнетение в религиозной области. В этом деле жалобы различных народностей одни и те же. С тупым упорством консистории, на зло просьбам прихожан, назначали зачастую в инородческие селения священников русских и, наоборот, в русские селения священников из инородцев, и часто инородцы отказываются посещать церковь в своем селении, предпочитая предпринимать далекие путешествия за несколько верст в русские селения, где служит священник-инородец.

Гораздо большую роль в национальном отношении играет религия у народов мусульманских, особенно у тех из них, которые живут попеременно с русским населением и по отношению к которым миссионерство действует наиболее агрессивно, именно, у поволжских татар. У мусульман религия проникает во все поры национальной жизни, начиная с обрядового костюма и кончая высшими проявлениями духовной культуры, моралью, школой, письменностью, наукой, социальной солидарностью. Можно различно относиться к тому, что называется мусульманским фанатизмом, но нельзя отрицать, что то, чем каждый член народа дорожит больше, чем своей жизнью, составляет могучий цемент национальной солидарности и объединения. Можно критически относиться к ценностям мусульманской образованности, но нельзя отрицать, что то, что дает она в духовном отношении мусульманским массам, ставит их в умственном отношении несравненно выше окружающего русского населения. Громадная сеть мектебе и медресе, созданная частной инициативой, столь резко выделяющаяся на фоне школьного убожества русского населения, дает миллионам татарского населения не только грамоту, но и значительную духовную пищу. Как относятся татары к своей конфессиональной школе, достаточно свидетельствует тот факт, что в Казанской губернии среди русского населения один учащийся приходится на 14 человек мужского населения и одна учащаяся на 55 человек женского; у магометан же один учащийся на 9 мусульман и одна учащаяся на 12 мусульманок.⁸

”Ислам, — говорит один образованный татарин, — связан с нашей национальностью. Если ислам не религия, то это прекрасная философия наших предков. Если Магомет не был пророком, то он был философом ... Верующих же

мусульман никогда нельзя будет обратить в христианство, потому что они имеют прекрасную религию, которая не хуже христианства”.⁹

Мусульманство является источником целого ряда политических ограничений, начиная с процентной нормы в школах и самоуправлении и кончая государственной службой. Далее, следует опека над внутренним строем церковной жизни, доходящая до анекдотических эксцессов вроде того, что петербургским муллой был назначен в свое время безграмотный извозчик. Наконец, источником вечного национального раздражения является агрессивная деятельность миссионеров, вызывающая необходимость в постоянных мерах самообороны и самодеятельности, в конечном итоге только укрепляющих и углубляющих чувство религиозно-национального самосознания.

Как действуют посягательства миссионеров на распространение влияния ислама, видно особенно ярко на киргизах.

”Пока не было миссионеров в киргизской степи, — рассказывает один мусульманин, — киргизы не знали мусульманства и не учили ему своих детей за исключением немногих богачей, которые нанимали учителей-татар. Когда же явились миссионеры и стали бранить ислам, когда киргизы подумали, что правительство хочет их обратить в христианство, все, даже самые бедные, стали обучать детей мусульманской грамоте, нанимая учителями на лето татар-учеников медресе. Тогда полиция стала запрещать татарам-муллам и ученикам ездить к киргизам. Но они стали ездить туда под видом торговцев, и киргизы стали еще усерднее отатариваться. Мусульманские миссионеры в 50 лет не могли бы так отатарить киргиз, как это сделали русские миссионеры за 15-20 лет”.¹⁰

Теперь будет понятно, каким образом с такой поразительной легкостью мог образоваться в освободительный период замечательный М у с у л ь м а н с к и й с о ю з, объединивший народы самых различных частей России, начиная с арийцев Туркестана, продолжая киргизами, башкирами, татарами (поволжскими и крымскими) и кончая мусульманскими народами Кавказа..

Крупную роль национального цемента играет религия и у народов ламаистской веры, у бурят, у калмыков. Введенный сравнительно недавно — два века тому назад — и, что всего страннее, не без содействия русского правительства, ламаизм сросся неразрывно со всем комплексом народной жизни, став ее духовным фокусом. Как татары исламу, так и монгольские народы ламаизму обязаны всем, что у них есть хорошего, — своей моральной и умственной культурой. И вечная опасность потери своего религиозного достояния, постоянная необходимость самообороны не могли, понятно, не содействовать национальному цементированию и самосознанию.

Другой важный элемент народной индивидуальности — язык.

Это один из тех национальных элементов, который труднее всего поддается внешнему давлению и обыкновенно утрачивается позже других. Он способен устоять даже тогда, когда носитель его через посредство другого, более развитого языка, приобщился уже к другой, более высокой культуре. Русский язык естественно все более и более проникает в инородческую среду, но вытеснить родные языки даже среди наиболее обрусевших элементов он оказался не в состоянии. В православных мордовских селениях, по виду совершенно обрусевших, рядом с русским в полной силе сохранился мордовский язык. Но большая часть инородцев сохранила полное *одноязычие*. Чуваша, например, во многих местах настолько чужды русского языка, что в городах купцы вынуждены держать особых приказчиков для объяснений с приезжающими в базарные дни чувашами. Нечего говорить о более изолированных от русского влияния калмыках, киргизах, среднеазиатцах, бурятах, якутах.¹¹

И понятно, что не одной только эмоциональной стороной ограничивается привязанность инородцев к родному языку. С ним в той или другой степени связаны высокоценные культурные завоевания. У мусульманских народов на живом народном языке есть громадная литература мусульманской образованности, которая накопилась в течение 2-х веков усиленной деятельности интеллигенции и духовенства, и на которой воспитались целые поколения; и с каждым днем литература все более приближается к жизни, становясь проводником и европейской образованности в народные массы.¹²

То же можно сказать и о бурятском и калмыцком языках, впитавших в себя, благодаря ламаистским школам и переводной литературе, все утонченности буддийской философии и индусской образованности. Приспособить такой язык для преподавания на нем всех сокровищ европейской культуры — дело одного поколения.

Но не одними лишь народами мусульманской и буддийской культуры осознана важность сохранения и развития родного языка и письменности. Сознание это проникло и к таким малокультурным племенам, как чувашаи, якуты, вотяки, мордва и т.д. И у этих народностей начинает развиваться родная письменность. Инициаторами ее часто являлись миссионеры, которые в целях пропаганды переводили на инородческие языки священные книги. Долгое время эти переводы оставались мертвыми для народа, но исподволь одиночки-интеллигенты, выходцы из недр народа, успели оценить эти несовершенные опыты и, несмотря на все преграды, сумели извлечь из них пользу для просвещения народа. Периодическая книга стала попадать в церковь, в школу, в избы поселян. В период освободительного подъема на этих младенческих языках не только заговорили о самых серьезных предметах, но дерзнули печатать газеты, брошюры, сочинять учебники.

От бесправия языка инородцы терпели если не так же остро, то столь же сильно, как и более культурные народы России. Прежде всего, это бесправие особенно тяжело сказывалось в области народного суда и управления. Уже не говоря о том, что бесправие местных языков в этих областях является оскорблением национального самолюбия и официальным признанием приниженности данной народности в глазах русского населения, порядок этот фактически лишает население всякой судебной и административной защиты. На месте судьи и закона становится пресловутый писарь, профессиональный переводчик! Какое поле для вымогательства, бессудности, произвола! Это испытали особенно остро такие народности, как буряты, калмыки, еще очень недавно имевшие собственное управление и суд. Достаточно видеть беспомощного инородца, выслушивающего резолюцию крестьянского начальника или получающего копию решения на непонятном ему языке, чтобы понять и обиду, и злобу, загорающиеся в его душе.

В школьной области бесправие языка испытывалось одинаково всеми народностями, притом в двух направлениях. Родной язык либо совершенно запрещается преподавать, например, у мордвы, вотяков, чувашей, черемисов, либо его преподавание ограничивается ничтожным количеством времени, ему посвящаемого, как у калмыков и бурят. С другой стороны, языком преподавания в начальной школе был обязательно русский. Эта директива проводилась с такой последовательностью, что, например, бурят и калмыков не принимали в учительские семинарии, содержащиеся зачастую на инородческие деньги. И если случайно инородцу удастся добиться звания учителя, то его нарочито назначают в русские школы. Только татары и чувашаи (по счастливому исключению, благодаря авторитету известного ученого миссионера Н.И. Ильминского) имели свою учительскую семинарию, но языком преподавания был и тут русский.

Наконец, последняя и немаловажная область бесправия языка — это область печати. Конечно, не все инородцы одинаково остро чувствовали это лишение, но такие народности, как татары и буряты, доросшие до потребности в органах печати и вообще в печатных произведениях, испытали его в полной мере. Буряты до 1905 г. имели только одну газету, и то официозную, исключительно для пропаганды православия и благонамеренности, в то время как даже богослужебные книги печатались тайком в дацанах. В Казани до последних лет ни одна татарская газета не разрешалась, и светская интеллигенция была лишена какой бы то ни было возможности утилизировать свои знания на пользу народа.

Для превращения народа в национальный коллектив, сознающий себя таковым, недостаточно, конечно, одной личности тех или других обычных элементов народного бытия, как территория, язык, вера, сходство обычаев и образа жизни и т.д. Это все сырые материалы, требующие особой огненной спайки в горниле общего организованного сотрудничества, общей борьбы за самосохранение, общих исторических действий или, по крайней мере, общих исторических эмоций — как результата совместной борьбы или переживаний; необходимы, кроме того, благоприятные условия, чтобы такие эмоции не те-

ряли своей живости и яркости в памяти народа. Но эти эмоции, это сотрудничество могут ослабнуть. Бывает и так, что эти факторы и не возникали и не достигали той интенсивности, при которой аморфный народный организм превратился бы в самосознующееся единое целое. Таким образом, мы видим народности, национально угасшие, и народности, никогда не достигавшие национального самосознания и существования.

Как для возрождения национальности, так и для рождения ее необходимы еще могучие внешние стимулы, необходим момент или повторяющийся ряд моментов высокого эмоционального общения. Для агрегата народности необходим внешний толчок, чтобы побудить разрозненные, неспаянные элементы к общему действию, к общей борьбе, к эмоциям национального сознания, которые, будучи повторяемы, превратившись в традицию, становятся обычным психическим признаком данного этнического коллектива. Киргизы, по свидетельству В.В. Радлова, изучавшего их лет 35 назад, несмотря на тождество языка, образа жизни, веры, не только не сознавали себя единым народом, но не имели на своем языке даже надлежащего слова, которое выражало бы это понятие. Но когда русификаторская политика создала общую опасность потери их учреждений и, главное, земель, они начали сознавать себя народом. То же с бурятами. Когда эти последние вступили в русское подданство, они представляли собою агрегат родов, племен, но не народ. Общий гнет, общая опасность потери своих прав и земель постепенно сплавляли роды и племена в одно целое, и на наших глазах, в момент величайшей опасности для их существования, момент потери самоуправления и земель, совпавший с другим великим стимулом — освободительного движения, окрылившего их надежды и внушавшего мужество — обе бурятские ветви поднялись до национального самосознания. В этом случае мы видим кроме внешнего стимула гнета, опасности, другой великий стимул рождения и возрождения национальности — стимул извне пришедшей свободы.

Но, кроме вышеуказанных моментов, для процесса возрождения национальности необходимы еще благоприятные условия. И не только благоприятные условия объективного свойства, как выгодное географическое положение, слабость давящей национальности, внешняя помощь и т.д. Необходимы условия, крою-

щиеся в самой структуре данной народности. Необходим аппарат, через который все стимулы, все эмоции с наибольшей силой и быстротой проводились по всему организму народа. Необходима наличность либо той или другой **социальной организации** (например, родовой, племенной), способной в нужную минуту направить разрозненные действия в одно общее русло; либо, если все следы исторической организации успели сойти со сцены, наличность **интеллигенции**, — духовной или светской, смотря по обстоятельствам — способной заразить массу собственным энтузиазмом к борьбе за национальное освобождение. Без организации, без фермента интеллигенции, возрождение невозможно.

С этой схематической точки зрения интересно взглянуть на рассматриваемые нами народности. Все они в большей или меньшей степени пережили в свое время период борьбы за национальную индивидуальность, все они одинаково потерпели поражение, хотя одни кончили борьбу раньше, другие — позже. Но не одинаковы были последствия этого трагического финала.¹³

Многие вместе с инкорпорацией потеряли не только свои территории и социальные организации, но и те национальные традиции, которые являются зерном для будущего возрождения. У татар, у мордвы, у вотяков, чувашей, черемисов, башкир, у зырян и т.п. народностей прошлая независимость едва ли не пустой звук, не говорящий ни уму, ни сердцу. Конечно, тому были могущественные причины — как потеря сплошной территории, давление русского элемента или земельное разорение, но, каковы бы ни были эти причины, факт налицо, — не только национально-политические, но в значительной степени чисто национальные эмоции и самосознание исчезли. После инкорпорации мы не видим никаких проявлений коллективной деятельности, никакой самообороны. Огромную роль в этом трагическом факте играла, разумеется, не только малая культурность, но и беспощадность борьбы. В этой вековой борьбе погибли, без сомнения, наиболее энергичные элементы, а новые условия жизни были слишком мало благоприятны для выработки индивидуальностей. Известный пример крестьянина мордвина Кузьмы Алексева, по прозвищу "Кузька — мордовский бог", сумевшего своей проповедью обновленной старой веры вызвать массовое движение среди мордвы, увлекшего за собою тысячи народа

и на момент воскресившего в мордовском народе старые национальные эмоции, — только ярче подчеркивает национальное бессилие подобных народностей.

Ко времени освободительного движения указанные нами народности очутились так или иначе в таком положении, что не только старые национально-политические эмоции, но и самый стимул самосохранения, стимул опасности и борьбы оказался утраченным, ибо в политической области они безнадежно потеряли все, что возможно только потерять, — вплоть до надежды.

В одной только области стимул опасности сохранился — в области религии; но более или менее организованную самооборону и сотрудничество среди этих народностей мы находим только у народностей магометанских, и то преимущественно у татар, у которых ислам пустил глубокие корни. Высокие культурные достоинства этой религии поддерживали в массах татарского народа стойкость в борьбе и, главное, веру в несокрушимость.

Лишенные политических организаций, татары имели естественные организации в своих обособленных религиозных общинах.

Стимул религиозной опасности, вызванная ею потребность в самообороне и самостоятельности, наконец, эта спонтанная организация глав религиозных общин, без сомнения, должны были сыграть огромную роль в пробуждении национального самосознания. Но этого было недостаточно. Острота религиозной борьбы значительно парализовала народную энергию, направив ее в узкое русло односторонних эмоций. В этом отношении татары оказались в том же положении, что и менее культурные народы Поволжья. У всех этих народов старая социальная структура рушилась вместе с последними поражениями в борьбе за независимость. Усиленная иммиграция русского элемента наряду с административной русификацией давным давно разрушили старый родовой строй, заменив и самоуправление и суд общерусскими учреждениями. Только конспиративно, и то в местах со сплошным инородческим населением возможны были соглашения и сговоры отдельных сельских обществ и волостей. И если татары, да еще донские и ставропольские калмыки, благодаря иноверию и самостоятельности церковной организации,

имеют пути и средства для общения и общих действий, то православная мордва, вотяки и др. и этой формы общения не имеют. Всем этим народностям еще предстоит, если им суждено возродиться, создать ту или другую форму организованного социального или культурного общения. Старые общественные организации умерли, умерли и классы, раньше стоявшие во главе борьбы, и нужны были новые элементы, которые воскресили бы пепел потухшего очага. Эти элементы, как мы увидим, явились в лице интеллигенции.

Например, буряты являлись естественными защитниками отдаленных границ от напора кочевников и в то же время служили посредниками с соседними территориями и племенами востока. В виду удаленности от центров русской оседлости, правительство было фактически лишено возможности опираться на силу местного русского элемента, крайне немногочисленного. Все это вместе взятое заставляло центральное правительство сдерживать русификаторский пыл местной администрации и оставить народностям до известной степени их внутреннюю самостоятельность. В одном отношении русское владычество принесло этим народам огромную пользу. Оно дало им *внутренний мир*. Оно прекратило те губительные распри, которые никогда раньше не прекращались между отдельными родами и племенами, и энергия, которая до того уходила на разрушительную внутреннюю борьбу, теперь могла направляться не только на мирную культурную работу, но и на национальное объединение и сотрудничество. Так или иначе, но эти народности, наряду со своей территорией и земельным устройством, сохранили до последнего времени и свою старую социальную организацию.

Как ни придавлено было инородческое самоуправление, но органы его так или иначе жили, действовали, боролись, хотя бы оборонительно, и в этой борьбе укреплялось сознание национального бытия и единства.

Не забудем, что в основе инородческого самоуправления лежал род или союз родов — племя. А род или племя — микрокосм не только национального, но и социально-политического организма. Род не только кровный союз и хранитель общих исторических традиций и эмоций, но и распорядитель всего родового богатства, *земли*, регулятор всех гражданских отношений. Возьмите какое-нибудь так называемое *инородческое ве-*

домство. Это совершенно обособленный цельный организм (племя), состоящий из лиц общего происхождения, связанных общей историей, общими героями, общими дорогами всем деяниями и событиями прошлого, общими авторитетными родоначальниками. У членов этого союза единая *общая территория*, принадлежащая всем и никому в отдельности. У них свои родовые боги и свои религиозные празднества, свои судьи и свои управители, своя самая интенсивная социальная работа. В чистом виде это настоящее ультра-национальное государство.

В национальном отношении родовой строй сыграл огромную роль. Внутри родовых и племенных союзов с их сугланами хотонов, аймаков, улусов, наконец, сугланами из представителей целых племен — изо дня в день, начиная с повседневных насущных нужд в делах земельных, судебных, продовольственных, и кончая моментами общенациональных бедствий, объединявшими представителей разных племен в одно единое целое — шла незаметная, но непрерывная совместная работа, накапливались навыки общего сотрудничества, общих эмоций и традиций. И если все эти психические элементы обычно дремали в тяжелую и долгую ночь общего гнета, то они нервно просыпались при первой острой опасности, грозившей дорогим учреждениям, и смыкали цепь общенационального самосознания. А эти опасности — к счастью или несчастью — возникали без всякого перерыва, и даже в моменты затишья напуганное воображение не переставало ожидать грядущих опасностей и вызывало постоянно напряженное состояние самообороны.

Хорошей иллюстрацией этого постоянного “*para bellum*” служит существовавший у всех народностей рассматриваемой группы институт так называемых “темных поборов” — всенародное регулярное самообложение для защиты от административных притеснений! Прежде всего, это бывали систематические захваты инородческих земель пришлыми элементами или даже самой администрацией для раздачи казакам и переселенцам. Далее, те классические “обида и разорения” со стороны местных властей, которыми переполнены старинные челобитные инородцев, — “обида и разорения”, конечно, выходящие из ряда вон, ибо на обычные вымогательства и притеснения инородец не имел никакой возможности реагировать. Немаловажным поводом для мер самообороны служили обиды миссионеров, насильственные

крещения, репрессии против старой веры. Наконец, инородцам приходилось непрерывно следить за всякими законодательными и административными проектами, затеявшимися в той или другой инстанции, чтобы во-время предупредить или, по крайней мере, уменьшить опасности, грозившие их интересам. Получается, положим, известие, что тот или другой министр или местный администратор готовит важный антinationальный проект. И вот начинается переписка между родоначальниками или общепризнанными представителями. Собираются со всех концов территории "нотабли", избирают депутацию, которая отправляется в резиденцию того или другого администратора, часто и в столицу.¹⁴ На дорогу требуются деньги, и не на одни путевые издержки: еще более требовалось в свое время для убогствования влиятельных особ, на оплату ходатаев, посредников, адвокатов и т.д. Тут-то на сцену выступает фонд, составившийся из "темных поборов". Случалось, что опасность грозная, а темного фонда мало; тогда нотабли устраивают между собою подписку. В таких случаях корысть отступает на задний план, и лица, слышущие в обыденной жизни за людей скаредных и даже кулаков, поражают своей щедростью.

Существует преувеличенное мнение, будто "темные поборы" служили, главным образом, для обогащения общественных воротил. Злоупотребления, конечно, бывали, поборы были очень тягостны для населения, достигая иногда до 1 рубля с души; это правда, но что эти поборы действительно шли обыкновенно на патриотические цели, — несомненно.

Отсюда становятся понятными эти бесконечные депутации в Петербург, пополняющие, начиная с конца XVII века, историческую летопись инородцев, кажущиеся нам в настоящее время бесцельными прогулками, а в глазах инородцев имеющие перво-степенное значение.¹⁵

Конечно, не сами депутации важны и даже не их результаты, а та психика, которая вокруг них создавалась. В этом воспитательном смысле важны были, быть может, еще более и другие формы самообороны, — с нашей точки зрения, нелепые, с точки зрения инородцев, самые сильные, — требовавшие не только материальных жертв, но и всеобщего народного напряжения. Мы говорим о всенародных р е л и г и о з н ы х м е р о п р и я т и я х (посты, молитвы, заклинания и т.п.), которые

принимались по инициативе нотаблей по случаю грозных политических бедствий.

Как ни нелепы, с нашей точки зрения, эти примитивные меры самообороны, но они, в силу общенациональных эмоций, ими вызываемых, в силу организованности этих мер, требовавших и материального и духовного напряжения, должны быть учтены в активе динамики тех сил, которые создавали национальное самосознание и сотрудничество.

Так действовала родовая организация изо дня в день во всех областях жизни, начиная с интересов обыденных и местных и кончая интересами высокой важности и общенародными, создавая сложный психический аппарат общих навыков, традиций, симпатий и эмоций. В этом процессе естественно создавался и воспитывался тот общественно необходимый класс деятелей, та социальная интеллигенция, которая хранила традиции общественного интереса, стояла на страже его и являлась инициатором во всех национальных делах.

До поры до времени это была родовая аристократия, а в позднейшее время и духовенство. Постепенно к ним присоединялась другая аристократия — ума, личных дарований, богатства; наконец весьма недавно явилась на сцену новая, безродная аристократия — и н т е л л и г е н ц и я .

Не всегда, конечно, родовая аристократия играла демократическую роль. Часто она являлась и в роли угнетателей своих же соплеменников, как это было, например, у астраханских калмыков, у якутов; но даже в худших случаях она все же являлась единственным элементом, стоявшим на страже общенациональных интересов, и в глазах массы была символом национального единства.

Нужно помнить, что самый ненавистный родович-аристократ все же ближе инородцу, чем русский чиновник, ибо живет той же жизнью, что и он, и национальное высокомерие ему незнакомо.¹⁶

Но если история на своем пути отмечает отжившие элементы сословности, то на смену им являются новые элементы личного дарования, ума, просвещения. На сцену является и н т е л л и г е н ц и я , этот удивительный духовный фермент, который, подобно ферментам органического мира обладает свойством не только бесконечной размножаемости, но и даром превращать инертное в активное, мертвое в живое.

Такая интеллигенция, которая с глубоким знанием прошлого видела бы ясно горизонты настоящего, могла народиться только под влиянием европейского просвещения. Из этого само собою ясно, что явление это — новейшего времени.

С национальной точки зрения история европейского просвещения у инородцев прошла несколько фаз. В первый период само правительство, в видах обрусения, принуждало инородцев отдавать своих детей в общие школы. Результаты этого насильственного просвещения оказались довольно печальными. Оторванные насильно от родной среды, перенесенные в условия часто физически невыносимые для детей природы, инородцы при первом удобном случае бросали непривычную и ненавистную среду и возвращались с радостью к старой жизни, словно намеренно сбрасывая с себя все пути чуждого просвещения. С другой стороны — особенно среди татар, городских жителей — лица, добившиеся европейского образования, отходили от своего народа, порвав с ним всякие связи. Но жизнь брала свое. Все увеличивавшийся контакт с русскими, сознание утилитарного значения знания для целей торговых и для сношений с администрацией, распространение школ, отчасти христианства — постепенно создавали потребность в образовании. В этот период, наоборот, замечается часто тенденция к противодействию инородческому просвещению, особенно на окраинах. Доступ к просвещению для целых народностей (бурят, например), является иногда премией за крещение. Сверх того, низшие школы, которые создавались для инородцев, носили явно обрусительный характер и мало достигали цели, так как языком преподавания был язык, совершенно чуждый для учащихся. Тем не менее, несмотря на все неблагоприятные условия, интеллигенция, хотя и медленно, нарастала. Правда, большая часть все еще отходила от своего народа, стараясь как можно скорее смыть с себя пятно инородчества, чтобы затеряться в русской массе, и даже лучшие элементы, те, которые в силу своего профессионального положения, как священники, учителя и т.д., не оказывались по отношению к своим в роли добровольных обрусителей, даже и они меньше всего думали о каком-либо национальном возрождении: это в большинстве случаев были скромные культуртрегеры, которые, скорбя душой о духовном убожестве своих соплеменников, пытались своими единичными усилиями внести какой-ни-

будь свет в эту среду распространением грамотности, переводами священных книг на инородческие языки, что, кстати говоря, поощрялось и самим правительством; и едва ли не идеалом этих лучших элементов было мирное обрусение. Но приближался момент, когда эта аморфная интеллигенция силой самой жизни должна была стать на путь национальной работы.

Толчок пришел извне, из того родника общечеловеческой культуры, для которой нация — только индивидуальность в великом цветнике народов. Наступила пора, когда социально-политические идеи из голов одиноких интеллигентов стали переходить сначала в городские, а потом в сельские массы. Носители этих идей, прежде одиноко бродившие по большим городам в поисках адептов, стали так же часты в провинциальных городах, как и в столицах. Идеи распространялись уже не приезжими агитаторами, а местными культурными одиночками. Вот тут-то в инородческой среде явился камень преткновения: доступ в нее открывался только через дверь национального: русский язык, русская литература оказались бессильными. Инородческий язык был единственным каналом, который мог соединить родное племя с общим руслом всероссийской реки новых идей. Этот язык надо было возродить, многим даже вновь изучить, обогатить его новыми словами и сделать из него язык литературный.

Это была огромная работа, но она дала и огромные успехи, и вместе с ними росла любовь к этому победоносному оружию, росла любовь к его носителю, росла любовь к познанию его, его психики, его прошлого, его лучших сторон, его страданий и чаяний и, наконец, нашелся лозунг для этой работы в таинственном слове — с а м о о п р е д е л е н и е .

Но тут мы уже подходим к моменту освободительного движения.

Освободительное движение застало инородцев далеко не врасплох. Никогда еще агрессивная политика центра не велась с такой последовательностью, как именно накануне освободительного периода. Во всех областях жизни, начиная с земли и кончая школой, верой, гражданскими правами, репрессии шли за репрессиями; а для более строптивых национальностей предпринимались специальные меры...

Неудивительно, что первые раскаты освободительного движения, наиболее яркие и ранние политические выступления начались именно на окраинах, в центрах инородческой оседлости.

Уже не говоря о Западном крае или о Кавказе и, в частности, Гурии, где движение началось за три года до японской войны и завершилось в начале 1905 г. всеобщим восстанием и сменой всех местных властей, — вспомним далекое Забайкалье, где маленький изолированный народец, доведенный до крайности агрессивными мерами против его исконных учреждений, начиная с 1902 г. шаг за шагом мужественно отстаивает свои старые вольности, вплоть до поголовных отказов выбирать сверху навязываемых властей и до насильственного возвращения земель (буряты, тунгусы).¹⁷

Не везде, разумеется, участие инородческих групп во всеобщем подъеме одинаково рельефно выступало на поверхность. У таких народностей, как буряты, якуты, киргизы, уже в силу их географического положения, в силу особых условий культуры, борьба носила ярко индивидуальный характер национально-освободительного движения; у таких народностей, как мордва, чуваша, татаро-башкиры, живущих вперемежку с русским населением, а главное, в одинаковых с ним экономических и бытовых условиях, движение, особенно среди сельского населения, ничуть не отличалось от общерусского. Те же приговоры, те же наказания ходокам и депутатам, те же сельскохозяйственные забастовки, те же общепартийные группировки, та же агитация в выборную кампанию и те же формы протеста против администрации.¹⁸

Но за этим общим процессом, казавшимся столь однородным, шел другой процесс, менее заметный, но не менее знаменательный. Когда русский крестьянин прислушивался к речи оратора, у него слезы навертывались на глаза потому, что впервые в ясных, сильных и трогательных словах он услышал то, чем смутно болела его душа в течение веков. У мордвина, чуваша, вотяка, черемиса, татарина, которым их собственный язык казался бедным, жалким, презренным, интеллигенция которого была до сих пор столь чужда ему, эти слова, помимо их содержания, вызывали особый энтузиазм еще и потому, что они произносились родным человеком, давно покинувшим его, еще вчера казавшимся ему чуждым, сегодня снова ставшим ему братом,

и произносились на его собственном языке, еще вчера считавшимся отверженным.

И на этом, отныне ставшем для него вдвое дороже, родном языке ему говорили о праве его в общественной жизни и школе, о праве на национальное самобытное существование, а еще через некоторое время он сам распевал на этом языке захватывающие строфы марсельезы, читал прокламации с пылкими призывами, брошюры о естественном праве человека, свободе, земле, братстве народов. Тут создавались неведомые ему раньше, но отныне неизгладимые национальные эмоции, закладывался фундамент национального самосознания. Незаметно со стороны, глубоко внутри происходил психический процесс, который одновременно пересоздавал в одном горниле и массу, и ее интеллигенцию, сливая их в одно неразрывное целое.

Возвращение инородческой интеллигенции к народу — знаменательнейший факт освободительного движения.

Ни в одной среде интеллигенция не была так чужда массе, как в инородческой. Вкусив плоды русского образования, интеллигент пуше всего заботился о том, чтобы как можно скорее смыть с себя печать инородческого происхождения, печать отвержения и приниженности. И народ, сам тяготившийся своей отверженностью, платил ему глухой враждебностью, видя в нем одновременно и барина, и ренегата. Освободительный порыв вернул многим народностям их интеллигенцию. Так было с татарами, немногочисленная европейская интеллигенция которых была совершенно чужда народу. Так же было и у таких народностей, как вотяки, чуваша, башкиры, черемисы, интеллигенция которых в буквальном смысле слова стыдилась своего происхождения.

Конечно, интеллигенция эта, как ни велик был ее энтузиазм, вряд ли могла бы использовать его, если бы в ее рядах не было элементов, успевших еще ранее занять в среде народа кое-какие позиции. Эти сравнительно немногочисленные, но влиятельные своим положением элементы составляли сельские учителя, священники, писари из инородцев, которые до того, под влиянием внешних условий, ничем особенным себя не проявляли, но в нужный момент сумели воспользоваться своим положением. Это они вдруг в школах, в церквях, на народных собраниях заговорили на народном языке, разъяснили события, будили сим-

патии к освободительному движению и вызывали к себе симпатии масс. Главным образом, через эти элементы и проникли социалистические идеи в крестьянские массы, и мы увидим ниже, как идеи эти привели к неожиданному результату, к образованию национально-социалистических организаций.

Но, говоря о роли интеллигенции, никоим образом нельзя довольствоваться пониманием этого термина в ограниченном, европейском смысле этого слова.

У некоторых народностей, у которых контингент лиц с европейским образованием был недостаточен, роль интеллигенции выполняли, и весьма энергично, или лица духовные по профессии, или лица, получившие религиозное образование. Это можно было наблюдать у поволжских татар, у калмыков, у бурят. Не без влияния в этом случае остались европейские идеи, проникшие в духовенство, — как это ни странно, — не через Россию, а через косный Восток, через Турцию и Египет. Стеснения в организации высших рассадников мусульманской образованности издавна гнали сотни молодых людей в школы Константинополя и Каира, где они сталкивались со своими единоверцами из всех стран мира. Здесь, особенно в Каире, забытые татарские юноши могли видеть, как чудотворно действует тот режим свободы, который ввели англичане в Египте. Здесь, точно так же, как в Индии, английская свобода породила в мусульманстве идеи, которым, быть может, суждено изменить всю психику исламистского мира. Съезды мулл, участие некоторых из них в учительских организациях, союзы студентов медресе — характерные признаки нового течения. По-видимому, еще более видную роль играло ламаистское духовенство у бурят и начинает играть у калмыков.¹⁹

Таков был, так сказать аморфный процесс национального пробуждения, так шла та невидимая психическая работа, которая протекала в тиши народных глубин. Аморфный процесс неизбежно должен был перейти в процесс кристаллизации.

Начинается период образования национальных организаций, период общенациональных действий и выступлений.

Из этих организаций, прежде всего, останавливает на себе внимание "Мусульманский союз", родившийся на свет Божий 15 августа 1905 г. среди вод Оки, на пароходе "Густав Струве", го-

степриимно приютившем и укрывшем от запрета администрации представителей российского мусульманского мира.

По официальному титулу своему ("собрание мусульман всех сословий из разных губерний и областей России") Союз представлял собою только как бы лигу лиц, объединенных общностью религии и общностью правового положения в государстве; но это только по названию, на самом же деле в основе своей это не был аморфный агрегат лиц, а союз народностей, союз народных организаций. В действительности, народности, естественно входившие в этот союз, как татары, азербайджанцы, киргизы, — представляли собою обособленные национальные группы, образовавшие свои особые организации, имевшие свои съезды.²⁰ Иначе и быть не могло. Народности, вошедшие в союз, были слишком отличны друг от друга в историческом, экономическом, бытовом и социальном отношениях; каждая из этих народностей имела свои обособленные верховные интересы, для которых, естественно, требовалась своя собственная национальная организация.

То, что спаяло эти столь разнообразны народы, это были общие религиозные эмоции, общие религиозные идеалы, общая религиозная опасность и общие правоограничения и, наконец, — верховный мотив — общая жажда культурного возрождения на почве сближения мусульманства с европейским просвещением и с новыми политическими идеалами и условиями.

Что "Союз" ставил во главу угла всестороннее развитие именно автономных культурно-национальных организаций, это явно показывает последний пункт (5) резолюции первого же съезда Союза, гласящий:

"Для успешного достижения всех намеченных целей на местах образуются *свои меджилисы*, руководимые юридическими съездами мусульман".

Национальный характер этих съездов особенно рельефно сказывается в том, что не только все сословия, но и все партии имели на них своих представителей. Национальный подъем, таким образом, оказался сильнее всех партийных и классовых антагонизмов, и это лучший показатель его интенсивности.

Выступление на сцену Мусульманского союза представляет

один из интереснейших фактов как освободительного, так и национального движения в России. Он с величайшей очевидностью показывает колоссальную силу психического подъема в этот исторический момент. Только в такие моменты народы с различным историческим прошлым, отделенные друг от друга огромными расстояниями, совершенно отличные в культурном и бытовом отношении, связанные между собою только религией, могли с полной верой объединиться не только для общей борьбы, но и для общего духовного возрождения (см. 1-4 пункты 1-го съезда).

И если мы вспомним, что душой Союза явились волжские татары, то интерес этого факта будет еще более значителен. У татар до 1905 г. никакой общенародной организации не было, если не считать официальной церковной организации, никаким авторитетом у населения не пользующейся. Связи между волжскими и крымскими татарами почти не было. Сельское население не занимало сплошной территории. Но татары имели одно важное преимущество. Они имели городское население.

И если прибавить, что в Казани, самом крупном пункте татарской оседлости, естественно образовался центр мусульманской религиозной письменности и религиозной интеллигенции, поневоле привлечший к себе все элементы духовного сословия, если прибавим, что в медресе Каира, Константинополя и Бухары представители самых различных мест мусульманской оседлости сталкивались между собою и завязывали духовные связи, если, наконец, прибавить, что все эти элементы обладали общей письменностью и общим языком, не только татарским, но и арабским, то будет понятно, что условия для объединения были налицо. И когда настал час всеобщего клича к объединению, эти атомы потянуло друг к другу, и потребовалось немного дней, чтобы в плавучем доме на Оке среди всеобщего энтузиазма были заложены основы огромного союза мусульманских народностей России. И так как татары из всех этих народностей одни имели сильное городское население, в силу географического своего положения больше других соприкасались с русскими прогрессивными элементами и, следовательно, имели больший сравнительно с другими контингент интеллигенции, то им выпало на долю играть доминирующую роль в союзе.

Мусульманский союз, имевший три съезда (последний в

1907 г.), дал огромный толчок самосознанию мусульманских народов и создал влиятельную и многочисленную фракцию в первых двух думах. С этой фракцией, хотя и малочисленной теперь, считаются даже в реакционной и враждебной инородцам 3-й Думе, видя в ней олицетворение крупной силы мусульманства.²¹

Своеобразный интерес представляет Якутский союз, сформировавшийся в январе 1906 г. в момент наиболее бурного для Якутской области подъема и принявший сразу революционный характер.

Сознавая себя в этот бурный момент хозяевами края (из 270 тыс. населения области – 250 тыс. якутов), организаторы Союза, поставив себе целью соединенными силами прочно установить свои гражданские и экономические права, выставили следующие требования:

- 1) признания всех земель собственностью самих инородцев;
- 2) предоставления якутам права иметь своего представителя в государственной думе;
- 3) скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении;
- 4) немедленного уничтожения опеки полиции над инородческими общественными учреждениями и прекращения всякого сношения с ними администрации.

Впредь до удовлетворения этих требований, которые были ультимативно предъявлены по телеграфу председателю Совета министров, члены Союза отказывались:

- 1) от всякого сношения с чинами полиции и
- 2) платежа податей и повинностей.

На учредительном съезде Союза участвовало до 400 человек, в том числе много представителей с мест, тойоны, писари, уважаемые лица, благодаря чему на призыв учредителей откликнулись со всех сторон целые улусы, спешившие не только со своими подписями, но и с выполнением бойкотных требований Союза. На момент Якутская область вышла из-под власти администрации. Подати не посылались, лошади не отпускались и сообщения с полицией прекратились.²²

Кратковременно было существование "Якутской республики"; организаторы были арестованы и преданы суду, масса смирилась, но в психике якутов оно оставило властное впечатление.

Революционный характер Союза, вызванный, конечно, особенностями момента, находит свое объяснение и во всей истории якутской жизни. Жизнеспособное, талантливое племя якутов, сумевшее колонизовать суровую полярную страну и покорить ее природу, насадить в стране льдов и болот скотоводство и земледелие, претерпело за последние три века более, чем какое-либо другое инородческое племя. Гнет администрации здесь не знал пределов: еще в 80-х годах прошлого века находились исправники, которые возили с собою целые телеги с розгами, которыми истязали якутов, вымогая взятки. Ссылные, которые беспрерывно присылались с XVII ст., беспрестанно чинили убийства, грабежи, насилия над женщинами, а вдобавок приходилось их кормить и отдавать им по распоряжению администрации лучшие обработанные земли, каждая пядь которых стоила нечеловеческих усилий и трудов. В 1858 г. были закрыты ст е п н ы е д у м ы , и остатки родового управления были отданы во власть писарей и заседателей. Тем не менее, родовая жизнь, родовые традиции не умерли. Каковы бы ни были злоупотребления отдельных тойонов и родоначальников, они все же были единственными хранителями национальных интересов и традиций. Это они без усталы ходатайствовали о восстановлении самоуправления, об охране земельных прав, о защите от обид администрации. Делали они это, конечно, в самых благонамеренных формах, но отказы следовали за отказами.

Мы так долго останавливались на мусульманской и якутской национальных организациях потому, что эти организации совершенно новые, выросшие всецело на почве освободительного движения. У других народностей нашей группы национальные организации стали складываться гораздо раньше; во время освободительного движения мы видим их только окрепшими, принимающими более определенную форму. Так, например, у бурят, благодаря высоко развитому родовому строю, организованное национальное общение в той или другой форме никогда не прерывалось; освободительное движение придало старым формам общения только новый характер: вместо съездов тайшей — съезды всенародные, вместо голых ходатайств — плано-

мерные проекты организации народной жизни и т.д. У одной части бурят — именно иркутских, у которых давно ослабли было объединяющие элементы, мы видим вновь нарождение национальной организации, и, наконец, впервые в этот период обе отрасли бурятского народа, потерявшие навыки взаимного общения, вступили в тесный общенациональный союз культурного возрождения. То же, что о бурятах, до известной степени можно сказать и о киргизах.²³

И, чтобы покончить с Сибирью, упомянем маленький союз минусинских инородцев, впрочем, оставивший очень мало следов, и, наконец, попытку организовать всеобщий союз всех инородцев Сибири, попытку очень энергичную, но неожиданно прерванную благодаря наступившим репрессиям.

Таковы были организации, которые можно назвать чисто национальными, а потому и внепартийными. Рядом с ними, одни позже, другие раньше, существовали союзы тоже национальные, действовавшие то параллельно, то совместно с упомянутыми организациями, но, во всяком случае, с ними не смешавшиеся. Мы говорим о союзах учительских и национально-социалистических.

Толчком к образованию национальных учительских союзов послужила деятельность Всероссийского союза народных учителей, где впервые столкнулись учителя разных инородческих групп, имевшие возможность сблизиться между собою и уразуметь всю важность учительских союзов в деле национального возрождения.

Учителя представляли самый чуткий, свежий и энергичный элемент, ближе всего стоявший к массе. Через них, в сущности, все новые идеи и лозунги проникали в самые глубокие слои народа. Они были его естественными вождями в период движения. Наконец, на них выпала вся тяжесть культурно-национальных задач, возрождения языка, выработки новых методов преподавания, издания инородческих учебников, словом, вся та творческая работа, которая составляла истинное содержание национального самоопределения.

По внешней своей конструкции учительские союзы носили профессиональный характер. В таком духе, по крайней мере, составлялись их уставы, и под профессиональным флагом они пытались легализоваться.

Во имя успеха своего главного — национального — дела они формально признали себя внепартийными, но в действительности подавляющее большинство членов каждого учительского союза, иногда союзы целиком, принимали общую политическую платформу. Иначе и быть не могло: большинство союзов зародилось в самый разгар движения, в котором учителя принимали самое деятельное участие. Выдающуюся роль играли учительские союзы и в избирательную кампанию; учителей в первую голову выбирал народ уполномоченными, выборщиками.

Деятельность учительских союзов завершилась уже в период реакции образованием федерации национальных и территориальных союзов учителей и других деятелей по народному образованию. На учредительном съезде этой федерации, состоявшемся в Петербурге 24-25 апреля 1907 г., участвовали, судя по отчету съезда, в числе других народностей (армян, грузин, евреев, белорусов) и представители наших инородцев — бурят, якутов, калмыков, крымских татар и башкир; разгромы среди учителей помешали присутствию делегатов от чувашей, черемисов др. народностей.

Наряду с этими организациями, формально внепартийными, народились и организации партийные. То были преимущественно организации национально-социалистические, т.е. организации, во-первых, поставившие себе целью исключительную работу в среде той или другой народности, во-вторых, принимавшие, сверх того, национальную платформу.

Таковы были организации, народившиеся или получившие особенное развитие в период революции. Посмотрим, каковы были их чаяния, насколько они выразились в их платформах.

Прежде всего интересно отметить, что ни в одной платформе мы не видим никаких сепаратистских тенденций. Наоборот, все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении со всеми народами России, в общей свободе, в общедемократическом строе каждая народность обретет свое поправное право. Исходя из этого, не только национально-партийные платформы, но и внепартийные организации требуют энергичного участия в общероссийском движении. Наиболее умеренная платформа первого мусульманского съезда много

места посвящает именно этому вопросу.

”Необходимо, — гласит 1-й пункт этой платформы, — и своевременно сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных и политических запросов и задач современной русской жизни”.

И далее:

”... в достижении и осуществлении этих задач прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством (п. 3). Деятельность свою мусульмане направляют сообразно с потребностями и запросами *общегосударственной* жизни в России” и т.д. (п. 4).

Правда, у некоторых народностей, как у бурят, татар, замечалась интенсивная тенденция сближения с родственными им народами вне России, что подало повод говорить о панмонголизме, панисламизме и т.д., но сближение имело в виду интересы чисто духовные и, что замечательнее всего, в центре сближения опять-таки стояла Россия, правда, свободная Россия. Вообще изучение документов национального движения с очевидностью свидетельствует о том, что ни в один момент русской истории связь инородцев с Россией не была столь крепка духовно, как в годы освободительного движения.

За общими требованиями в программах инородцев следуют требования тоже общеполитического характера, но специально интересующие ту или другую народность. Так, например, Мусульманский союз требует во имя равноправия народностей

”... отмены всех изъятий и ограничений, которые установлены в отношении мусульман действующими узаконениями, правительственными распоряжениями и административной практикой, и полного уравнивания мусульман с населением русского государства во всех правах политических, гражданских и религиозных”.

Аналогичные требования имеются и во всех остальных платформах.

Инородцы не ограничивались ни простым требованием сохранения старых устоев быта, ни общими формулами автономности. Они выработывали всесторонние проекты (проекты земства у иркутских и забайкальских бурят,²⁴ у якутов), и в этих проектах, и в их мотивировке они обнаружили не только юридическое творчество, не только проникновенное понимание условий своего быта, но и сознательное усвоение новых идей демократизма.

Они требовали сохранения родового устройства, потому что навыки его гарантировали лучшие формы общественного сотрудничества и солидарности, но в то же время тщательно устраняли из него все вредные исторические элементы аристократизма, вводя в свои проекты самоуправления все принципы демократизма: всеобщее избирательное право без различия пола, выборность властей, независимость от администрации, передачу школьного дела в руки органов самоуправления и т.д. Они настаивали на сохранении исконного родового владения землей, ибо оно гарантировало наибольшую равномерность в ее распределении, и в этом справедливо видели залог роста социальной солидарности.²⁵ Они восстали против посягательства на кочевой быт, но в то же время вогтировали меры, споспешествующие переходу к более прогрессивным формам культуры (сельскохозяйственные школы, курсы, фермы и пр.).

Интересны попытки творчества в области *автономизма*. Забайкальские буряты, например, не довольствуются требованиями широкого самоуправления и требуют создания органа национального объединения в лице периодических съездов представителей "ведомств". Иркутские буряты выработывают меры защиты бурятского меньшинства²⁶ в губернском земстве; якуты надеются осуществить свою национальную автономность благодаря своему подавляющему большинству в земских учреждениях. Татары требуют образования местных меджлисов, руководимых периодическими съездами мусульман, и так далее.

В области *языка* требования различны. У народностей с самостоятельными территориями, как буряты, категорически требуется введение родного языка в области суда и самоуправления. Наоборот, у таких народностей, как татары, это требование не фигурирует. Зато в области духовного самоопределения и школы все платформы сходятся. Все требуют прежде всего самой

широкой свободы открытия школ, курсов и всяких просветительных учреждений, всеобщего и обязательного образования. Все одинаково требуют, чтобы языком преподавания был родной язык, чтобы дело народного образования перешло в руки органов самоуправления.

Наконец, все говорят о *культурном самоуправлении и национализации*. И опять-таки и в эту формулу инородцы вкладывают свое определенное содержание, подразумевая под этим возрождение родного языка, создание из него орудия европейского просвещения и внесение в цикл школьного преподавания всех тех культурных приобретений, которые народ создал на своем родном языке. Отдавая себе полный отчет в огромных трудностях нового дела, инородческие платформы возлагают все надежды на самостоятельность народа, и от государства требуют только устранения препон к народному творчеству.

Таковы были платформы инородческих групп.

Но таковы были платформы и всех левых партий. Вот почему все симпатии инородцев были на стороне левых. Были, правда, элементы правые, но то были антинациональные, реакционные элементы, страха или интереса ради тяготевшие к бюрократии. Такую роль играли духовные правления татар в Крыму, жившие казенным жалованьем и обирательством паствы. Такую же роль играло здесь татарское поместное дворянство. Была маленькая группа, прозванная иркутскими бурятами "обрусителями-подлизовцами", всячески противодействовавшая всяким новшествам и требованиям. Была кучка "шоломовцев", истинно русских якутов, вопивших, что прогрессивные элементы разрушают основы старого народного быта. Образовался союз "истинно русских" среди татар в Казани при участии некоторых купцов и мулл. Но в общей сложности все эти элементы представляли ничтожные отбросы, которые, особенно в освободительный период, никакой роли не играли. В период реакции, конечно, эти элементы, раньше опасавшиеся открытого выступления, стали смелее.

Теперь посмотрим, в чем проявила себя *национальная энергия* в освободительный период. А ргїої можно сказать, что она естественно должна была проявляться в тех же формах, в каких она проявлялась в общероссийском движении. В период доверия и преддумья на сцене фигурировали *депутации*,

конечно, от тех народностей, у которых и до того существовали формы организационного общения.

Своеобразная судьба постигла депутацию якутов, посланную после издания манифеста 9-го июня для исходотайствования особого представительства. Депутация была признана опасной и телеграфным распоряжением возвращена с дороги в Якутск.

За депутациями последовал период съездов. Такие съезды мы видим у бурят (больше всего), у киргиз, якутов, татар.

Общие съезды продолжались по нескольку дней и были весьма продуктивны. На некоторых вырабатывались сложные проекты (о земстве, суде, землепользовании и т.д.), обсуждались самые разнообразные стороны быта и, судя по протоколам, участники проявили, несмотря на царившее возбуждение и страстность прений, самое серьезное и умелое отношение к делу. Некоторые общие съезды были созваны самой администрацией или по ее почину (у якутов, бурят астраханских калмыков; у последних это был и единственный съезд).

Наряду со съездами общенациональными шли и всевозможные конференции — учителей, партийных деятелей, групп духовенства, городских нотаблей (у татар). Но истинная сила движения вылилась в районных и местных собраниях, которые носили всенародный характер. Здесь сам народ непосредственно приобщался к движению и копил эмоции и воспоминания для будущей перманентной культурной работы. Здесь браталась впервые интеллигенция с народом.

Из самостоятельных активных выступлений можно отметить: отказ от выборов должностных лиц по новому закону 1901 г. — у бурят; насильственное возвращение от Кабинета отчужденных земель — забайкальскими тунгусами; восстановление степных дум у бурят, отказ от податей и сношений с администрацией — у якутов.

Когда началась избирательная кампания, деятельность национальных организаций была перенесена в область избирательной агитации. К ней все элементы инородческого населения отнеслись с величайшим энтузиазмом. Ведь от Думы и ее представителей зависело осуществление тех *pro desideria*, которые провозглашались на митингах и съездах.

Сознательно и бессознательно избирательная агитация своди-

лась к двум лозунгам: на всех стадиях избирать наиболее левых, а из этих последних пользоваться всякой возможностью проводить своих, и только в случае невозможности последнего отдавать свои голоса за других. Но нужно отдать справедливость инородческому элементу: никогда он не злоупотреблял своим большинством, всегда уступая справедливое число мест меньшинству. С тем большей гордостью и энтузиазмом каждая инородческая группа встречала каждое избрание своих в выборщики или в депутаты парламента. Депутаты первой и второй Дум встречались с величайшим энтузиазмом, им устраивались торжественные проводы, и когда они приезжали на побывку на родину, каждый готов был на жертвы, лишь бы послушать своего депутата, повествовавшего на их родном языке о перипетиях думской работы. Мордва не единственное инородческое племя, которое с наивной, но трогательной гордостью бережет память о своих единоплеменниках — депутатах первой Думы, Аникине и Адрианове. Левонациональные лозунги инородцев играли не малую роль в партийной окраске депутатов всего востока России, где даже в третью Думу, благодаря именно инородцам, прошли сравнительно наиболее левые элементы.

Инородцы не довольствовались одним участием в выборах. Они зорко следили за своими избранными, посылали им вслед наказания и особых нотаблей, которые в частных совещаниях руководили депутатами, помогали им и контролировали их в то же время.

В самой Думе только мусульманские депутаты, составлявшие внушительную величину в первых двух Думах (28), образовали самостоятельную фракцию, которая сохранилась и в III Думе, хотя и в значительно меньшем количестве. Депутаты других народностей входили во фракции тех партий, к которым они принадлежали по своим убеждениям. Представители сибирских инородцев, кроме того, участвовали в работах сибирской группы.

В парламенте инородческие представители примыкали все без исключения к прогрессивным группам (не правее к.-д.) и кроме того все поголовно вошли в думскую группу автономистов, функционировавшую во время первых двух Дум.

* * *

Таковы политические проявления инородческих групп за период освобождения. Но наряду с этим шла другая работа, менее видная, но, быть может, еще более значительная, работа культуры возрождения, та работа, которая должна была заполнить грядущие политические формы национального быта национальным содержанием. Работа эта в тусклое время старого режима могла казаться безнадежной. То, в чем дух народности наиболее полно проявляется, и что в то же время является единственным проводником общечеловеческого знания и идеалов в массу, — ее язык — под давлением векового запрета оказался в состоянии атрофии. Целые племена, как мордва, чуваша, вотяки не имели никакой письменности, кроме переводов — и то не удовлетворительных — священных книг, а у тех, которые имели ее, как татары, буряты, она была приспособлена для узкого круга церковности. Все, что создали культура и наука за последние века, было почти чуждо этой письменности, ибо школа была только конфессиональная, а в светской — народный язык был запрещен. Предстояла гигантская задача — перескочить за века омертвения и влить в старые языковые организмы новое содержание, новые идеи, новые формы, новые слова. И пионеры инородческих народностей не испугались трудностей.

В один прекрасный день в народных школах учителя заговорили на родном языке учащихся. На родном языке массы заговорили ораторы на митингах. У народов, не знавших письменности, являются прокламации, гектографированные листки газет (мордва). Вотяки распевают марсельезу на родном языке. Киргизы, захлебываясь, читают в переводе манифест 17-го октября и разучивают наизусть переложенную в стихах программу к.-д. У чувашей в течение многих месяцев издается радикальная политическая газета "Хыпар", является целый ряд политических брошюр, а у татар нарождается сразу несколько партийных органов, даже юмористические издания и целый ряд иллюстрированных учебников и брошюр. У бурят возникает издательство учебников и переводных книг. В далекой якутской окраине возникает газета на русском и якутском языках ("Якутский край"). Нарождается даже национальный театр. В

Якутске в разгар движения открывается национальный клуб, где ставят не только драмы из якутской жизни, но даже оперы, с якутскими мотивами и настоящими актерами и певцами из народа. В Астрахани калмыки ставят на сцене калмыцкую свадьбу... Это была работа, требовавшая энтузиазма и огромного запаса настойчивости и энергии.

Нужно помнить, что освободительное движение застало инородческую интеллигенцию в состоянии полной русификации в умственном отношении. Как один из многих примеров, можно указать, что на первом съезде крымских учителей татар дебаты велись на русском языке. То же происходило у чувашей, у калмыков, кажется, даже у бурят и якутов (?). Среди мордвы, например, на первых митингах ораторы говорили по-русски и только для иллюстрации приводили бытовые примеры на мордовском языке. Понятно поэтому, почему те самые интеллигенты, которые в качестве политических деятелей являлись пылкими агитаторами, на собраниях учительских съездов не менее пылко дебатировали вопросы об алфавите, орфографии, терминологии, реформе преподавания в мусульманских и ламаистских школах, проектировали факультеты национального знания (у бурят проекты преподавания в высших дацанских школах), и строили планы издательств, толковали об общефинском алфавите и т.д.

Но освободительный период, полный бурь, головокружительных побед и беспощадных поражений, промчался слишком быстро. На смену явилась реакция, и центральным пунктом ее воздействия стал инородец. Многочисленные народности, как киргизы, сарты, буряты, якуты и др. потеряли право представительства. Роковые опасности, грозившие многим из них, как потеря земельного фонда и самоуправления, стали еще более грозными, чем когда-либо. Нечего и говорить о чаяниях культурных автономий, ушедших в общую Лету общих погребенных надежд освободительного периода.

И при всем том о национальном движении можно сказать то же, что о российском движении вообще.

История не мерит своих успехов масштабом мимолетных побед или поражений. Истинным историческим критерием народного роста служат его психические завоевания. Если в психике народ остался на старом месте или пошел назад, тогда он потер-

пел действительное поражение. Тот психический переворот, который произошел в народном сознании за освободительный период, не поддается никаким внешним давлениям.

Психика инородца радикально изменилась. Он осознал свое право, он уверовал в себя, он проникся уважением к себе, у него явились идеалы, он обрел верную преданную интеллигенцию, он ступил, наконец, на путь самостоятельности. Он уже начал творить литературу и политику на своем родном языке, и он упорно продолжает дальше творить.

И довольно характерен тот факт, что в то время, как в среде русской интеллигенции реакция породила настроение уныния и растерянности, это настроение меньше всего коснулось инородческой интеллигенции, которая не только не поддавалась общему унынию, но, наоборот, проявляет особенную жизненность. Уже в период реакции начинают являться попытки национальных организаций там, где они раньше не существовали, например, у калмыков. Вырастает федерация учителей инородцев. У интеллигентов из мордвы, которые в период общего подъема мало уделили внимания культурно-национальной работе, теперь, наоборот, проявляется особенный интерес к родному языку, родной словесности. Среди татар возникает широкое феминистское движение, в разных местах татарской оседлости явились легализованные культурно-просветительные общества (между прочим, в Петербурге, в Москве), была попытка, хотя и тщетная, легализовать всероссийскую мусульманскую партию.²⁷ Инородческая издательская деятельность разрастается.

Конечно, реакция жестоко повредила национальному движению, вырвав лучших деятелей, разогнав лучших учителей, нагромоздив тысячи препон к росту литературы; расколов, наконец, культурные элементы. Но энтузиазм остался, и энтузиазм здоровый, энтузиазм, который мечтает не об обособлении, а о присоединении к общечеловеческому, но не ценой национального, а через национальное.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "Право", 1905 г., № 48-49, стр. 3889.

² "Простые татары считают неудачи русских в Японии Божьей карой за незаконные, по их мнению, действия миссионеров против мусульман". С.В. Чичерина. "О приволжских инородцах", СПб, 1906 г., стр. 26.

³ Впрочем, даже среди народностей этого типа каждая даже второстепенная болячка, специфическая для той или другой народности, в этот горячий период особенно чувствовалась и выдвигалась наружу. Так, например, у вотяков есть специальная болячка, так называемая *кумышка*. Под последней подразумевается самодельная водка, которую испокон веков вотяки выделывали для своих религиозных празднеств. До введения монополии кумышка добывалась совершенно свободно. Затем пошли гонения, которые создали состояние непрерывной войны между администрацией и фанатически преданными кумышке вотяками. Ни штрафы, ни тюрьмы не ослабили кумышечного пыла вотяков, которые в этой общей борьбе проявили удивительную солидарность. "Кумышка" стала поэтому гвоздем агитации. С кумышки начинал обыкновенно свою речь агитатор, и от нее, как от исходного пункта, он уверенно переходил к самодержавию, свободе совести, учредительному собранию, социализации земли. У чувашей при всей их солидарности с соседним русским населением был в некоторых местах свой большой вопрос – это спорные луговые земли, которые чуть ли не при Грозном были насильно отняты у них и переданы русским переселенцам. И вот, несмотря на популярность в их среде идеи социализации земли, ими был выдвинут в общерусскую аграрную платформу пункт о *restitutio statu quo ante* с луговыми землями.

⁴ Это очень хорошо понимают даже более толковые из миссионеров. Один из них (покойный Ильминский) говорит, что по взгляду шаманствующих инородцев христианская вера – есть *русская* вера; священник тот же шаман; молитвы – те же шаманские заклинания. Поэтому шаманствующие инородцы не отрицают христианства, а только признают его верой не *своей*, а *русской*, почему вопрос об обращении ограничивается (Недурно сказано! – Л.Ш.) для них переменной *народности* ("Казанская Центр. Крещ.-Татарская школа", Казань, 1887, стр. 3,4, цит. у Чичериной)... Исходя из этой верной идеи, автор ее видел один только исход для привлечения инородцев к христианству, именно, национализирование последнего путем перевода священного писания на инородческие языки, богослужения на родном языке и т.д., т.е. превращения христианства в национальную религию каждой отдельной народности.

⁵ Чичерина. *op. c.*, стр. 28 и сл.

- ⁶ Сообщено мне И.К. Зеленовым.
- ⁷ "Бирж. вед", вечерний вып. 21 февр. 1908 г.
- ⁸ Чичерина, *op. c.*, стр. 24.
- ⁹ *Ibid.*, стр. 25,26.
- ¹⁰ *Ibid.*, стр. 25, 26.
- ¹¹ В то же время можно указать много примеров, когда русское население, вкрапленное в среду инородцев, постепенно теряет родной язык и усваивает доминирующий инородческий, как это случилось на севере Якутской, Енисейской и Тобольской губерний.
- ¹² Вот несколько данных. Общее число изданий, напечатанных в Казани в 1903 г., – свыше 250 названий и 2,5 млн. экземпляров; но татарские книги печатаются не в одной Казани, а и в Петербурге, Оренбурге, Москве, Ташкенте, Баку и Бахчисарае. Каталоги книжных лавок включают в себя кроме сотен названий по мусульманской учености, книги по математике и изящным искусствам (романы, повести, рассказы, сказки). (Чичерина, *op. c.*, 21.) Это до 1905 г. С тех пор появились и политические газеты всех направлений, а в последнее время явился целый ряд школьных учебников по общеобразовательным предметам.
- ¹³ Некоторым читателям может показаться странной сама возможность говорить о прошлой борьбе таких племен, как вотяки, мордва, башкиры и т.д. Но это плод малого знакомства с историей России. В действительности забытая ныне борьба этих племен за свою внешнюю и духовную независимость составляет одну из трогательнейших страниц русской истории.
- ¹⁴ У калмыков было в обычае посылать депутации ко всякому новому министру внутренних дел "для смазывания кресла", по их выражению, которое в свое время имело, вероятно, значение нефигурально. Последняя такая депутация имела место при В.К. Плеве.
- ¹⁵ Характерно отношение администрации к этим депутациям в последнее время. Одно время инородческим депутациям вовсе запрещалось приезжать в Петербург. В самые последние годы бывали случаи, когда депутатов выдворяли из столицы (бурят) или возвращали уже с дороги (якутов), или даже подвергали суровым репрессиям – ссылке и заточению – за телеграммы в Петербург (буряты).
- ¹⁶ Была аристократия и у других народов рассматриваемой группы, например, у татар, в лице поместного дворянства, но в виду потери родового строя и самоуправления, она никакой роли в националь-

ной жизни не играла, ничем не связанная с народом. Впрочем, в освободительный период даже у этого отжившего в национальном отношении класса проявились национальные симпатии. В Поволжье представители татарского дворянства приняли живое участие в мусульманских съездах и избирательной агитации. Только в Крыму татарские мурзы вместе с муллами остались совершенно равнодушными к национальным и народным интересам.

17 "Право", 1905 г., №№ 48-49, ст. "О том, как развивалось правосознание у бурят".

18 В этом движении приняло участие даже такое отсталое племя, как зыряне, которые действовали совершенно солидарно с местным прогрессивным крестьянством Вологодской губернии и в избирательную кампанию поддерживали левых. Единственное, кажется, исключение составляли карелы Тверской губернии, которые, несмотря на соседство с прогрессивным русским населением, остались совершенно индифферентными. По-видимому, главными причинами этого служили: отсутствие интеллигенции, потеря всяких исторических традиций и полная обособленность от внешних влияний, благодаря языковой изолированности.

19 Были, конечно, среди инородческого духовенства и реакционные элементы. Особенно отличались в этом отношении крымские городские муллы, прислужники татарского дворянства, доводившие свою реакционную ярость до насильственных столкновений с населением (Симферополь). Консервативную роль играло духовенство и в калмыцкой степи, издавна державшее руку дворянства. Но в других местах, на Волге, среди башкир, среди бурят, духовенство, как мы сказали, оказывало поддержку, и часто очень сильную, светской интеллигенции.

20 Только культурное мусульманское население Туркестана, еще не оправившееся от векового гнета азиатского деспотизма и последствий завоевания, лишенное пока европейской интеллигенции, осталось, по-видимому, без организации.

21 О будущем Союза трудно сказать что-либо определенное. Уже и теперь западнические и косные элементы ведут между собою глухую борьбу. Классовые противоречия неизбежно выступают на сцену; местные интересы отдельных народностей будут на время отодвигать общие.

22 Подробности см. "Отчет о судебном заседании по делу о 'Якутском Союзе' " в газете "Якутский край", 1907 г., №№ 21-26, 28, 29-33, 35, 37.

23 Подробнее о последних двух народностях см. статьи "Буряты" и "Киргизы" в сборнике "Формы национального движения...", С.П. 1910.

- ²⁴ См., например, "Протоколы заседаний Общего съезда бурят Иркутской губернии для обсуждения вопросов, связанных с земской реформой". Иркутск, 1905 г. (изд. Иркут., Отд. И.Р. Геогр. Общества). Ср. также "Сибирск. вопр." 1905 г., № 2, стр. 171.
- ²⁵ Сочинские буряты, например, исходя из общепурятского требования о предоставлении племени и общинам всех фактически обрабатываемых орудиями и скотом земель с лесами, водами и недрами и из идеи обобществления всех дел, касающихся нужд и пользы всего населения, требовали, чтобы "все продукты скотоводства, в особенности, кожа, были обрабатываемы внутри самой общины под ведением органов самоуправления" (Сиб. вопр. № 2. 1905 г., стр. 171).
- ²⁶ "Протоколы", *op. cit.*, параграф 29.
- ²⁷ Заслуживает также быть отмеченной попытка объединения мусульманских народностей России на экономической почве, путем открытия банков в крупных центрах мусульманской оседлости...

ДОКУМЕНТЫ

В.И. Ленин

ОТРЫВКИ ИЗ СТАТЬИ "ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ"

Надо заметить, что вопрос о лишении эксплуататоров избирательного права есть *чисто русский* вопрос, а не вопрос о диктатуре пролетариата вообще. Если бы Каутский, не лицемеря, озаглавил свою брошюру: "Против большевиков", тогда это заглавие соответствовало бы содержанию брошюры и тогда Каутский имел бы право говорить прямо об избирательном праве. Но Каутский захотел выступить прежде всего как "теоретик". Он озаглавил свою брошюру: "Диктатура пролетариата" *вообще*. Он говорит о Советах и о России специально лишь во второй части брошюры, начиная с 6-го параграфа ее. В первой же части (из которой мною и взята цитата) речь идет о *демократии и диктатуре в о о б щ е*. Заговорив об избирательном праве, Каутский *выдал себя*, как полемиста против большевиков, *ни во грош не ставящего теорию*. Ибо теория, т.е. рассуждение об общих (а не национально-особых) классовых основах демократии и диктатуры, должна говорить не о специальном вопросе, вроде избирательного права, а об общем вопросе: может ли быть демократия *сохранена и для богатых, и для эксплуататоров* в исторический период свержения эксплуататоров и замены их государства государством эксплуатируемых?¹

* * *

Советы — это русская форма пролетарской диктатуры. Если бы теоретик-марксист, пишущий работу о диктатуре пролетариата, действительно изучал это явление (а не повторял мелкобуржуазные lamentации против диктатуры, как делает Каутский, перепевая меньшевистские мелодии), то такой теоретик дал бы

общее определение диктатуры, а затем рассмотрел бы ее особую, национальную форму, Советы, дал бы критику их, как одной из форм диктатуры пролетариата.²

Примечания

¹ В.И. Ленин, Сочинения, т. 28, Издание 4-е, стр. 234.

² Там же, стр. 236.

НОВЫЙ ПОЛЬСКИЙ ДОКУМЕНТ

В январе 1983 г. в газете "Лос Анджелес Таймс" была опубликована статья варшавского корреспондента Дана Фишера об отчете партийной комиссии Польской Объединенной рабочей партии с критикой партийных руководителей Польши.

Секретный отчет комиссии ПОРП представляет собой обширный материал, 157 машинописных страниц. Отчет был составлен по поручению чрезвычайного съезда ПОРП, который состоялся в июле 1981 г., еще до введения военного положения.

"Важнейшим условием сохранения авторитета коммунистической партии и доверия к партийной программе коммунистического строительства, — говорилось в постановлении съезда, — является искреннее и подробное изучение всех драматических событий, которые произошли в Польше после второй мировой войны, в том числе, кровавых событий в Познани в 1956 г. и выступлений рабочих балтийского побережья в 1970-м".

Отчет партийной комиссии, говорилось далее в этом постановлении, должен содержать исследование всех фактов и определение того, кто ответственен за решения, вызвавшие эти трагические события. Члены комиссии (34 человека) были назначены 2 сентября 1981 г., а месяц спустя комиссия приступила к работе.

В этом секретном отчете нет обычных для коммунистической риторики обвинений против западных империалистов, их агентов и контрреволюционных сил внутри страны, — напротив, подчеркивается несостоятельность партийного руководства Польши, его неспособность провести серьезные политические и экономические реформы.

"Выступления протеста в 1980 г., — говорится в отчете,

— полностью дискредитировали лозунг о морально-политическом единстве польского народа”.

Дан Фишер замечает, что авторы отчета не называют поименно Ярузельского и его приближенных, но критикуемый ими стиль партийного руководства, вызвавший трагические события послевоенного времени, характерен и для нынешних польских властей.

Из описания кровавых событий 1970 г. на Побережье явно вытекает, что вопреки распространенному прежде мнению, генерал Ярузельский и тогда не возражал против использования оружия при подавлении рабочих выступлений.

Этот документ, пишет Фишер, выделяется среди циркулирующих в польском самиздате неофициальных анализов, которые объясняют польский кризис пороками системы и не верят в возможность ее реформирования. В отчете партийной комиссии основная вина за польскую трагедию возлагается на отдельных польских руководителей, на их неумелое руководство экономикой и полную оторванность от народа, совершенно отстраненного от формирования государственной политики. Как подчеркивается в отчете, польское руководство не извлекло уроков из прошлых трагедий. Общество лишено возможности избирать руководителей, в результате стал всевластным бюрократический аппарат, сопротивляющийся реформам ради сохранения своих привилегий. Руководящие деятели, говорится также в отчете, отбираются по признаку их лояльности власти, а не по профессиональным достоинствам. Если в результате протестов рабочих кому-то их руководящих деятелей приходится уйти, бюрократия все равно сохраняет свои позиции.

”Не активность оппозиции обусловила кризисы послевоенной Польши, — подчеркивается в заключении секретного отчета, разработанного партийной комиссией ПОРП. — Деятельность оппозиции может быть катализатором протестов, но сама по себе создать кризисную ситуацию не может”.

Члены партийной комиссии ПОРП как на единственную возможность для партии заручиться поддержкой рабочего класса указывают на реформы — не только экономические, но и политические.

ОБ АВТОРАХ

Зденек Млинарж —

родился в Чехословакии в 1930 году. В 1946 году вступил в партию. В период с 1950 по 1955 гг. учился в Московском университете им. Ломоносова на юридическом факультете. После окончания университета короткое время работал в Генеральной прокуратуре в Праге, потом в Академии наук ЧССР.

С 1956 по 1968 гг. работал научным сотрудником Института государства и права АН ЧССР. В шестидесятые годы был секретарем юридической комиссии при ЦК КПЧ. В 1968 году Млинарж был избран вначале секретарем ЦК, а позже членом Политбюро.

После оккупации Млинарж отказывается от всех занимаемых им партийных должностей (ноябрь 1968 года) и переходит на работу в энтомологическое отделение Национального музея в Праге. В 1970 г. был исключен из партии. Он был одним из первых, подписавших "Хартию-77".

В том же, 1977 году, Млинарж эмигрировал на Запад.

Жиль Мартине —

видный французский журналист, член Исполнительного комитета Социалистической партии Франции, директор Института по изучению социализма.

Роман Шпорлук —

профессор истории Мичиганского университета. Редактор и один из переводчиков книги М.Н. Покровского "Russia in World History: Selected Essays", автор многих статей по национальным проблемам Советского Союза.

Мечислав Манели —

с 1958 по 1968 гг. — сопредседатель Международной Европейской комиссии по расследованию дел юристов-нацистов и зав. кафедрой истории и политико-правовых доктрин в Варшавском университете. В 1968 г. был уволен с работы. В том же году эмигрировал в Соединенные Штаты. Ныне — профессор политических наук в Нью-Йоркском городском университете.

Карел Каплан —

родился в Чехословакии в 1928 г. В 1956 г. окончил Академию политических наук, в 1960 г. — аспирантуру Института общественных наук. Работал советником по вопросам современной истории Чехословакии в ЦК КПЧ. Один из участников Комиссии, расследовавшей политические

процессы 50-х годов. С 1964 г. – сотрудник Института истории Чехословацкой Академии наук. В 1968 г. вернулся в аппарат ЦК секретарем Комиссии по политическим реабилитациям (так называемая Комиссия Пиллера). В этом же году был избран членом Контрольной и ревизионной комиссии ЦК. После оккупации, в мае 1969 г., вернулся в Институт истории Академии наук ЧССР. В 1970 г. был рабочим на одном из пражских заводов. В 1972 г. было возбуждено следствие, по ходу которого К. Каплан 6 недель находился в заключении. В 1976 г. получил разрешение на выезд в Западную Германию. В 1977 г. был лишен чехословацкого гражданства. Автор многих работ, значительная часть которых переведена на западные языки.

Зденек Гейзлар –

с 1939 г. член подпольной коммунистической партии Чехословакии. В 1942 г. был арестован и послан в Бухенвальд. После освобождения в результате войны, с 1946 по 1951 гг., был председателем Чехословацкого союза молодежи. С 1948 по 1951 гг. был также депутатом Чехословацкого парламента, членом ЦК КПЧ и заместителем председателя Всемирной Федерации демократической молодежи.

В 1952 г. в связи с процессом Рудольфа Сланского был исключен из партии и освобожден от всех занимаемых должностей. В 1968 г. – реабилитирован, назначен генеральным директором чехословацкого радио и выбран членом Чехословацкого национального совета. На чрезвычайном 14-м съезде КПЧ, который проходил законспирированно в первые дни советской оккупации Чехословакии, был избран членом ЦК КПЧ и его политбюро. После оккупации был послан на дипломатическую должность в Австрию. В 1969 г. был вторично исключен из партии и получил распоряжение вернуться в Чехословакию. Вместо этого уехал в Швецию, где работает в Институте международной политики в Стокгольме.

Максудов (псевдоним) –

автор социологических и демографических работ в московском Самиздате конца 60-х годов, впоследствии опубликованных за границей. В настоящее время живет в Соединенных Штатах.

Михайло Михайлов –

югославский литератор и диссидент. Провел в общей сложности 7 лет в заключении. Книги Михайлова: "Лето Московское" (1965); "Русские темы" (1968); "Подпольные записки" ("Планетарное сознание") – (1967 и 1982); "Ненаучные мысли" (1979). С 1978 г. живет в США. В настоящее время – профессор Вирджинского университета. Председатель Совета Демократического Интернационала.

Сообщение агентства "Юнайтед Пресс"

Рим, 12 авг.1983 г. (UPI) -- Бывший первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии Александр Дубчек обменялся письмами с председателем Президиума Верховного Совета СССР Юрием Андроповым.

Об этом сообщил в интервью с корреспондентами бывший директор чехословацкого телевидения Йиржи Пеликан, который в настоящее время проживает в Италии.

По словам Пеликана, после избрания Андропова генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза Дубчек написал ему письмо и получил ответ. О содержании этих писем Пеликан дополнительной информации не дал.

Дубчек был первым секретарем ЦК КПЧ в период так называемой Пражской весны, которая в августе 1968 г. завершилась советским вторжением в Чехословакию. В апреле 1969 г. на этой должности Дубчека заменил Густав Гусак, а позже Дубчек был удален также из политбюро.

Пеликан отметил, что сам факт получения Дубчеком ответного письма Андропова свидетельствует, что Советский Союз "не исключает возможности эволюционных изменений чехословацкого режима, для которых, правда, может понадобиться долгое время".

Обмен письмами, подчеркнул Пеликан, свидетельствует и о том, что отправной точкой возможных перемен является возвращение Дубчека на политическую арену.

Пеликан - депутат Европейского парламента от социалистической партии Италии.

В издательстве "Проблемы Восточной Европы" вышла книга Зденека Млинаржа ХОЛОДОМ ВЕЕТ ОТ КРЕМЛЯ. Автор, бывший член политбюро ЦК КП Чехословакии и один из ведущих политических деятелей периода Пражской весны, рассказывает о себе, о развитии реформистского коммунизма в Чехословакии 60-х годов, о Пражской весне, об оккупации Чехословакии и о переговорах между партийным руководством Чехословакии и Советского Союза в Кремле, в конце августа 1968 года.

Одна из глав этой книги — "Перед судом Кремля" — была напечатана в 1-м номере журнала "Проблемы Восточной Европы".

Цена книги — 12 долларов.

Заказы на книгу З. Млинаржа посылать по адресу:

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE
P.O. Box 566
Maspeth, New York 11378

Заказы на журнал "Проблемы Восточной Европы"

посылать по адресу:

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE .

P.O. Box 566

Maspeth, New York 11378

К 15-ой ГОДОВЩИНЕ ОККУПАЦИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Один из плакатов, которые расклеивались по Праге после советского вторжения в Чехословакию 21 августа 1968 г.

П р и к а з .

Ч. представитель войск Варшавского договора, старший лейтенант
Орлов Юрий Александрович, приказываю прекратить работу
дн 22 августа до 13 часов всем работникам и членам Президиума
Чехословацкой Академии наук и освободить все помещения Академии
наук ЧССР.

подпись от

[Handwritten signature]

Фотокопия этого приказа была опубликована в книге СЕМЬ ПРАЖСКИХ ДНЕЙ, которую составил Институт истории Чехословацкой Академии наук, сентябрь 1968 г.

